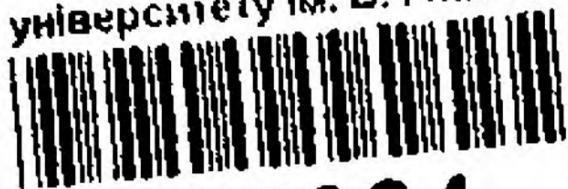

03
К61

В.Ф.Коломийцев

**МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ
(ОТ ИСТОЧНИКА К ИССЛЕДОВАНИЮ)**

Бібліотека Тернопільського
національного педагогічного
університету ім. В. Гнатюка

769904

Москва
РОССПЭН
2001

ББК 63.0
К 61

Коломийцев В.Ф.

К 61 **Методология истории (От источника к исследованию).** М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — 191 с.

Уровень каждой науки, в том числе исторической, определяется не в последнюю очередь состоянием ее методологии. Студентам исторических факультетов, преподавателям и начинающим исследователям постоянно приходится сталкиваться с необходимостью теоретического осмысления наиболее употребимых приемов исследования. Несмотря на то что интерес к теоретическим вопросам в нашей стране довольно высок и велико разнообразие методологических подходов, в университетских курсах и отечественных специализированных исторических журналах проблемы теории и методологии, находящиеся на стыке истории, философии и социологии, поднимаются крайне редко. Поэтому данная монография, написанная доктором исторических наук профессором В.Ф.Коломийцевым, и посвященная более подробному рассмотрению этих проблем, будет необходима начинающим историкам и полезна тем, кто занимается историческими исследованиями давно.

БІБЛІОТЕКА
ТЕРНОПІЛЬСЬКОГО
ДЕРЖАВНОГО ПЕДАГОГІЧНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ

© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000.

ISBN 5-8243-0201-4

© В.Ф.Коломийцев, 2000.

Введение

Вопросы о том, как писать историю, какова мера свободы размышляющего и рассказывающего о прошлом, как можно и нужно оценивать достоверность повествования о былых событиях, — эти вопросы издавна волновали и авторов исторических сочинений, и их читателей. Интерес к проблемам верификации исторического знания, к проблемам методологии особенно вырос с появлением «позитивистской школы» второй половины XIX в. С тех пор этот интерес не ослабевал, тем более, что обнаружилась несостоятельность «чистого описания», которого придерживались позитивисты. Во всяком случае, историки постоянно сталкиваются с необходимостью теоретического осмысления наиболее употребляемых приемов исследования. Даже простое описание отдельных событий и фактов, а тем более исторического процесса требует осознанного историком выбора темы, источников, оценки трудов и выводов предшественников.

В романе А. Франса «Остров пингвинов» мы находим такое сатирическое изображение проблем исторической науки:

«Писать историю — дело чрезвычайно трудное. Никогда не знаешь наверняка, как все происходило, и чем больше документов, тем больше затруднений для историка. Когда сохранилось только одно-единственное свидетельство о некоем факте, он устанавливается нами без особых колебаний. Нерешительность возникает лишь при наличии двух или более свидетельств о каком-либо событии, так как они всегда противоречат одно другому и не поддаются согласованию.

Конечно, предпочтение того или иного исторического свидетельства всем остальным покоится нередко на прочной научной основе. Но она никогда не бывает настолько прочна, чтобы противостоять нашим страстям, нашим предрассудкам и нашим интересам или препятствовать проявлениям легкомыслия, свойственного всем серьезным людям. Вот почему мы постоян-

но изображаем события либо пристрастно, либо слишком вольно...

— Зачем же, голубчик, так утруждать себя составлением исторического труда, когда можно попросту списывать наиболее известные из имеющихся, как это принято? Ведь если вы выскажете новую точку зрения, какую-нибудь оригинальную мысль, если изобразите людей и обстоятельства в каком-нибудь неожиданном свете, вы приведете читателя в удивление. А читатель не любит удивляться. Пытаясь чему-нибудь научить читателя, вы лишь обидите и рассердите его. Не пробуйте его просвещать, он завопит, что вы оскорбляете его верования. Историки переписывают друг друга. Таким способом они избавляют себя от лишнего труда и от обвинений в самонадеянности. Следуйте их примеру, не будьте оригинальны. Оригинально мыслящий историк вызывает всеобщее недоверие, презрение и отвращение»¹.

Литературный шарж великого французского романиста не умаляет достоинств историков, а лишь повышает интерес к особенностям их профессионального мастерства.

Ирония писателя А. Франса снимает с истории таинства алхимии. Однако проблемы этой науки не так очевидны, как кажется. Разнообразие ее методологических подходов удивляет. Вот, что говорит об этом болгарский философ Н. Ирибаджаков:

«Отношение людей к истории было и является различным. Одни видят в ее лице мудрую «*magistra vitae*», которая раскрывает нам тайны прошлого, помогает нам понять настоящее и приподнимает перед нашим взором завесы будущего, на которое одни глядят с унынием и страхом, другие — с надеждой или оптимистической уверенностью, но перед которым все испытывают волнение. Вторые рассматривают ее как «самую строгую из всех муз», как бескомпромиссного в своей объективности судью социальных систем, народов, классов, партий и исторических личностей, который может забыть, но никогда не забывает поставить всякого на то место, которое он заслужил. Третьи видят в ее лице и то и другое. Четвертые считают

¹ Франс А. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 3. М., 1984. С. 7–8.

ее «девицей для всех» и даже «блудницей», которая отдается всякому, кто обладает экономической и политической властью»¹.

Многие исследователи отмечают двойкий смысл понятия «история»: во-первых, это свидетельство о том, что произошло, а во-вторых, это объяснение или интерпретация событий и фактов². История не сводится к хронике, к перечню последовательных фактов — она призвана показывать развитие событий и происходящие изменения.

Уровень каждой науки не в последнюю очередь определяется состоянием ее методологии. В нашей стране, если судить по публикациям нескольких последних десятилетий, интерес к теоретическим вопросам истории довольно высок.

В современном виде методология истории как часть общей методологии науки стала складываться не ранее первой половины XIX в.³ Вступление человечества в эпоху информационной революции на несколько порядков расширяет и ускоряет доступ исследователей к банку данных по всем общественным наукам. Исторические знания образуют наиболее крупный пласт научных знаний современной цивилизации.

¹ Ирибаджаков Н. Клио перед судом буржуазной философии (К критике современной идеалистической философии истории). М., 1972. С. 9.

² Kohn H. Reflections on Modern History (The Historian and Human Responsibility). Toronto-New York-London, 1963. P. V.

³ Топольски Е. Методология истории и исторический материализм // «Вопросы истории», 1990, № 5. С. 3.

Часть I.

Развитие исторического метода и его основные принципы

1. Генезис методологических проблем истории

История — одна из самых древних наук в мире. Ее развитие позволяет говорить не только об умножении исторических знаний, но и об изменении их качества.

Греко-римская цивилизация была чем-то большим, чем суммой известного числа литераторов, историков, философов, скульпторов, ораторов и юристов. Она оказала исключительное влияние на всю мировую культуру. Кроме нее были и другие цивилизации: китайцы изобрели порох и фарфор, арабы — алгебру, основали естественные науки¹. Но величие греческой цивилизации проявилось в широком обращении к философии, истории, литературе, науке и искусству. Древние греки считали важным признаком человека его способность философствовать: «Ты существуешь лишь тогда, когда ты мыслишь» (*Cogito ergo sum!*)². Греки первыми перешли от мифологического восприятия окружающего мира к рационально-логическому примерно с V в. до н.э. Труды Геродота (480—425 гг. до н.э.), которого Гегель назвал «родоначальником истории»³ — «История в девяти книгах» и Фукидида (471—401 гг. до н.э.) — «История Пелопонесской войны» были уже мастерскими произведениями.

У древних греков складываются первые представления о методологии истории. Мифология постепенно вытесняется из исторических повествований. Современные исследователи отмечают, что уже с Геродота история рассматривалась как рациональная конструк-

¹ Сен-Симон. Избр. соч. Т. 1. М.—Л., 1948. С. 196.

² Миронов В.Б. Пир мудрецов. М., 1994. С. 28.

³ Гегель. Соч. Т. VIII. М.—Л., 1935. С. 5.

ция прошлого¹. «Сочинение, — писал Полибий (201 — 120 гг. до н.э.), — не должно именоваться историей, если только в нем нарушены требования правды... В историческом сочинении правда должна господствовать надо всем»². Наиболее достоверной считалась история, написанная участниками или по крайней мере очевидцами событий.

Но что должно быть предметом исторического исследования? Каковы его методы? Для Геродота история была больше исследованием мировой культуры, для Фукидида — деятельность политиков³.

Полибий, автор «Истории» в 40 книгах, из которых лишь немногие дошли до нас, считал историю наставницей жизни и видел главную задачу ее творца не в описании, а в объяснении событий. Так, смену государственных форм правления он объяснял падением нравов представителей власти⁴.

Всемирную славу приобрели многотомные работы римского историка Корнелия Тацита (ок. 58 — после 117 гг.) — «История» и «Аннаны», лишь частично дошедшие до наших дней. Самой сильной стороной его произведений было психологическое видение и блестящая критическая характеристика римских императоров. Образы императоров в его сочинениях как бы раздваиваются: они выступают, с одной стороны, как прогрессивные деятели, утверждающие величие империи, а с другой — как кровавые тираны, которые, опираясь на жестокую военную силу, на доносчиков и продажных чиновников, губят лучших людей государства. Самую ценную черту Тацита как историка, таким образом, образует диалектическое понимание исторического процесса⁵. Тациту принадлежит знаменитое изречение *sine ira et studio* («без гнева и пристрастия»), призывающее исследователей исторического процесса руководствоваться только интересами установления истины.

¹ Chaunu P. Histoire quantitative, histoire sérielle. Paris, 1978. P. 5.

² Высказывания об истории и историках // «Вопросы истории». 1970. № 9. С. 214.

³ Кэндзюро Я. Философия истории. М., 1969. С. 22.

⁴ БСЭ. 3-е изд. Т. 20. М., 1975. С. 559.

⁵ Funk and Wagnalis. New Encyclopedia. Vol. 22. New York, 1979. P. 406.

Эта формула в дальнейшем найдет развитие в высказывании Спинозы — «Не смеяться, не плакать и не ненавидеть, но понимать», которое стало девизом всей науки.

С распространением христианства в раннем Средневековье значительно сузились горизонты научного исторического видения. Произошла деградация исторической науки, снизился тот уровень, который был характерен для исторического мышления древних греков и римлян. Под давлением церкви история начинает рассматриваться как явление вторичное, производное¹.

Средние века подарили человечеству не только теологию и схоластику, но и летописи — первый опыт хронологического фиксирования исторических событий. Одна из версий происхождения монастырских летописей указывает, что с IV в. стали составляться пасхальные таблицы, т.е. астрономический расчет — какого числа в том или ином году будет Пасха. Такие расчеты составлялись на много лет вперед, а затем на оставшемся пустом месте записывались события данного года².

Средневековые летописцы не затруднялись переиначивать те или иные события так, чтобы они соответствовали определенным целям. Поскольку изучение истории велось лишь при дворах монархов и в монастырях, то в одних случаях ставилась задача прославления венценосцев, а в других — обоснование притязаний духовенства на власть, иногда верховную. Часты были случаи подделки документов и исторических источников, особенно дарственных сеньориальных грамот и генеалогических таблиц³.

В сочинениях историков раннего Средневековья — Евсения (IV в.) и Орозия (V в.) — была предпринята попытка сформулировать философию истории, но в богословном духе⁴.

¹ Скворцов Л.В. Время и необходимость в истории. М., 1974. С. 7–8.

² Влахопулов Б.А. Методика истории. Киев, 1913. С. 9.

³ Саар Г.П. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930. С. 57–58.

⁴ Историческая наука (Вопросы методологии). М., 1986. С. 12.

Развитие исторической науки было неотделимо от становления теории познания — ключевого элемента философии. В Средневековье господствовало теолого-идеалистическое понимание образования мира и общества, для которого примечательны мистическое, символическое и аллегорическое истолкования исторических процессов, что было отступлением назад по сравнению с греко-римской цивилизацией. Церковь, монополизировав знание (библиотеки, переписчики книг и школы были в подавляющем большинстве монастырскими), догматически объясняла весь ход истории «божественным провидением».

Рука об руку с теологами шли метафизики-схоласты, которые рассматривали все вещи и явления в мире как изолированные, находящиеся в состоянии покоя, никогда не меняющиеся. Изменения если и признавались ими, то лишь как количественное увеличение или уменьшение и как механическое перемещение под влиянием внешних сил.

Большая часть схоластов была занята истолкованием священного писания. Центральной темой было отношение разума к религии. В средние века истиной полагали совсем не то, что считаем мы. Для нас истина — это то, что было или есть на самом деле, а для теологов и схоластов Средневековья — это то, что должно быть. Истиной объявлялось прежде всего священное писание. Схоласты пытались доказать, что Бог — это «высшая справедливость», а христианское вероучение стоит «выше разума».

Несмотря на то, что в летописях уже была традиция фиксирования хронологии, еще в XVI и XVII вв. датам не придавали особого значения. Известный литературный персонаж Санчо Панса не знал возраста своей дочери, которую между тем горячо любил: «Ей, — говорил он, — может быть, пятнадцать лет, или же на два года больше или меньше. Во всяком случае, она стройна, как копьё, и свежа, как апрельское утро». На картинах и ценной мебели даты изготовления отсутствуют или подаются в укромных местах¹.

¹ Философия и методология истории (Сборник статей). М., 1977. С. 220.

В эпоху Возрождения вместе с преодолением теологической оболочки истории появляется первая, хотя и эпизодическая критика источников. Если до XVI в. история обозначала разновидность литературы и философии, то отныне она приобретает статус самостоятельной научной дисциплины¹.

Классик политической мысли эпохи Возрождения Никколо Макиавелли (1469—1527) в своих исторических работах «История Флоренции» и «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия» видел классовое деление общества и подробно анализировал социальные столкновения.

Несомненный вклад эпохи Возрождения в развитие исторической науки академик И.Д.Ковальченко усматривал в следующем: «Превращение исторических знаний в науку было связано с переходом в объяснении явлений общественной жизни с провиденциалистских позиций на рационалистические. Суть этого перехода в том, что характер и ход общественного развития стали объяснять не воздействием потусторонних, божественных сил, а деятельностью самих людей, умственными и психологическими чертами тех из них, которые имели возможность оказывать наибольшее влияние на общественную жизнь. Понятно, что таковыми оказывались царствующие особы и выдвигаемые ими крупнейшие государственные деятели и сановники»².

Возрождение осталось, однако, поверхностной культурой еще не окрепшей буржуазии. Вне поля зрения гуманистов оставалась история народных масс. Многим из них было присуще неверие в силу и разум масс, презрительное отношение к простолюдинам.

В XVII в. в мире произошел новый заметный интеллектуальный прорыв. Некоторые историки даже называют этот период «веком гениев». Он был связан также с подлинным взлетом материалистической философской мысли. Если до этого люди искали истину, обращаясь к священному писанию и к сочинениям древних мыслителей, то теперь решающей проверкой истины научных знаний стало образование в ряде

¹ Jonson A. The Historian and Historical Evidence. New York, 1930. P. 21.

² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 45.

стран Европы национальных академий. В этот период развитию методологии истории заметный толчок дала философия рационализма Ф.Бэкона, Р.Декарта и Б.Спинозы, которые повели беспощадную борьбу против теологии и схоластики.

Главный философский труд Бэкона (1561—1626) — «Новый Органон», названный так для сопоставления с аристотелевским «Органом», — содержал сокрушительную критику схоластических воззрений, ложных понятий и идей, которые мешали развитию научного знания. «Бэкон, — по словам А.И.Герцена, — указал на пустоту кумиров и идолов, которыми была битком набита наука его времени»¹.

В качестве основы научного знания Бэкон поставил опыт, данные практики. Впервые в науке он разработал индуктивный метод. Философ утверждал, что в процессе познания нужно исходить из причинной связи, из анализа отдельных элементов, явлений, что всякая достоверная истина должна опираться на возможно большее количество фактов. Сопоставляя их, человек получает возможность восходить от единичного, отдельного к общему, к выводам².

Исходный момент философии Р.Декарта (1596—1650) образовывало радикальное сомнение, простиравшееся на все виды знания, исключая математику. Он считал, что во всех знаниях, доставляемых нам ощущением, мышлением и традицией, нет ни одного положения, в истинности которого нельзя было бы усомниться³. Хотя сам Декарт и не рассматривал историческое познание как науку, но его методологические установки, изложенные в главном произведении — «Рассуждения о методе», — ясность, самоочевидность, восхождение от простого к сложному, последовательное членение объектов исследования — стимулировали историческую науку⁴.

Декарт требовал полноты фактической картины. Он упрекал современных ему историков в том, что они не были способны отбирать факты, что у них

¹ Герцен А.И. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М., 1985. С. 363.

² Краткий философский словарь. М., 1954. С. 65—66.

³ БСЭ. Т. 21. М., 1931. С. 70.

⁴ Ракитов А.И. Историческое познание (Системно-гносеологический подход). М., 1982. С. 149.

слишком много фантазии и мало критических подходов¹. Величайшая заслуга этого мыслителя состояла в том, что благодаря силе своей критики и анализа он создал атмосферу, в которой оказался возможным дальнейший прогресс науки и философии.

В целом рационализм XVII в. еще не был синонимом науки в полной мере. Рационалистическая философия означала стремление судить обо всем с точки зрения отвлеченных требований рассудка. Голландский философ Б. Спиноза считал, что знания, полученные из опыта, являются недостаточными, случайными, «смутными», тогда как разум дает необходимое и достоверное знание².

Однако отрыв логического от чувственного неизбежно вел к идеализму, ибо понятия в таком случае превращались в голые абстракции или почти математические формулы с той только разницей, что проверить их было нельзя. Историческая наука в XVII в. все еще продолжала заниматься преимущественно изучением государственности, деятельности монархов и полководцев, описанием войн и дипломатии.

Но культура исследования поднялась выше, о чем свидетельствовало высказывание М. Сервантеса де Саведры (1547—1616), автора всемирно известного «Дон-Кихота»: «Историки должны и обязаны быть точными, правдивыми и до такой степени беспристрастными, чтобы ни корысть, ни страх, ни вражда, ни дружба не властны были свести их с пути истины, истина же есть родная дочь истории — соперницы времени, сокровищницы деяний, свидетельницы минувшего, поучительного примера для настоящего, предостережения для будущего»³.

Ученому, историографу XVII в. Фосиусу принадлежит заслуга введения термина «историка» (по аналогии с «поэтикой») как методологии или «искусства писать историю», элементы которого находят у Дионисия Галикарнасского и Луккиана⁴. Этот термин,

¹ Topolski J. Methodology of History. Warszawa, 1976. P. 83.

² Краткий философский словарь. М., 1954. С. 507.

³ Высказывания об истории // «Вопросы истории». 1970. № 9. С. 214.

⁴ Шлет Г. История как проблема логики (Критические и методологические исследования). Часть 1. Материалы. М., 1916. С. 34.

употреблявшийся рядом ученых, в том числе русской профессурой в конце XIX — начале XX в., однако, не устоялся в научной литературе.

Названный эпохой Просвещения XVIII в. дал особенно много для развития всех отраслей науки, включая историю. Вера в человеческий разум стала знаменем времени. Носителем новых идей выступала революционная буржуазия, рассматривавшая себя истинным представителем нации. В этот период поднимаются новые пласты неизвестного до тех пор исторического материала, возникает интерес к изучению мало освещенных периодов и новых для европейцев географических регионов, в частности Востока. Идет кропотливая работа над собиранием источников и их систематизацией, тщательно проверяется хронология, научно оцениваются памятники прошлого, расшифровываются древние надписи, углубляется критика литературных источников, делается известный поворот к изучению народного быта.

История стала для просветителей оружием борьбы с феодально-богословским мировоззрением — ее рассматривали как «школу морали и политики». Для взглядов просветителей на историю особенно примечательным было изгнание теологии из объяснения исторического процесса, резко отрицательное отношение к средним векам, преклонение перед античностью, вера в прогресс, признание закономерного характера развития, подчиненного определенным «естественным законам».

Однако просветители, конструируя свои схемы истории, опирались преимущественно на литературные источники. С достаточным основанием немецкий философ Макс Шелер писал: «...Вся история есть в сущности произведения элит и подражаний им»¹.

Эпоха Просвещения подготовила новое понимание всемирно-исторического процесса. То, что историческая наука изучает общество, — в этом никакого сомнения не было. Однако оставался открытым вопрос о том, какие аспекты деятельности человека изучать и какими профессиональными приемами.

Попытку установить объективные закономерности общественного развития на основе сравнительного

¹ Шелер К. Избранные произведения. М., 1994. С. 3.

изучения религии, быта, нравов, социально-политического строя сделал итальянский мыслитель Джамбаттиста Вико (1668—1744), автор книги «Основания новой науки об общей природе наций». По его представлению, все народы, независимо от расы и географической среды, проходят одни и те же ступени развития. Исключая стадию первобытного состояния, которая не имела истории, фазы развития таковы: «век богов» (образование государства, религии, письменности, зачатков права) «век героев» (господство аристократии, социальные столкновения феодалов и плебеев), «человеческий век» (эпоха «гуманной» монархии и республик, расцвет городов, господство разума). Каждая фаза проходит через восхождение, упадок и возвращение к варварству, как показала история древнего Рима. Однако в отличие от античных теорий цикличности круговорот истории у Вико предусматривал развитие каждого нового цикла с более высокого уровня, чем предыдущий¹.

Французское Просвещение, идейно подготовившее революцию 1789 г., было философией исторического оптимизма, веры в безграничные возможности науки и социального прогресса.

Успехи исторической науки в этот период К. Маркс и Ф. Энгельс прямо связывали с промышленным переворотом, начавшимся в Англии. «Восемнадцатый век, — писал Энгельс, — собрал воедино результаты прошлой истории, которые до того выступали лишь разрозненно и в форме случайности, и показал их необходимость и внутреннее сцепление. Бесчисленные хаотичные данные познания были упорядочены; выделены и приведены в причинную связь: знание стало наукой, и науки приблизились к своему завершению, т.е. сомкнулись, с одной стороны, с философией, а с другой, — с практикой»².

Во Франции энциклопедисты возглавили борьбу за превращение истории в самостоятельную дисциплину университетского образования. В методологии истории появились новые идеи. Вольтер заложил основы изучения истории культуры. В своих исторических произведениях — «Век Людовика XIV» и «Опыт о

¹ СИЭ. Т. 3. М., 1963. С. 466.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 599.

ностям. Наиболее общей ценностью он считал понятие культуры. Этому общему понятию подчинены более частные: государство, право, экономическая организация, искусство, религия¹.

По мнению профессора Страсбургского университета Г. Зиммеля, познание истории следует искать не во внешних фактах, а в психологии людей. При этом лишь философ, обладающий даром интуиции, может охватить целостность истории, не достигая, однако, объективной истины. Критикуя историков-позитивистов, Зиммель писал: «Ранке выражает желание быть в состоянии погасить свое я, чтобы видеть вещи такими, какими они были *an sich*; но исполнение этого желания не дало бы ему достигнуть желаемого успеха. Погасни я, и ничего бы не осталось, благодаря чему можно было бы познать не-я»².

В общем итоге в историческом теоретизировании в этот период, по словам академика Е. В. Тарле, наметились два главных направления или две школы — «субъективная» и «объективная». Если первая утверждала, что история движется отдельными личностями, то вторая доказывала, что роль личности в историческом процессе ничтожна, что главным героем является народная масса³. Великий русский писатель Л. Н. Толстой придерживался второй школы.

Палитра исторических исследований в XX в. стала богаче и ярче. Расширилась тематика, углубились методы познания действительности, в особенности — не без влияния марксизма — более частым стало обращение к экономической и социальной истории. Всемирная история, носившая еще в XIX в. евроцентристский характер, становится подлинно универсальной, включившей в поле своего зрения все континенты. Деление стран на «исторические» и «неисторические» ушло в прошлое. Интернационализация экономической, политической и духовной жизни сблизила народы планеты.

По глубокому наблюдению проф. П. М. Бицилли, сделанному еще в 20-е годы, «сопоставляя историографию начала XIX в. с историографией нашего вре-

¹ Зиммель Г. Проблемы философии истории. М., 1898. С. 22.

² Там же. С. 37.

³ Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981. С. 120.

факторы (климат, географическая среда), 3) социальные факторы (торговля, денежная система, численность населения, религия)¹.

Целую россыпь глубоких мыслей о методологии истории мы находим у Ж.-Ж.Руссо. «...Факты, описываемые в истории, — отмечал он, — далеко не представляют точной картины тех же фактов, как они происходили в действительности: они меняют форму в голове историка, приспособляются к его интересам, принимают оттенок его предрассудков»². И еще: «Худшие историки... те, которые судят. Фактов! Фактов!.. История вообще страдает изъяном в том отношении, что регистрирует только осязаемые и заметные факты, которые можно фиксировать с помощью имен, мест, дат; но медленные и прогрессивные (нарастающие. — В.К.) причины этих фактов, которые не отмечают таким же способом, остаются неизвестными»³.

Немецкий просветитель И.Т.Гердер (1744 — 1803) в своих трудах «Еще одна философия истории» и «Идеи к философии истории» развивал мысль о закономерном и поступательном характере исторического развития. Для него прогресс человечества — естественнонаучный процесс, результат взаимодействия природных сил и культурной, духовной деятельности людей, но с преобладанием сил природы⁴. Немецкая классическая философия дала мощный толчок теории познания, но осталась на позициях идеализма в объяснении истории. Ее главной заслугой была систематическая разработка диалектического метода и признание активности человеческого познания.

И.Кант считал, что история относится к миру этики, и в этом качестве она не может претендовать на объективность. Шеллинг объявлял главным средством исторического познания интуицию, и только Гегель указывал, что история есть процесс. Ф.Энгельс

¹ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 36.

² Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или о воспитании. Кн. 3—4. СПб., 1912. С. 228.

³ Там же. С. 229—230.

⁴ Григорьян Б.Т. Философия и философия истории // Философия и ценностные формы сознания. М., 1978. С. 38.

усматривал великую заслугу Гегеля в том, что «он впервые представил весь природный, исторический и духовный мир в виде процесса, то есть в непрерывном движении, изменении, преобразовании, и сделал попытку раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития»¹.

Гегелю принадлежит деление историографии на три категории — «первоначальная история» (написанная историками-очевидцами событий), «рефлексивная история» (когда, по словам философа, «главной задачей является обработка исторического материала, к которому историк подходит со своим духом, отличающимся от духа содержания этого материала»²) и, наконец, «философия истории»³.

Слабостью немецкой классической философии был ее уход в область чистого, абстрактного мышления. К.Маркс и Ф.Энгельс объясняли этот недостаток бессилием немецкой буржуазии в решении практических вопросов общественно-политической жизни. Так, Гегель видел в развитии только логическую, духовную причину, а не объективный процесс. При этом он находился то на позициях политического либерализма («всемирная история представляет собой ход развития принципа, содержание которого есть сознание свободы»⁴), то консерватизма.

XIX в. был не только периодом триумфального шествия промышленной революции, но и эпохой взлета книжной культуры. Как считали видные теоретики методологии истории Коллингвуд и Актон, вплоть до конца XIX в. исторические исследования еще находились в стадии, подобной естественным наукам до Галилея. Таким образом, если XVII в. был «веком интеллектуальной революции», то XIX в. — «веком исторической революции»⁵.

Небезынтересные наблюдения о методологии истории этого периода сделал выдающийся русский историк В.О.Ключевский. По его словам, «философски, а

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 206.

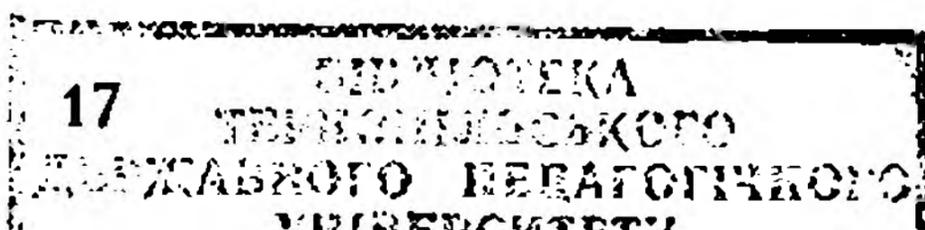
² Гегель. Соч. Т. VIII. М.—Л., 1935. С. 6.

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же. С. 54.

⁵ Clark S. Bacon's «Henry VII»: a Case Study in the Science of Man // «History and Theory». Vol. XIII. № 2. 1974. P. 97.

769904

rigorі построенные схемы в истории стали терять прежнюю цену, как раньше потеряли ее разные историко-дидактические построения судеб человечества... Историческая мысль стала внимательнее всматриваться в то, что можно назвать механизмом человеческого общежития... Для одних предметом (исследования. — В.К.)... сделались преимущественно генезис и развитие политических форм и социальных отношений, политика и право, для других — рост национальных преданий, дух и быт народов»¹.

Уже французские либеральные историки периода реставрации Бурбонов — Ф.Гизо и О.Тьерри — начали писать о классах и классовой борьбе. Однако научному освещению истории мешал философский идеализм, сопровождавший подъем консервативных политических идей среди исчезнувшей аристократии и части буржуазии.

Сам предмет или объект исторической науки в XIX в. еще многие десятилетия был обужен. Итальянский философ А.Лабриола отмечал: «...Государство и право рассматривались и по сей день (это писалось в 1896 г. — В.К.) рассматриваются как главный или единственный субъект истории»². Однако уже европейские революции 1848—1849 гг. наглядно показали историкам, какое значение имеют народные массы. Вместо туманного «народного духа» как некой абсолютной идеи, направляющей течение исторического процесса, выдвинулись реальные потребности масс³.

Вплоть до середины XIX в. история рассматривалась преимущественно как одна из отраслей литературы⁴. Глубокую критику методологии истории того периода дал английский философ и социолог Г.Спенсер. Он справедливо осуждал современных ему историков как апологетов «случая» и «великих людей». Спенсер доказывал, что появление великих людей обусловлено характером культуры данного общества, уровнем его экономического и технического развития. «Только в

¹ Ключевский В.О. Соч. в 9-ти томах. Т. VII. М., 1989. С. 308—309.

² Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории. М., 1960. С. 143.

³ Хвостов В.М. Указ. соч. С. 37—38.

⁴ Teggart F.J. Theory and Processes of History. Berkeley and Los Angeles, 1941. P. 12.

последние годы, — писал он, — начали историки давать нам действительно ценные сведения. Как в прошлые времена король был всем, а народ ничем, так и в прежних историях деяния короля наполняют всю картину, для которой жизнь народа составляет только темный фон. Только теперь, когда благосостояние народа начало сильнее занимать умы, нежели благосостояние королей, начинают историки заниматься явлениями социального прогресса»¹.

Спенсер способствовал отделению предмета социологии от истории, указав, что если последнюю интересуют конкретные факты, то социологию — типичные явления и процессы, совершающиеся независимо от воли отдельных личностей, их индивидуальных свойств и субъективных намерений².

Пожелания Г. Спенсера не осуществились в полной мере в XIX в. Даже если история и не сводилась только к описаниям деяний монархов, полководцев и других «героев», она тем не менее была преимущественно историей политической. Профессор Оксфордского университета Э. Фриман в одной из своих лекций в 1884 г. прямо заявил, что «история есть наука о человеке, как существе политическом»³.

Описательный характер исторических произведений приводил к ползучему эмпиризму. Лишь с появлением марксизма во всех общественных науках, включая историю, произошел переворот. По отзыву французского академика Ф. Броделя, «ясно как дважды два четыре, что Маркс является основоположником современной исторической науки»⁴.

Историзмом, великолепным знанием истории проникнуто все марксово учение. Обращение к историческим экскурсам было одной из примечательных черт не только научного метода, но и писательской манеры Маркса. В своих историко-публицистических трудах и письмах он с присущим ему блеском и остроумием, вместе с тем и с гениальной пронизатель-

¹ Спенсер Г. Научные, политические и философские опыты. Т. III. СПб., 1867. С. 44—45.

² История социологии (под общей редакцией А.И. Елсукова и др.) Минск, 1997. С. 50.

³ Фриман Э. Методы изучения истории. М., 1893. С. 75.

⁴ Цит. по: Далин В.М. Историки Франции (XIX—XX веков). М., 1981. С. 206.

ностью раскрыл движущие силы, ход и причины поражения европейских буржуазно-демократических революций 1848—1849 гг. и Парижской Коммуны 1871 г. Маркс непримиримо относился к фальсификации истории, к ее искажениям в угоду субъективизму и волюнтаризму. Он неоднократно подчеркивал, что без глубокого исторического знания нельзя понять экономические, правовые, философские и другие теоретические понятия. Изобличая Прудона в непонимании экономических законов, Маркс отмечал, что это происходило «прежде всего из-за отсутствия у него исторических знаний»¹.

Историческому методу Маркс и Энгельс придавали значение универсального метода научного исследования. Характеризуя логику «Капитала» Маркса, Энгельс отмечал, что «этот метод в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей»².

Материалистическая интерпретация истории Марксом внесла в науку представление об общественно-экономических формациях, об экономическом базисе и политико-идеологической надстройке, о классовой борьбе, об активной роли субъективного фактора, а именно роли масс, классов, общественных групп, партий, организаций и личностей. «Люди сами делают свою историю, — указывал Маркс, — но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбирали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»³.

Указывая, что экономика и производственные отношения имеют приоритет в развитии общества, Маркс и Энгельс отнюдь не отрицали существенной роли различных форм надстройки — государственных учреждений, общественно-политических и даже религиозных воззрений. Равным образом исторический материализм не отрицает роли личности в истории, но не переоценивает ее значение. Главная установка исторического материализма о том, что общест-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 406.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 497.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 119.

венное сознание, а именно вся совокупность общественных идей, взглядов, теорий, желаний и настроений людей отражает общественное бытие — стала общепризнанной научной истиной.

В историческом процессе, развивающемся то эволюционно, то скачкообразно, Маркс придавал особое значение деятельности масс. «Историческую инициативу масс, — указывал В.И. Ленин, — Маркс ценит выше всего... Маркс умел оценить и то, что бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба масс даже за безнадежное дело необходима во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к следующей борьбе»¹.

Маркс расширил возможности исторической науки точно отображать процессы развития общества. В.И. Ленин подчеркивал: «Весь дух марксизма, вся его система требуют, чтобы каждое положение рассматривалось лишь (а) исторически; (б) лишь в связи с другими; (в) лишь в связи с конкретным опытом истории»².

Обогатив историческую науку методом социально-экономического анализа, Маркс сделал примерно то же в интерпретации развития общества, что Галилей и Ньютон в физике, Менделеев в химии, Дарвин в биологии. Теорией классовой борьбы он вывел историю из хаоса случайностей. В известной мере марксизм был той подлинной «философией истории», о которой впервые стали рассуждать Вольтер и Гегель.

Материалистическое понимание истории никто серьезно не оспорил, хотя идеалистическое видение далеко не изжито. Даже если иные исследователи не хотят быть причисленными к марксистам по партийно-политическим соображениям, они тем не менее хотят находить причинно-следственные связи в историческом процессе не в мистике, а в объективных критериях, каждый из которых может быть изучен.

Параллельно с марксизмом на методологию исторических исследований немалое влияние оказала философия позитивизма О. Конта, претендовавшая на исключительно научный подход.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 377, 379.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 329.

Вклад историков-позитивистов — Л. Ранке, Б. Г. Нибура, Й.-Г. Дройзена, Т. Момзена, Ш. Сеньобоса, Ш. Ланглуа, Ф. де Куланжа и других — состоял в том, что они подняли значение фактографии, поставили на прочную основу критику источников, утвердили значение точных методов исследования (статистический, сравнительно-исторический и др.). Путем тщательного анализа и критики источников они старались поставить историю на уровень точной науки подобно естествознанию. Позитивисты не считали исторический факт сложной проблемой. Свою задачу они видели в кропотливом сборе фактов, которые как бы «говорили сами за себя». Ученые работали в полной уверенности, что после того, как источники признаны подлинными, содержащиеся в них данные так же должны быть достоверными.

Признанный глава школы историков-позитивистов, профессор Берлинского университета Л. Ранке (1795—1886) был скрупулезным исследователем, поднявшим на научную поверхность огромные архивные пласты. Для него исторический метод был синонимом критического анализа источников. При этом он верил в беспристрастность профессионального историка¹.

Позитивисты стремились построить методологию истории по образцу естественных наук, подняв значение поиска исторических фактов как прочных элементов знания. Историки-позитивисты подвергли переоценке ряд утвердившихся в литературе представлений, ввели в научный оборот большую серию фактов не только политической, но и социально-экономической истории.

Подъему научного статуса истории во многом способствовала систематическая критика источников, вызвавшая появление вспомогательной дисциплины — источниковедения. В первой половине XIX в. исследования немецких историков Б. Г. Нибура, Л. Ранке и Т. Момзена дали образцы применения на практике отдельных методов научной критики источников. Эта критика выросла первоначально на базе истории древнего мира и средних веков. С этого момента вопросы методологии истории стали активно разрабатываться

¹ Barker J. Super-Historians (Makers of our Past). New York, 1982. P. 169.

во многих странах. Как самостоятельная наука с собственным предметом и методом источниковедение сложилось в трудах ученых второй половины XIX — начала XX в. — Й.-Г. Дройзена («Основы исторической науки»), Э. Бернгейма («Введение в историческую науку»), Э. Фримена («Методы истории. Единство истории»), Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобсса («Введение в изучение истории»), Н. И. Кареева («Историка: теория исторического знания»), А. С. Лаппо-Данилевского («Методология истории»).

Источниковедение ввело в практику исторического исследования определение подлинности источника («внешняя», или текстологическая критика), выяснение достоверности содержащихся в источнике сведений («внутренняя», или собственно историческая критика) и сопоставление источников для подтверждения достоверности их сведений.

Дж.-Г. Дройзен и Э. Бернгейм дали классическое подразделение методики исторического исследования на четыре части — эвристику (учение об источниках), критику, истолкование (определение значения и связи фактов) и изложение, или «историческую реконструкцию»¹. Серьезные успехи в области археологии, лингвистики, антропологии и других наук открыли большие возможности для более точного установления исторических фактов и событий.

Повествовательная история, близкая к художественной литературе, стала превращаться в научную историю, а также из сугубо евроцентристской в подлинно всемирную историю.

Под влиянием позитивистской школы в историографии сложился культ письменного документа как единственно достоверной исторической базы. К теоретическим обобщениям позитивисты относились скептически, считая их ненужной метафизикой. Французский позитивист А. Пуанкаре объявлял всякое научное обобщение недостоверным, гипотетическим, утверждая, что наука не может вскрыть сущность явлений и призвана только наблюдать и описывать их. Теории, выводы, формулы науки выступали у него «просто

¹ Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий (Логическое введение в исторические науки). СПб., 1903. С. 269.

символами, представленными вместо реальных предметов, которые природа навсегда утаила от нас»¹.

Главный посыл историков-позитивистов заключался в «уникальности» исторических событий. Л. Ранке отрицал причинность в историческом процессе. Задача исследователя сводилась им к простому описанию «богатства единичного и неповторимого».

Позитивисты абсолютизировали не только письменные источники, но и сами факты. Профессора Парижского университета Р. Пэнто и М. Гравитц отмечали, что с позитивистской школой с 60-х годов XIX в. «начинает преобладать документальный дух, стремление к точности как необходимому техническому аспекту профессии историка»².

Не оспаривая благотворность этой тенденции, они в то же время указывали, что «было бы желательно, чтобы сами историки поставили вопрос, где же пределы этой объективности. Прежде всего документ, даже аутентичный, является лишь одним из аспектов фактической действительности и полностью не совпадает с ней. Кроме того, сам по себе он часто субъективен. Наконец, выбор документов и их толкование зависят от личности историка»³.

Немецкий философ Ф. Ницше остроумно сказал о позитивистах: «Вы становитесь адвокатами дьявола именно потому, что из факта делаете себе идола, в то время как факт всегда глуп и во все времена походил скорее на тельца, чем на Бога»⁴.

Л. Ранке, будучи историографом реакционной прусской монархии, стремился превратить историю в хранилище всего застывшего, окостеневшего, в орудие борьбы против социального прогресса, против революционного преобразования общественной жизни. Концепция Ранке была взята на вооружение представителями клерикального направления в современной западной историографии⁵.

¹ Пуанкаре А. Наука и гипотеза. СПб., 1906. С. 177.

² Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972. С. 171.

³ Там же.

⁴ Ницше Ф. Соч. в 2-х томах. Т. 1. М., 1998. С. 213.

⁵ Историческая наука (Вопросы методологии). М., 1986. С. 13.

По словам известного английского историка Э.Карра, «XIX столетие было великой эпохой факта... Когда Ранке в 30-х годах прошлого века в своем вполне оправданном протесте против морализирующей истории заметил, что цель историка состоит в том, чтобы «просто показать, как все было на самом деле»..., то этот не очень глубокий афоризм имел потрясающий успех... Фетишизм фактов в XIX столетии находил свое естественное оправдание и дополнение в фетишизме документов. Документы были ковчегом завета в храме фактов. Благоговейный историк подходил к ним с преклоненной головой и говорил о них со священным трепетом. Признавалось только то, что, подтверждалось документами»¹.

Позитивисты стремились превратить научные гипотезы в чисто рабочие конструкции, не претендующие на объективную истину. Тем самым, сделав шаг вперед в проверке источников и точности содержащихся в них фактов, позитивистская школа ограничивала область рассуждений и теоретических выводов исследователей.

Позитивистская школа стояла не только на позициях философского идеализма, но и протаскивала в историческую науку теологию. У Л.Ранке было такое высказывание: «Во всякой истории обитает, живет, должен быть познан нами Бог. Всякое действие свидетельствует о нем, всякое мгновение проповедует от его имени»². Этой точки зрения придерживался и Й.Г.Дройзен: «История должна твердо придерживаться веры в разумный и благой божественный миропорядок...»³.

К.Маркс подверг нелюбезной критике методологию Л.Ранке в другой связи. Для этого позитивиста, по его словам, «дух» истории был ни чем иным, как «собрание анекдотов и сведение всех крупных событий к мелочам и пустякам»⁴. Речь шла о том, что,

¹ Карр Э. История и факты // Современные тенденции в буржуазной философии и методологии истории. Ч. 1 и 2. М., 1969. С. 11, 19—20.

² Цит. по: Махов А.Е. Якоб Буркхардт — критик истории и истории «духа» // Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. М., 1996. С. 483.

³ Там же.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 30. С. 352.

пересматривая архивные анналы старых германских императоров, Ранке сводил исторический процесс почти исключительно к внешнеполитическим акциям и событиям придворной жизни.

Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX в. дала немало известных имен. Это были Н.И.Кареев, В.О.Ключевский, Н.И.Костомаров, С.М.Соловьев, Р.Ю.Виппер и др. К заслуге В.О.Ключевского следует отнести то, что он впервые ввел методологию истории в практику вузовского преподавания¹.

Русским историкам были известны все направления в западной методологии, хотя они и не копировали их автоматически. Историки немарксистского направления — а они тогда преобладали — обращали внимание преимущественно на субъективизм исследователя. «Историческое познание субъективно, — говорил в 1918 г. профессор Самарского университета Е.И.Тарасов. — Как бы мы не стремились к объективному изучению истории, известной субъективности мы не избегнем. Главная причина этого заключается в том, что история изучает процессы психические, и поэтому мы не можем понять ее иначе, как при помощи умозаключений, делаемых по аналогии с нашей собственной психической жизнью»².

Наступление эпохи империализма, сопровождаемое обострением классовой борьбы, ростом конфликтов в международных отношениях, нашло отражение в усилении идеализма и консерватизма в общественной мысли, декаданса в искусстве и литературе. Марксизм поколебал позиции буржуазного историзма.

С начала XX в. на страницах многих философских и общественно-политических журналов появляются выражения «кризис историзма», «кризис истории». Отрицаются закономерности исторического процесса и прогресс в развитии общества. Все это было связано с несколькими причинами. Прежде всего устарела традиционная форма «повествовательной» (фактически «беспроблемной»), парламентско-политической истории. Кризис позитивистской школы отражал разрыв между естественными науками, сделав-

¹ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 259.

² Пособие по методологии истории. Самара. 1918. С. 18.

шими качественный рывок вперед, и относительным отставанием философии и истории (социология и политология еще находились в стадии становления). Наконец, с «исчезновением» материи в старом представлении в физике была поколеблена вера историков в «материальность» и «прочность» фактов истории.

Апокалиптическое видение цивилизации было примечательно, в частности для философов конца XIX — начала XX в. — Ф. Ницше и О. Шпенглера. Последний, автор сочинения «Закат Европы» противопоставил материалистическому пониманию истории фатализм и развитие по кругу. По его схеме история распадается на ряд независимых, неповторимых, замкнутых циклических «культур», имеющих свою особую судьбу и переживающих периоды возникновения, расцвета и умирания. Близкую к шпенглеровской философии истории концепцию пропагандировал и известный английский историк и социолог А. Тойнби.

Бесчисленность фактов и событий истории требовала не простого их копирования и коллекционирования, а введения каких-то критериев отбора и интерпретации. Многие полагали, что цель науки состоит в том, чтобы подняться от описания отдельных неповторимых случаев до формулирования обоснованных обобщений. Но при этом вставали вопросы о субъективности мировоззрения исследователей, о невозможности экспериментального воспроизведения истории, что ставило предел точности наших знаний о прошлом.

Представитель субъективного метода в социологии русский философ и историк П. Л. Лавров со всей определенностью отстаивал правомерность именно такого подхода. «Сознательно или бессознательно, — писал он, — человек прилагает ко всей истории человечества ту нравственную выработку, которой он сам достиг. Один ищет в жизни человечества лишь того, что способствовало образованию или разрушению сильных государств. Другой следит преимущественно за борьбою, усилением и гибелью национальностей. Третий старается убедить себя и других, что торжествующая сторона была всегда правее побежденной. Четвертый интересуется фактами, насколько они осуществили ту или иную идею, принимаемую им за безусловное благо для человечества. Все они судят об ис-

тории субъективно, по своему взгляду на нравственные идеалы, да иначе и судить не могут»¹.

Если в XIX в. в исторической науке доминировали описательность и эмпиризм, то в XX в. она стала отходить от фетишизма фактов. По словам английского историка Э.Карра, «история — это интерпретация»².

Даже немарксистские историки не могли игнорировать сложные методологические и мировоззренческие вопросы. Немалую роль тут сыграла марксистская критика позитивистской школы. В исторической науке наметилась тенденция к формулированию обобщений типа эмпирических законов. Началась методологическая дискуссия, инициатором которой выступил в конце 90-х годов XIX в. лейпцигский профессор Карл Лампрехт. Он предложил отойти от концепций Л.Ранке, поставив в центр внимания так называемую «историю культуры», в задачи которой входило бы не описание единичного и неповторимого, а исторические обобщения. «Цель науки, — писал он, — не работа над частностями, не констатирование того, чем явления различаются друг от друга, а того, что их связывает между собой; другими словами — приведение бесчисленного множества фактов, которые мы наблюдаем, как в природе, так и в истории, в систему общих понятий»³. Он утверждал также, что «культурная история, поскольку она занимается изучением типичных явлений, должна стать основной исторической дисциплиной»⁴.

К.Лампрехт подверг критике господствовавшее в историографии направление, считавшее, что только личности (герои) делают историю. По его мнению, история должна изучать массы, а не индивидов⁵.

Свести предмет исторической науки к вопросам культуры предлагал и немецкий философ Г.Риккерт. По его разумению, историк производит перегруппировку фактов путем отнесения их к некоторым цен-

¹ Лавров П.Л. *Философия и социология* (Избранные произведения в двух томах). Т. 2. М., 1965. С. 42—43.

² Карр Э. Указ. соч. С. 28.

³ Цит. по: *Пособие по методологии истории*. Самара, 1918. С. 6.

⁴ Там же.

⁵ Хвостов М.М. *Лекции по методологии и философии истории*. Казань, 1913. С. 77—78.

ностям. Наиболее общей ценностью он считал понятие культуры. Этому общему понятию подчинены более частные: государство, право, экономическая организация, искусство, религия¹.

По мнению профессора Страсбургского университета Г. Зиммеля, познание истории следует искать не во внешних фактах, а в психологии людей. При этом лишь философ, обладающий даром интуиции, может охватить целостность истории, не достигая, однако, объективной истины. Критикуя историков-позитивистов, Зиммель писал: «Ранке выражает желание быть в состоянии погасить свое я, чтобы видеть вещи такими, какими они были *an sich*; но исполнение этого желания не дало бы ему достигнуть желаемого успеха. Погасни я, и ничего бы не осталось, благодаря чему можно было бы познать не-я»².

В общем итоге в историческом теоретизировании в этот период, по словам академика Е. В. Тарле, наметились два главных направления или две школы — «субъективная» и «объективная». Если первая утверждала, что история движается отдельными личностями, то вторая доказывала, что роль личности в историческом процессе ничтожна, что главным героем является народная масса³. Великий русский писатель Л. Н. Толстой придерживался второй школы.

Палитра исторических исследований в XX в. стала богаче и ярче. Расширилась тематика, углубились методы познания действительности, в особенности — не без влияния марксизма — более частым стало обращение к экономической и социальной истории. Всемирная история, носившая еще в XIX в. евроцентристский характер, становится подлинно универсальной, включившей в поле своего зрения все континенты. Деление стран на «исторические» и «неисторические» ушло в прошлое. Интернационализация экономической, политической и духовной жизни сблизила народы планеты.

По глубокому наблюдению проф. П. М. Бицилли, сделанному еще в 20-е годы, «сопоставляя историографию начала XIX в. с историографией нашего вре-

¹ Зиммель Г. Проблемы философии истории. М., 1898. С. 22.

² Там же. С. 37.

³ Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981. С. 120.

мени, легко заметить изменение в выборе тем. «Всемирные истории», «истории человечества» вытесняются монографиями, произведениями, посвященными отдельным культурам, народам, а чаще даже событиям и моментам. «Всеобщая», «всемирная» и тому подобные истории продолжают и по сей день в довольно значительном количестве выходить в свет, но не они составляют славу и гордость современной исторической науки: ни одна из этих историй не может и не смеет претендовать на место, которое в свое время занимали»¹.

С достижениями научно-технической революции и в особенности средств массовой информации накопление исторических знаний многократно увеличивалось. Сама историческая наука стала дифференцированной, а не исключительно политической историей.

История обрела новые объекты исследования — изучение быта, культуры, нравов, развитие идей, науки и техники и т.д.

Если в XIX в. история была в основном занятием профессионалов, то ныне круг причастных к изучению прошлого чрезвычайно расширился. Большое распространение получил жанр «персонифицированной» истории, который позволяет через биографию того или иного видного деятеля понять яснее время, народ, страну, эпоху, и «романсированной» истории с прямой речью, диалогами, раскрытием секретных архивов, неопубликованными интервью, что примечательно для больших журналистских репортажей и детективов.

Отечественная историческая наука имела немалые достижения в истолковании всемирной истории. Неоспоримым вкладом марксистской школы в методологию исследований стала социальная история, широко отображающая участие народных масс. Советские историки создали немало фундаментальных трудов по всемирной и отечественной истории, по революциям, рабочему и национально-освободительному движению, по истории второй мировой войны. Развитие отечественной историографии не было, однако, гладким, ибо принцип партийности в ряде случаев вступал в противоречие с принципом научности, но в других случаях находился на страже национальных интересов, что отнюдь не расходилось с мировой практикой.

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага, 1925. С. 129.

2. Размышления о методе исследования

Неисчислимы и неповторимы по качественному многообразию факты и события, являющиеся предметом исторической науки. Оценка людей, их идей, поступков, мотивов поведения, анализ деятельности общественных сил и государственных институтов вызывает множество вопросов.

Метод исторического исследования имеет все характеристики общенаучного метода, включающего анализ и синтез, индукцию и дедукцию. Философия и социология дают историкам солидный теоретический фундамент. Для многих исследователей не только марксистского направления диалектический и исторический материализм служат главным методологическим ориентиром.

Основные черты марксистской диалектики В.И. Ленин сформулировал так: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования»... "Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении»... «В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что "абстрактной истины нет, истина всегда конкретна..."»¹.

В основе исторического метода лежит принцип историзма, связанный с такими фундаментальными философскими категориями как время, пространство, движение и др. Но в отличие от теоретического (логического) метода, которым оперирует философия и социология, исторический способ исследования вскрывает логику не в абстрактно-теоретической форме, а «в плоти и крови конкретных событий, деятельности народов, классов, партий, отдельных личностей»².

Историческое знание, таким образом, — это конкретное знание, не сводимое к теоретическому зна-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.

² Розенталь М.М. Историческое и логическое // Категории материалистической диалектики. М., 1956. С. 380.

нию, но отрывать его от последнего также нельзя. Как верно заметил болгарский философ Н. Ирибаджак, «историк не может совершить никакой исследовательской работы, не может дать никаких объяснений исторических событий, если предварительно он не вооружен каким-то большим или меньшим аппаратом таких понятий, как «общество», «история», «материальное», «духовное», «изменение», «историческое изменение», «развитие», «историческое развитие», «событие», «факт», «личность», «масса», «класс», «народ», «нация», «государство», «причина», «следствие», «случайность», «необходимость», «закон», «связь», «отношение», «единичное», «общее», «познание», «истина», «идеология», «политика», «наука», «искусство», «религия», «культура», «экономика», «война», «революция», «бунт», «переворот» и многими другими, которые он берет из философии, социологии, политической экономии и других теоретических наук. Без этих и подобных им понятий историк не может сделать ни одного шага в своей научно-исследовательской деятельности, и успех его работы зависит в наибольшей степени от того, насколько его аппарат понятий является научным»¹.

К методологии истории относятся как рекомендации источниковедения, так и изучение историографии по теме исследования, которая помогает определить направление нового поиска, побуждает присоединиться или опровергнуть ту или иную сложившуюся концепцию. Исследователя, как правило, интересуют такие моменты: причины тех или иных событий, конкретное стечение обстоятельств, послуживших их поводом, развертывание событий во времени и пространстве, констатация завершения событий, установление их значения и следствий.

В социологическом словаре Коллинза «историзм» как общенаучный метод определяется как «подход к пониманию истории, подчеркивающий уникальность каждой эпохи, в которой любую ситуацию или период можно понять только в собственных условиях»².

¹ Ирибаджак Н. Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972. С. 207–208.

² Большой толковый социологический словарь. Т. 1. М., 1998. С. 264.

В современном научном познании все больше возрастает роль тех методик, которые начинаются с чисто теоретической постановки проблемы. Это относится и к истории. Как утверждал известный немецкий социолог и историк Вернер Зомбарт, «нет теории — нет и истории»¹.

Французский академик Л. Февр отмечал, что «без предварительной теории, созданной ранее, научная работа невозможна»². Это мнение разделяли известный социолог Раймон Арон и историк-медиевист М. Блок. «Многие люди и среди них, кажется, даже некоторые авторы учебников, — писал последний, — представляют себе ход нашей работы до странности наивно. Вначале, мол, есть источники. Историк их собирает, читает, старается оценить их подлинность и правдивость. Но беда в том, что ни один историк так не действует. Даже когда ненароком воображает, что действует именно так. Ибо тексты или археологические находки, внешне даже самые ясные и податливые, говорят лишь тогда, когда умеешь их спрашивать... Другими словами, всякое историческое изыскание с первых же шагов предполагает, что опрос ведется в определенном направлении. Всегда вначале — пытливый дух»³.

Осознает или нет это исследователь, именно теоретический замысел дает ориентиры (подчас интуитивно) по поводу того, «что изучать», «как изучать» и «для чего изучать». Методология истории в узком понимании представлена источниковедением, а в более широком опирается на достижения всех общественных наук и в особенности философии, социологии, политологии и психологии.

Как и все общественные науки история — не экспериментальная дисциплина. Она не пользуется точными лабораторными методами исследования, не может в опытным порядке воссоздать различные фактические ситуации и сделать абсолютно безошибочные заключения из того, что произошло.

¹ Braudel F. *Civilisation materielle et capitalisme (XV — XVIII siecles)*. T. 1. Paris, 1967. P. 9.

² Febre L. *Combats pour l'histoire*. Paris, 1965. P. 117.

³ Блок М. *Апология истории (или ремесло историка)*. М., 1973. С. 11.

Сбор фактов, их анализ и синтез, предполагающие ту или иную степень обобщения, — таковы основные компоненты метода исторического исследования. В основе этого метода лежит принцип историзма — универсальный научный подход, сопряженный со способностью мыслить категориями времени, места и причинности. Исторический метод совпадает с общим методом научного исследования, который Ф.Энгельс лаконично определял так: «Единичность, особенность, всеобщность — вот те три определения, в которых движется все «Учение о понятии». При этом восхождение от единичного к особенному и от особенного к всеобщему совершается не одним, а многими способами...»¹.

Картезианское сомнение рекомендовал историку профессор Йельского университета А.Джонсон. «В исторических исследованиях, — писал он, — сомнение — начало мудрости... Почти все средневековые авторы хроник были пропагандистами, и даже некоторые современные историки сознательно или бессознательно становятся защитниками либо какой-то веры, либо секты, либо принципа, либо партии»².

Научное исследование всегда начинается с постановки проблемы и ее ограничения. Тема определяет направление творческого поиска, а нередко и методологию работы.

Если в журналистике название статьи — это уже полдела, то в историческом исследовании удачно составленный план во многом обеспечивает успех. Разумеется, в процессе работы план уточняется и детализируется, но это не умаляет его роли генератора творческой мысли.

Научно-техническая революция на пороге XXI в. вторглась в историческую науку. В США и Канаде 94 — 95% исторических факультетов университетов имеют доступ к системе Интернет³. Не отменяя традиционные методы исследования, компьютерная сеть стала мощным инструментом накопления и использования исторических знаний.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 540.

² Johnson A. The Historian and Historical Evidence. New York, 1928. P. 50.

³ «Perspectives» (American Historical Association News Letter). Vol. 37. № 2. February 1999. P. 5.

Историк наблюдает события в большинстве случаев не непосредственно, а с помощью письменных свидетельств других людей. Он не может опереться на эксперимент, подтверждающий правильность своих суждений. Он имеет дело только с «остатками» событий.

Сталкиваясь с океаном фактов, историки пытаются не потонуть в их пучине. Среди французских исследователей сложилось представление об «историческом синтезе» как наиболее высоком показателе профессионализма. Этот термин использовался, в частности, для названия журнала «Revue de synthèse historique» 1900 — 1930 гг., а с 1931 г. — «Revue de synthèse». Видный специалист по методологии Анри Берр указывал, что «синтез в истории во всех случаях должен проявляться в двух формах: в теории, направляющей работу, и в объясняющей конструкции»¹.

Хотя темы исторических исследований практически неисчерпаемы, тем не менее, как общее правило, нужно придерживаться двух рекомендаций. Во-первых, проблема не должна быть избитой. Академик М.Н.Тихомиров говорил аспирантам МГУ, среди которых был автор этих строк, что темы диссертаций не должны походить на трафаретные заголовки русской прессы времен русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг.: «Еще раз к вопросу о турецких зверствах». Во-вторых, избранная тема должна быть обеспечена достаточным для ее раскрытия числом источников.

Постановка проблемы подсказывается либо той или иной назревшей общественной потребностью, либо исходит от самого исследователя, считающего необходимым ознакомить общественность с итогами своих поисков. В результате выбор темы идет как бы с двух сторон: от идеи, которую хотят доказать, и от источников, имеющихся у исследователя.

В чем заключается актуальность в историческом исследовании? На этот вопрос очень хорошо ответил историк Н.А.Ерофеев: «Ошибка в понимании актуальности — отождествление ее с хронологической близостью к нашим дням. В действительности актуальным историческим исследованием может быть ра-

¹ Berr H. L'histoire traditionnelle et la synthèse historique. Paris, 1935. P. 111.

бота, посвященная любому явлению прошлого, даже самого отдаленного... актуальность той или иной проблемы определяется в первую очередь тем, в какой степени она способствует лучшему пониманию современного общества и человека, показывая в их прошлом, а следовательно и в них самих, какие-то неизвестные ранее стороны. В конечном счете, наибольший общественный резонанс получают те исторические труды, авторы которых сумели лучше других понять основные тенденции духовной жизни своего времени и ярко их выразить»¹.

Осуществляемая исследователем «историческая реконструкция» требует от него известного воображения, что сближает его труд с писательским, но в любом случае история допускает лишь домысел, а не вымысел. Необходимым компонентом исторического метода является правильно понятая интуиция, — не идеалистически трактуемая врожденная способность познания, а приобретенное чутье исследователя, угадывающего истину на основе большого собственного опыта и фактических знаний.

Познавательное значение интуиции признано современной наукой. Однако нельзя полагать, что интуиция никогда не обманывает. Поэтому проблема верификации, проверки истинности неотделима от правомерности интуиции.

Признавая необходимость творческого воображения, известный русский теоретик методологии истории А.С. Лаппо-Данилевский отнюдь не ставил под сомнение важность соблюдения всех требований научного подхода. «В связи с интуитивным творчеством и его факторами, — отмечал он, — некоторые охотно ссылаются на еще более сложное состояние сознания, а именно на «чутье» ученого, будто бы заменяющее ему методологическое мышление; но «чутье» исследователя, кроме того, основано на известной «спорковке», которая, в свою очередь, уже опирается на методическое правильное мышление; то же можно сказать и про «чутье» историка: он приобретает его благодаря известной «спорковке» в понимании более или менее значительной части доступного ему материала, лишь

¹ Ерофеев Н.А. Что такое история. М., 1976. С. 119, 121.

предварительно методически изучивши остальную его часть, и таким образом получает возможность построить гипотезу, которая, разумеется, сама нуждается в методологическом контроле»¹.

Отбор источников абсолютно необходим, поскольку никакая история не является полным воспроизведением «всех источников», число которых по новейшему периоду к тому же практически неисчерпаемо. Л.Февр правильно отметил относительную ценность письменных источников: «Историю изучают при помощи текстов, — писал он. — Знаменитая формула: и по сей день она не утратила всех своих достоинств, а они, без сомнения, неоценимы. Честным труженикам, законно гордящимся своей эрудицией, она служила паролем и боевым кличем в сражениях с легковесными, кое-как состряпанными опусами... История использует тексты — это ясно как день. Но не только тексты. А и все источники, какова бы ни была их природа»².

Нельзя, например, написать историю фашистской Германии только на основе того, что писали в тот период немецкие газеты: это был бы сплошной панегирик Гитлеру.

Процесс работы историка в сущности единообразен. Он проходит три стадии: изучение относящейся или близкой к теме литературы, отбор и обработка источников и создание исторического построения. Всю структуру исследования французский историк А.Монэн определяет следующим образом:

1. План исследования, соответствующий природе тех проблем, которые историк пытается решить.

2. Анализ, содержащий изучение и критику документов, с помощью которых он изображает каждый факт в отдельности.

3. Синтез, позволяющий установить связи между отдельными фактами и раскрыть «историческое полотно».

4. Моральная и политическая оценка изображаемых событий.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. 1. Пг., 1923. С. 14—15.

² Февр Л. Бой за историю. М., 1991. С. 11, 20.

5. Литературное оформление результатов исследования в той форме, которая представляется наиболее соответствующей для уяснения другими созданной исторической концепции¹.

Определенная таким образом структура не означает, что она требует соблюдения указанной последовательности. Творческий процесс исследователя не сводится к максиме известного французского историка и социолога прошлого века Тэна, гласившей: «После сбора фактов следует поиск причин»². Логическая конструкция создается обычно в процессе работы, причем она не может не меняться при нахождении новых фактов.

План исследования, принятый в самом начале, может быть только «рабочим», указывающим некоторые направления и параметры (в особенности рамки исследования). Но теоретическая схема работы может считаться основательной только после завершения сбора фактов.

Взаимосвязи элементов исследования польский академик Ежи Топольски представляет в виде такой схемы³:

- 1) Основные вопросы
- 2) Разбивка основных вопросов = план исследования
- 3) Сбор фактических данных
- 4) Пересмотр плана
- 5) Ответ, или завершение исследования

Одно из центральных мест среди теоретических проблем исторической науки занимает понятие «исторический факт» как первичный элемент исследования. Его определение оказалось почти таким же сложным как философское определение материи. Оно было необходимым, ибо характеристика исторического факта прямо связана с проблемой достоверности исторического знания в целом.

¹ La Grande Encyclopedie. T. XX. Paris: Librairie Larousse, P. 128.

² Fain H. Between Philosophy and History. Princeton (N.J.) 1970. P. 138.

³ Topolski J. Methodology of History. Warsaw, 1976. P. 587.

Исторический факт не может быть отождествлен с источником. Изучая разного рода документы и материалы, исследователь имеет дело не с самим историческим фактом, а с его «остатком», «отпечатком», свидетельством очевидца, степень достоверности и полноты которого еще предстоит выяснить.

По справедливому замечанию отечественного философа А.И.Ракитова, «исследование исторической истины осложняется тремя обстоятельствами: неполнотой информации о прошлом, невозможностью экспериментально-практического взаимодействия с прошлым, тесной связью исторического познания с идеологией»¹.

Методологический подход позитивистов XIX в. к историческому факту претерпел изменения в XX в. У некоторых историков-неопозитивистов интерпретация фактов стала носить исключительно субъективный характер. Они считали, что фактические данные подводятся учеными под логически непротиворечивую конструкцию, в результате чего исторический факт перестает быть чем-то определенным, раз и навсегда данным и неизменным. П.Лакомб и К.Лампрехт предлагали считать историческим фактом лишь разюмирующие обобщения эмпирических данных и «умственные построения», лишенные статуса явлений реальной действительности². Президент Американской исторической ассоциации в 20-х годах К.Беккер сравнивал исторический факт с «символом», созданным умом историка³.

Так что же такое исторический факт в современном научном понимании?

Определение исторического факта сопряжено с философским пониманием возможностей самой исторической науки. Без диалектического мышления обойтись при этом нельзя. По проицательному высказыванию французского профессора Ги Докуа, «исто-

¹ Ракитов А.И. Историческое познание (Системно-гносеологический подход). М., 1982. С. 84.

² Яцко В.А. Гносеологический анализ исторического факта. Автореферат... Одесса, 1975. С. 7.

³ Источниковедение (Теоретические и методологические проблемы). М., 1969. С. 68—69.

рия — это постоянное сомнение»¹. Однако сомнение не значит непознаваемость исторической правды.

Будучи часто «моментальной фотографией» действительности, письменный источник не может раскрыть все богатство совершившегося события. «Источник, — как верно заметил украинский ученый К.Д.Петряев, — неизбежно в какой-то степени идеализирует, упрощает событие прошлого, в нем синтезируются умозрительная и эмоциональная стороны позиции автора (авторов)»².

Исторический факт можно определить как сведения, почерпнутые из достоверного источника и подвергшиеся истолкованию, а именно установлению причинно-следственных связей. Имея, таким образом, двойственную природу, исторический факт никогда не может быть тождественным источнику.

Исторический факт является результатом осмысления действительного события со многих сторон на основе разнообразных источников. Французские корифеи источниковедения Ш.Ланглуа и Ш.Сеньобос различали в историческом факте три аспекта знания: 1) люди и материальные объекты, 2) человеческие акты, 3) мотивы и идеи³.

Научная абстракция позволяет в многообразии явлений выявить существенное, проникнуть в глубину и в хаосе случайностей обнаружить необходимые связи. По образному выражению академика М.В.Нечкиной, факт неисчерпаем, как атом, ибо он имеет бесконечное количество качеств, свойств, сторон, взаимоотношений⁴.

Исторический факт относится к категории социальной информации. Его определение тождественно общенаучному понятию «информация». (В социологическом словаре Коллинза информация определяется как «единица данных или знания»⁵.) Как всякой от-

¹ Dhoquois G. Histoire de la pensée historique. Paris, 1991. P. 5.

² Петряев К.Д. Гносеологические и методические основы источниковедения. Киев—Одесса, 1978. С. 34.

³ Langlois Ch.-V., Seignobos Ch. Introduction aux études historiques. Paris, 1898. P. 187—188.

⁴ «Вопросы истории». 1980. № 5. С. 19.

⁵ Большой толковый социологический словарь. Т. 1. М., 1999. С. 261.

носителем истине историческому факту присущи относительность, изменчивость, неустойчивость, но вместе с тем это, безусловно, элемент научного знания. Подобно журналистской новости он должен отвечать на вопросы: что, где, когда произошло и при каких обстоятельствах. Историческое исследование, кроме того, должно отвечать еще и на такие вопросы: откуда нам известно, что произошло, и какое значение для нас имеет знание того, что произошло¹.

Не всякие конкретные факты прошлого могут быть отнесены к разряду исторических фактов, а лишь социально-значимые, и именно такие, которые, по мнению исследователя, имеют познавательный интерес, иначе говоря, «будут жить». Вместе с тем исторический факт, не претендующий на роль «социального» или «эпохального» события, определяется историком в контексте его соответствия внутренней логике исследования. Иначе еще можно сказать, что для одного исследователя тот или иной факт является «историческим», а для другого — нет. Разумеется, ни один историк не может обобщить всех фактов, касающихся темы его исследования. Он придерживается двух основных принципов: 1) осуществляет отбор фактов, 2) старается показать факты и события в развитии.

Известный немецкий социолог М. Вебер не отрицал субъективность историка в определении исторического факта. Однако для него главной была проблема причинности в историческом объяснении. «Если история, — писал он, — хочет подняться над уровнем простой хроники, ей не остается ничего другого, как ставить такого рода вопросы»².

Выбор факта Вебер связывал с его общественной значимостью. По его словам, «историку надлежит дать каузальное объяснение только тех «компонентов» и «сторон» изучаемого события, которые с определенных точек зрения имеют «всеобщее значение» и поэтому исторический интерес; совершенно так же и судья исходит в своем приговоре не из всего индивидуального хода событий, но только из тех компонен-

¹ Collingwood R.G. *Essays in Philosophy of History*. Austin, 1965. P. XVI.

² Вебер М. *Избранные произведения*. М., 1990. С. 465.

тов, которые имеют существенное значение для подведения дела под определенную юридическую норму»¹.

Теоретики методологии истории считают также, что ни один исторический факт не существует сам по себе: он устанавливается как часть более широкой системы². Иначе говоря, вне системы факты сами по себе не живут, а рассыпаются или превращаются в подобие единиц хранения всемирного архива.

Исследователь устанавливает исторический факт, руководствуясь определенной методологией и некоторыми общими концепциями. Знание, заключенное в историческом факте, состоит, во-первых, из данных источника, во-вторых, из познаний самого историка и, в-третьих, из общего уровня исторической науки. Ценностный подход к историческому факту меняется, но признание этого отнюдь не умаляет достоинств исторического исследования.

Проблема соотношения «источник — историк» давно является предметом философских рассуждений. Философ А.И.Уваров полагает, что «информационное знание является основным в историческом факте. Оно составляет главную ценность исторического факта, придает ему достоверность... Знания второго вида, входящие в исторический факт (которые приносятся исследователем. — В.К.)... носят второстепенный и необязательно достоверный характер»³.

В отличие от позитивистов, допускавших только описание фактов без объяснений, современный научный подход заключается в соединении описания с анализом. Польский теоретик методологии истории Ежи Топольски не без основания отметил, что в истории, как и в других науках, исследователь идет как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне. Задача исторической науки, по его мнению, состоит в объяснении той или иной цепи событий («системы»). При этом отделить наблюдения от теории невозможно⁴.

¹ Там же. С. 469.

² Toynbee A. A Selection from his Works. Oxford etc., 1978. P. 135.

³ Уваров А.И. Логико-гносеологический анализ теории в исторической науке. Автореферат докторской диссертации. Ростов-на-Дону, 1973. С. 4—5.

⁴ Topolski J. Op. cit. P. 4.

Итак, современный историк не занимается описанием «голых», «чистых» фактов, к чему призывала позитивистская школа. Любой исторический факт может войти в исследование лишь при определенной теоретической конструкции. Фактические данные всегда истолковываются историком с точки зрения определенной концепции.

Французы различают понятия «факт» (fait) и «событие» (événement), причем последнее всегда считается более значимым. Подобным образом, как нам представляется, следует разграничить «исторический факт» и «социальное явление» как более широкое понятие.

Деление фактов на разные категории — не формальность. Оно обязывает историка подходить дифференцированно к обоснованию исторического факта и социального явления. Если в оценке исторического факта он полагается на себя одного, то в оценке социального явления научная добросовестность побуждает его обращаться к коллективному мнению ученых — философов, социологов, экономистов, политологов и др. Все революции, например, — это большие социальные явления, и не случайно они привлекают обычно внимание многих исследователей.

Ценным методологическим указанием марксизма является требование полноты фактологической картины. «В области явлений общественных, — писал В.И. Ленин, — нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже»¹.

Методологические принципы исторической критики фактов очень хорошо показал Н.И. Кареев. Они содержат два момента. Во-первых, это признание неравноценности всех фактов, почерпнутых из тех или

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350.

иных источников. «Обозначим исторический факт, — писал он, — как сумму отдельных элементов a, b, c, d, e, f, g, h , выразим его формулой $a + b + c + d + e + f + g + h$, а затем представим себе, что о некоторых слагаемых, например, a, d, f, g у нас нет никаких данных, а о некоторых других есть лишь отрывочные данные; тогда все наше знание о факте выразится, положим, такой формулой: $b + c/2 + e/3 + h$. Конечно, такое знание не будет полным, явится знанием со множеством пробелов, которые историк-художник или исторический романист восполнит работой своего воображения, а историк-ученый или мыслитель постарается восполнить путем логических рассуждений»¹.

Во-вторых, Н.И.Кареев при этом не ставил под вопрос саму возможность объективного научного знания о прошлом. Он был убежден, что «историк не позволит себе сочинить то, чего заведомо не было, а если и внесет в свое повествование что-либо такое, о чем прямо не говорится ни в одном источнике, то лишь в качестве логического вывода из тех или других научно-обоснованных посылок»².

Многие исторические конструкции рушатся из-за того, что исследователи придерживаются позитивистской установки «культы фактов» или «непогрешимости фактов». В таких случаях исследователей губит незнание такого «коварного» вопроса: «Не подводят ли и не обманывают ли нас исторические документы?»³

Французская историческая школа «Анналов» поставила по-иному вопрос о соотношении источника и исследователя. Она предложила отказаться от «рассказывающей истории» в пользу истории-интерпретации. Если раньше многие историки уповали прежде всего на «красноречие» источника, то «анналисты» решительно подчеркивали главенствующую роль в историческом познании самого исследователя⁴.

¹ Кареев Н. Историка (Теория исторического знания). 2-е изд. Пг., 1916. С. 88.

² Там же. С. 93.

³ Ирибаджаков Н. Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972. С. 223.

⁴ Споры о главном (Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов»). М., 1993. С. 5.

Не отрицая правомерности такого подхода, нельзя лишь согласиться с претензией его приверженцев на «коперниковскую революцию» в историографии. Для отдельных работ этот метод допустим, но ведь историку могут не импонировать те или иные факты или даже периоды истории, и он может их либо замалчивать, либо трактовать предвзято.

Для обобщающих трудов, включая учебники по истории, призванных обозревать большие исторические периоды, этот метод может быть вреден, ибо вместо объективного синтеза данных многих исследований такие труды могут свестись к произвольным социологическим схемам автора или группы авторов.

На заключительном этапе своего труда исследователь редактирует рукопись, стараясь усилить ее логическую стройность и доказательность, оттенить главные концепции. Владея документальной основой, историк проверяет ее с разных сторон, дополняя личные наблюдения интервью с очевидцами событий, неопубликованными материалами. Профессия историка в чем-то напоминает роль судьи. По словами великого Гете, «историк должен отделить истину от лжи, достоверное — от сомнительного»¹.

Один из основателей французской исторической школы «Анналов» Л.Февр считает принцип проблемности главным качеством исследования. «Постановка проблемы, — указывает он, — это и есть начало и конец всякого исторического исследования. Где нет проблемы — там нет и истории, только пустые разглагольствования и компиляции... Если же историк не ставит перед собой проблем, или, ставя их, не выдвигает гипотез, призванных эти проблемы разрешить, — в плане ли ремесла, в плане ли техники или научных усилий, — то я с полным основанием берусь утверждать, что историк этот в умственном отношении уступает последнему из мужиков, который как-никак понимает, что негоже выпускать скотину куда попадо...»².

Полнота источниковой базы прямо влияет на доказательность, весомость исследования. Как образно за-

¹ Высказывания об истории и историках // «Вопросы истории». 1970. № 9. С. 211.

² Февр Л. Указ. соч. С. 28, 29.

метил один французский публицист, «одно свидетельство — анекдот, два свидетельства — история»¹. Вот почему добросовестный историк всегда должен задаваться вопросами: все ли основные или «репрезентативные» источники по данной теме он использовал. Его суждения будут ближе к истине в том случае, если он переработал максимально возможное число источников. И наоборот, если он делает свои выводы на базе скудного источникового багажа, он будет грешить субъективизмом и предвзятостью.

Однако избыточная информация также нежелательна: она перегружает проблему. Историк должен стремиться к оптимальному знанию, то есть к установлению такого объема фактов и рассуждений, который достаточен для существенного раскрытия темы.

«...Всякая история есть выбор, — заявляет Л.Февр. — Она есть выбор уже в силу случайности, которая уничтожает одни следы прошлого и сохраняет другие. Она есть выбор в силу особенностей человеческого мышления: как только документы накапливаются в избыточном количестве, исследователь начинает сокращать и упрощать, подчеркивать одно и сглаживать другое. Наконец — и это самое главное, — она есть выбор в силу того, что историк сам создает материалы для своей работы, или, если угодно, воссоздает их: он не блуждает наугад по прошлому, словно тряпичник в поисках случайной наживы, а отправляется в путь, имея в голове определенный замысел, проблему, требующую разрешения, рабочую гипотезу, которую необходимо проверить»².

Будучи многоотраслевой дисциплиной, история тесно соприкасается с другими общественными науками — философией, социологией, политологией, экономической наукой, культурологией, правоведением, этнографией, археологией и демографией.

¹ «Le Figaro», 10.VIII.1972.

² Февр Л. Указ. соч. С. 14.

Часть II.

Элементы критики источников

«Первая обязанность историка и надежнейшая опора его выводов, — отмечал Г.В.Плеханов, — критика источников»¹. Несомненная заслуга школы позитивистов, которую нельзя отрицать, состояла именно в поставленной на прочное основание критике источников.

1. Пресса — самый массовый источник

Необходимая для исследователя информация, как правило, рассеяна по многим типам источников. При этом большинство тем по новейшей истории находит широкое отражение в прессе. В печати происходит первичная обработка социально-значимой информации. Это в прямом смысле летопись современности. Писатель А.Толстой заметил как-то, что журналистика — это «секундная стрелка истории»². Пресса позволяет установить хронологическую канву событий, дает первичные элементы их объяснения.

Печать осуществляет тройную функцию: 1) информирует население и правящие круги, 2) содействует системе образования, 3) служит средством развлечения. По определению профессоров Парижского университета Р.Пэнто и М.Гравитца, «печать является также «отражением различных тенденций и взглядов эпохи»³.

Под прессой историк понимает преимущественно материалы газет потому, что в журналах публикуются по большей части результаты исследований. Офици-

¹ Высказывания об истории и историках // «Вопросы истории». 1970. № 9. С. 213.

² Радиорепортаж. М., 1967. С. 44.

³ Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972. С. 310—311.

альные сообщения и выступления государственных, политических и общественных деятелей, приводимые в газетах, классифицируются как другие виды источников.

В наш век информационной и телекоммуникационной революции СМИ удостоились такой высокой оценки как «великий арбитр» и «четвертая власть». Современную политику невозможно себе представить без прессы, радио и телевидения. Небезосновательно утверждение о том, что кто контролирует телевидение, контролирует всю страну.

Историческая критика прессы должна быть такой же придирчивой, как и в отношении других источников. Историк-позитивист Шарль Сеньобос еще в начале XX в. заметил, что на прессу распространяется «уважение ко всему написанному и особенно напечатанному: каждый из нас ежедневно может наблюдать его в самой поразительной форме, именно в той доверчивости, с какой люди относятся к газете. Мысль, фиксированная письмом и еще более печатью, приобретает почти непреодолимую силу. Даже культурные люди, которые уже научились относиться с недоверием к газетам..., нередко забывают об этой предосторожности»¹.

Независимо от политической позиции журналистов их информация не может быть абсолютно объективной. Французский исследователь Робер Эскарпи по этому поводу писал: «...Объективная информация — это нонсенс, противоречие в терминах. Объективное событие или наблюдаемый факт, но информационную ценность они приобретают только с подачи обозревателя»².

Пресса в значительной своей части не анонимна, иначе говоря, помимо сообщений информационных агентств и редакционных статей ее материалы имеют конкретное авторство. Поэтому исследователь, ссылаясь на печать и указывая название газеты и дату, иногда должен называть и имя журналиста, если он хорошо известный и авторитетный. Американского журналиста Уолтера Липпмана одновременно с

¹ Сеньобос Ш. Исторический метод (в применении к социальным наукам). М., 1902. С. 28.

² Escarpit R. Théorie de l'information et pratique politique. Paris, 1981. P. 13.

«Нью-Йорк Геральд трибюн» публиковали 150 газет в США и за границей. Обозреватель «Правды» Ю.Жуков был членом ЦК КПСС и фактически правительственным комментатором. Наконец, в прессе выступают писатели, государственные, видные политические и общественные деятели, научные авторитеты, мнение которых также следует выделять.

Исследователь должен научиться читать прессу профессиональным взглядом. Поэтому ему необходимо четко разбираться в немногих основах теории информации и журналистики. Теоретики печати определяют ее функции так: информация, развлечение, социальная интеграция личности и психологическая терапия¹.

В журналистике различают два основных жанра — информацию (хронику, репортажи, корреспонденции) и комментарии. Журналистский факт — это всегда новость данного дня. Подлинное мастерство работника печати заключается в том, чтобы за событием увидеть новое явление. Основу социально-политической информации составляет не любой факт, а только такой, который представляет общественный интерес. Журналистский факт, как правило, — эмоционально окрашенная информация. Поэтому историк-исследователь должен дать ему свою взвешенную оценку.

Журналистский факт — первая ступенька продвижения к историческому знанию («историческому факту»). «История, — отмечал немецкий философ Г.Риккерт, — изображает не все индивидуальное, но лишь «важное», «значительное», «интересное», короче говоря — существенное»².

Между информацией и комментариями нет четкой границы. Иначе говоря, многие новости имеют комментирующую нагрузку, и наоборот, многие комментарии содержат информационную основу. Золотое правило журналистики гласит: «Факт священен, комментарий свободен»³ (иными словами, истинности факта придается особое значение).

¹ «Notes et études documentaires» № 5071. Mai 1998. P. 30—31.

² Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908. С. 53.

³ Boyer G.-P. La liberté de la presse. Paris, 1963. P. 71.

Свидетельство очевидца-репортера — ценный, но не исчерпывающий источник. По словам французских историков Ш.Ланглуа и Ш.Сеньобоса, «детали социального факта так многочисленны и к тому же подходы к его рассмотрению так различны, что даже два независимых наблюдателя не имеют никаких шансов иметь одно и то же мнение по всем пунктам»¹.

Итак, журналистский факт — это еще не исторический факт. Это свидетельство одного лица, которое, как правило, не устанавливает всех причинно-следственных связей. Необходимость оперативной подачи информации нередко приводит к тому, что журналисты имеют мало времени для ее осмысления. Большое видится на расстоянии. Человеческая психология устроена так, что зачастую люди не могут в полной мере оценить происходящее вокруг них и лишь через какое-то время приходят к более ясному пониманию событий. Ф.Энгельс обращал внимание на то, что «ясной картины экономической истории какого-нибудь периода никогда нельзя получить одновременно с самими событиями, ее можно получить лишь задним числом, после того как собран и проверен материал»². То же самое происходит и в общественной жизни.

У Энгельса есть еще одно глубокое замечание относительно прессы: «Журналистика толкает к поверхностности, потому что из-за недостатка времени выкаешь наспех справляться с такими вопросами, о которых сам знаешь, что полностью ими еще не овладел»³.

Чтобы разобраться в прессе и не «потонуть» в информационном потоке, исследователь применяет свою оптику чтения и отбирает только те факты, которые связаны непосредственно с его темой. Для максимального извлечения из прессы необходимых данных нужно хорошо знать хотя бы в общих чертах изучаемую проблему по другим источникам.

Отечественные специалисты по теории информации считают, что «плотность» даваемой в газетах информации обычно не превышает 25% общего объема

¹ Langlois Ch.-V., Seignobos Ch. Introduction aux études historiques. Paris, 1898. P. 172.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 529—530.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 272.

публикаций. Это отнюдь не органический недостаток прессы, а наиболее удобоваримая форма восприятия печатного слова. Разумеется, исследователь стремится именно к «плотной» информации, имеющей прямое отношение к его теме.

Газетные факты «устаревают», но некоторые входят в ткань исторического факта. Исторiku современности приходится оценивать их как бы в исторической перспективе, т.е. «имеют ли они право жить».

Исследователь не может следовать за журналистом хотя бы потому, что они преследуют неодинаковые цели. Журналист, образно говоря, «продавец горячего товара»: он должен писать «на злобу дня», заинтересовывать читателя какой-либо сенсацией (например, из интимной жизни «звезд» общества). Интуиция историка лежит в иной плоскости: подобно древнему летописцу он видит свою ответственность в том, чтобы запечатлеть в историческом процессе только самые существенные факты и события.

В журналистике принято различать «популярную» (развлекательную, предназначенную для массового читателя) и «качественную» прессу, т.е. серьезную, аналитическую, используемую для целей управления¹. Исследователя, конечно, должна интересовать прежде всего именно последняя. К ней условно относят английские газеты «Таймс» и «Файнэншл таймс», французские газеты «Монд», «Паризьен-Ожурдюи», «Либерасьон», американские «Нью Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Уолл-стрит джорнэл», «Интернэшнл Геральд трибьюн», швейцарскую «Нойе цурхер цайтунг», испанскую «Эль Паис» и некоторые другие. Так, за «Нойе цурхер цайтунг» утвердилась репутация едва ли не самой информированной европейской газеты².

Если «качественная» пресса дает систематическое представление о важнейших событиях и процессах в данной стране и в международной жизни и действительно влияет на принятие политических решений, то «популярная» пресса, как правило, поставляет отры-

¹ Bertrand C.J. Des objectifs pour le journalisme // «Etudes». Septembre. 1993. P. 194.

² «Правда». 26 – 29.III.1999.

вочные, фрагментарные, недостаточно объясненные, а порой и противоречивые и непроверенные сведения.

Партийных газет с массовым тиражом на Западе практически нет. Как товар особого рода пресса ценится, а следовательно имеет большой тираж прежде всего при репутации правдивого, компетентного и оперативного источника информации. Именно по этой причине подавляющее большинство газет и журналов на Западе — «независимые» органы. Их конкуренция позволяет пробиться исторической правде, потому что если один источник ее искажает или даже утаивает, то другой — восполняет пробел. Поскольку в обществе есть противоречия, работники печати в той или иной форме их воспроизводят в своих публикациях.

По мере увеличения общественного влияния СМИ приобретают относительную свободу от контроля со стороны государства и предпринимателей, ибо рыночное начало, которое лежит в основе большинства органов печати, в принципе индифферентно к содержанию информации. Журналистские расследования — разоблачения стали залогом популярности многих изданий, не исключая нынешние российские СМИ. В своих репортажах и комментариях журналисты могут пролить свет на скрытые пружины политики правящих кругов, обратить внимание общественности на наиболее одиозные стороны их деятельности.

«Информационные» газеты не уклоняются писать о политике, но последняя не доминирует на их полосах. Тем не менее исследователь всегда может проследить, что органы печати ориентируются на главные политические течения в обществе — правое, левое и центристское.

Во Франции взгляды компартии выражает газета «Юманите», близкой к правоцентристским кругам считается газета «Фигаро». В Великобритании газету «Таймс» читают те, кто управляет страной, а «Гардиан» — те, кто хочет управлять с реформистских позиций. Британцы знают, что «Дейли телеграф» служит рупором консерваторов, «Дейли миррор» поддерживает лейбористов, а «Файнэншл таймс» связана с финансовыми кругами.

Помимо немногих партийных газет функции органов политических мнений чаще всего переходят к журналам. К таковым можно отнести такие известные издания как «Экономист» (английский), «Шпигель»

(германский), «Пари матч», «Экспресс», «Нуфель обсерватар» (французские), «Тайм», «Ньюсуик», «Ю.С. ньюс энд уорлд рипорт» (американские) и некоторые другие. Последний из перечисленных американских журналов печатает в одной из рубрик краткие аналитические заметки и прогнозы, которые под стать резюме правительственных экспертов.

«Всеядность» прессы не может скрыть тот очевидный факт, что она все-таки кому-то служит. Казалось бы, что она работает на общество, но в классовом обществе интересы всегда противоречивы. На характер печати влияют три основные фактора: власть, большие деньги и общество (общественные организации, общественное мнение). Какой из перечисленных факторов преобладает в каждом отдельном случае, исследователь должен уяснить для себя сам.

Информация всегда носит печать пропаганды. Нейтральной, абсолютно беспристрастной прессы не существует. Газеты, даже не являющиеся партийными органами, — это тоже пропагандистский источник, следующий определенным установкам. По компетентному утверждению профессиональных журналистов и преподавателей Университета Наварры, «пресса стала элитарной кастой, связанной с сильными мира сего»¹.

Английский исследователь проблем прессы Джон Кин отмечает: «...Давно прошли времена, когда можно было с уверенностью считать, что рыночная конкуренция гарантирует свободу информации... Рынок урезает свободу информации, рассматривая информацию не в качестве общественной ценности, а в качестве товара, подлежащего присвоению частными лицами. Короче говоря, следует признать, что либеральная идеология свободы индивидуального выбора на рынке идей на деле служит оправданию привилегированного положения взглядов корпораций и способствует доминированию интересов инвесторов над интересами граждан. Это апология власти большого бизнеса, позволяющая ему определять и формировать — а значит, и подвергать цензуре — выбор каждого человека, что ему слушать, читать или смотреть»².

¹ Soria C. (ed.). Prensa, pas, violencia y terrorismo: la crisis de credibilidad de los informadores. Pamplona, 1987. P. 156.

Пропагандистским целям содействует высокий уровень монополизации печати. Более 80% информации телеграфных агентств в мире распространяют только четыре «фабрики новостей» — Ассошиэйтед Пресс, Юнайтед Пресс Интернэшнл (США), Рейтер (Англия) и Франс Пресс (Франция). Доминирование этих агентств автоматически приводит к выдвиганию на первое место событий, в которых в наибольшей степени заинтересованы правящие круги этих великих держав.

В Великобритании только три магната печати — Максвелл, Мэрдок и Стивенс — контролируют 73% тиража ежедневных газет и 82% тиража воскресных¹. Во Франции крупнейшими национальными издательскими группами являются Ашетт-Лагардер (140 наименований периодических изданий, включая за рубежом), Гавас, Эрсан, Паризьен и Компани эропеен де публикасьон². Политически «ангажированная» пресса во Франции понесла особенно ощутимый урон: из 27 левых, правых и центристских газет послевоенного времени к 1970 г. выжили только 3³. Кроме органа компартии «Юманите», среди оставшихся независимыми от частных фирм изданий называют только «Монд», «Либерасьон» и еженедельник «Нувель обсерватэр»⁴.

Что означает практически монополия на информационном рынке? При отсутствии официальной цензуры в Англии, например, известна практика инструктажа для главных редакторов, при котором им предписывается, что можно, а что нельзя публиковать⁵.

В постиндустриальном или «информационном» обществе обладание нужной информацией становится незаменимым инструментом государственного управления. Вот почему печать нередко называют «четвертой властью». От того, какую информацию получают

⁴ Кин Д. Средства массовой информации и демократия. М., 1994. С. 86.

¹ Там же. С. 72—73.

² «Notes et études documentaires, № 5071. Mai 1998. P. 97—100.

³ Кин Д. Указ. соч. С. 72.

⁴ Joffrin L. La gauche retrouvée. Paris, 1994. P. 206.

⁵ Hillyard P. Percy-Smith J. The Coercive State. London, 1988. P. 132.

субъекты политики, во многом зависят их действия. Иметь важную информацию по сути означает иметь власть. Однако в области информации в современном мире наблюдается такая картина: с одной стороны, избыток информации, а с другой — недостаток существенной информации. Только правительственные учреждения обеспечивают себя существенной информацией с помощью специальных аналитических центров. Историчеки, как правило, приходится иметь дело с потоком первичной, мало существенной информации.

Пресса нередко корректирует не только заявления, но и действия политиков. По словам издателя американского журнала «Репортер» Дугласа Кейтера, «в конечном счете именно пресса решает, какие высказывания президента дать крупным планом, каким уделить меньше внимания, а какие вообще опустить»¹.

Если взгляды того или иного органа печати вступают в противоречие с установками правящих кругов, они «гасятся» более мощным потоком контрпропаганды. Свобода печати на Западе никогда не была абсолютной и вседозволенной, ибо даже при отсутствии формальных запретов есть еще самоцензура журналистов, хорошо знающих, в чем состоит требуемый от них социальный заказ. К примеру, освещение внешней политики поручается только особо доверенным дипломатическим обозревателям. Но и последние контролируются разными способами, об одном из которых поведал французский журналист Луи Визницер: «По правде говоря, — писал он, — Елисейский дворец реагирует скорее как старая восточная диктатура, чем как западная демократия, когда ему не нравится та или иная статья. (Речь шла о президенте Ф.Миттеране.) Директор газеты получает нахлобучку по телефону. Нередко на другой день появляется редакционная статья, где «исправляется», по крайней мере частично, инкриминируемая статья»². Но этого мало, добавляет Л. Визницер. Журналиста, попавшего в немилость у президента, не приглашают на дипломатичес-

¹ Cater D. The Fourth Branch of Government. Cambridge, 1959. P. 14.

² Wiznitzer L. Le grand gâchis (ou la faillite d'une politique étrangère). Paris, 1991. P. 231.

кие приемы и брифинги, с ним прерывают телефонную связь, не включают в число сопровождающих в поездках президента представителей печати¹.

О методах подачи информации в западной прессе хорошо сказал французский публицист Ж.Боторель: «Нейтральность передаваемой агентствами печати информации — это иллюзия, ибо Агентство Франс пресс раздувает некоторые события за счет умалчивания других, поддерживая, в конечном счете, бытующие социальные и политические мифы»². Но не только информационные агентства, но и все органы печати занимают ту или иную политическую позицию, а точнее определенное отношение к кардинальным общественным проблемам.

Отсутствие государственной цензуры во многих странах не меняет сути дела. Директор американской газеты «Пиплз дейли уорлд» Т.Денис отмечал, что «широко рекламируемые представления, будто в США нет цензуры в отношении газет, — это миф. Цензура практикуется владельцами, рекламодателями; закулисная цензура со стороны правительства осуществляется зачастую столь тонко, что ее почти не видно. Такая практика способствует развитию самоцензуры со стороны авторов и редакторов. Они знают, «на какой стороне хлеб намазан маслом»³.

Французские журналисты С.Боман и А.Экув в книге «Манипулируемая информация» рисуют впечатляющую картину внешнего воздействия на представителей печати. Так, служба прессы предпринимателей организует интервью только с «благонадежными» журналистами. Другой прием: некоторые министры сами готовят свои интервью с журналистами с заранее поставленными и нужными им вопросами и ответами⁴. Влиятельные манипуляторы общественного мнения во Франции особенно активизируются в период предвыборных кампаний. Работникам прессы да-

¹ Ibid. P. 323.

² Bothorel J. *La république mondaine (Essai sur le giscardisme)*. Paris, 1979. P. 133.

³ «Проблемы мира и социализма». 1987. № 10. С. 47—48.

⁴ Bauman S., Ecouves A. *L'information manipulée*. Paris, 1981. P. 115.

ются прямые указания о том, что писать, невыполнение которых влечет за собой санкции¹.

Что такое самоцензура, очень хорошо знает каждый западный журналист: он не решается пойти против того или иного табу, — гласного или негласного, — ибо знает, что интеллектуальная смелость для него обернется потерей работы.

Специалисты в области печати и пропаганды называют множество приемов тенденциозной подачи информации в целях манипулирования общественным мнением. Среди них наиболее часто встречаются такие:

1. Искажение смысла и масштаба события, когда второстепенные факты по месту помещения публикации и объему вытесняют важные.

2. Фрагментарная подача информации, чаще всего применяемая «популярной» прессой и телевидением. Дробление информации, создавая видимость оперативности, препятствует непрофессионалам (а таковых большинство) составить себе целостную картину политических событий. Такая подача прямо манипулирует общественным мнением, акцентируя его внимание на второстепенных моментах и затемняя главные.

3. Прямая информационная блокада — замалчивание нежелательных для редакции явлений, объектов, организаций или лиц.

4. Шельмование или примитивизация политических противников путем наклеивания порочащих их ярлыков.

В журналистике существует особый отработанный жанр контрпропаганды — борьбы с идейным или политическим противником. Он заключается в следующем: приводятся некоторые высказывания противника, а затем на него выливаются ушаты грязи и поношений.

Проблема ответственности журналистов перед обществом стоит всегда. Никем не оспаривается в принципе задача служения гражданскому обществу, однако печать постоянно подвергается воздействию или «обработке» со стороны ее владельцев, рекламодателей, стереотипов пропаганды и, наконец, даже самого общественного мнения.

¹ Ibid. P. 140.

Западная пресса не может быть идеальным источником по истории развивающихся стран. Она создает определенный тип подачи информации, при котором преимущественное внимание уделяется их природной экзотике (что интересует туристов), стихийным бедствиям и государственным переворотам. В общественной тематике акцентируется негативная информация — голод, неграмотность, коррупция государственного аппарата, политическая нестабильность.

Не случайно развивающиеся страны образовали свой информационный пул, чтобы меньше зависеть от четырех телеграфных агентств-монстров, не всегда объективно освещающих положение в «третьем мире». «Западная пресса, — отмечала газета «Филлипин дейли экспресс», — всегда выпячивает негативные стороны жизни развивающихся стран, ошибки и просчеты, потом все это раздувает до гигантских масштабов. Нет, не для того чтобы помочь устранить их, а чтобы унижить, оскорбить, заставить потерять веру в свои силы»¹.

Исследователю, работающему с прессой, приходится встречаться со случаями прямой дезинформации. Ее источником может быть не обязательно редакция, думающая о своей репутации, а внешний фактор — «группа давления», партия или даже правительство, использующее печать как средство политической борьбы со своими противниками.

Поскольку прямая дезинформация — дело рискованное, то получает распространение так называемая «стратегия полуправды». Это — определенный метод тенденциозного отбора фактов, неполной информации, а также соответствующего расставления пропагандистских акцентов, а именно: важную информацию подают весьма скромно, убого, а незначительную — широко. Тенденциозность осуществляется многими способами — как в «солидных» так и в «массовых» газетах — размером и местом публикации, в «массовых» — выпячиванием одних сторон события и полным замалчиванием других. Наконец, дезинформация выражается просто и в «фигуре умолчания». Этот прием великий русский писатель

¹ «Правда». 6.VIII.1983.

Л.Н.Толстой называл самым низким и омерзительным¹.

Техника искажения действительности некоторыми органами печати особенно наглядно проявляется в сенсациях, когда неимоверно преувеличивается значимость весьма заурядных фактов и оттесняются на задний план события, имеющие первостепенное значение для понимания положения в стране. Сенсация — это неизвестная, бьющая на эмоции информация: забавное событие, уголовная хроника, политический скандал, экономическая афера, вторжение в интимную личную жизнь известных людей.

Сказанное выше о западной прессе относится теперь и к многим органам российской печати. Советская пресса в свое время была уникальна в некотором отношении. На Западе про нее говорили, что она всегда отражала официальную точку зрения, и это было недалеко от истины. Все издания, кроме «Правды» и внешнеполитического еженедельника «Новое время», проходили цензуру. Будучи рупором мнений власти, центральная советская печать старалась не выискивать сенсационные факты или сообщать точки зрения, которые расходились с позицией «директивных органов». Вместе с тем несомненным достоинством советской прессы была проверенная информация.

Для нормального функционирования политической системы нужно «зеркало». Его роль выполняет общественное мнение. Никакая политика не может рассчитывать на серьезный успех и поддержку, если при этом не учитывается мнение общественности. Исторический опыт показывает, что те или иные политические решения можно и навязать, не считаясь с голосом народа. Но тогда для их осуществления потребуется принуждение.

Пресса является неоценимым источником в изучении общественного мнения, которое учитывают многие правительства Запада, включая администрацию США. Французский дипломатический обозреватель Л.Визницер отметил, что президент Ф.Миттеран всегда принимал внешнеполитические решения, основыва-

¹ «Правда-5». 30.IV.1997.

ясь на результатах опросов общественного мнения¹. Правительство Канады официально отвергло в сентябре 1985 г. предложение США об участии в программе «звездных войн», ссылаясь на консультации с общественностью². Научно обоснованные политические прогнозы вообще немыслимы без учета общественного мнения.

Техника опросов общественного мнения в странах Запада достигла большого совершенства в определении результатов выборов. В 1935 г. американский доктор социологии Дж. Гэллуп правильно предсказал с помощью выборочного опроса победу демократа Рузвельта над его соперником из республиканской партии Лондоном на очередных президентских выборах³. Созданный Гэллупом в том же году Американский институт общественного мнения еженедельно проводит опросы по разнообразным политическим, социальным и экономическим проблемам. На президентских выборах в США в 1984 г. оценка Института Гэллупа была в высшей степени точной: 59% в пользу Рейгана, 41% — в пользу Мондейла⁴.

На чем основана научная методология опроса? Проверенным способом считается метод репрезентативности, а именно: опрос выборочной совокупности, воспроизводящей параметры генеральной общности. Изучая данные переписей населения, специалисты по общественному мнению воссоздают в миниатюре модель общества, в котором столько-то рабочих, крестьян, интеллигентов, предпринимателей и т.п. На эту профессиональную сетку накладываются другие показатели — возраст, пол, образование, места проживания. Получается репрезентативная модель общества. Американцы считают, что опрос не менее 10 тыс. человек дает погрешность в 1%⁵. Обычно опрашиваются 1,5—2 тыс. человек.

Всякие иные методики опроса являются ненаучными и используются в определенных политических

¹ Wiznitzer L. *Le grand gâchis (ou la faillite d'une politique étrangère)*. Paris, 1991. P. 28.

² «Правда». 16.IX.1985.

³ «Правда». 29.VIII.1974.

⁴ «Вестник статистики». 1989. № 5. С. 47.

⁵ «Cahiers français», mars-avril 1988. Notice.

целях. Общественное мнение не может быть единодушным, поскольку речь идет о суждениях и взглядах различных категорий людей, имеющих неодинаковые интересы, неодинаковый уровень образования и информированности.

Известный французский демограф и социолог А. Сови отмечал, что для общественного мнения примечательно преобладание чувств, эмоций над доводами рассудка, а также непостоянство, подверженность воздействию иногда случайных новостей. Информация, отмечал он, «не столько формирует общественное мнение, сколько сама под его влиянием «извращается» по определенным законам смещения фактов... Информированный воздействует на информатора, и, наоборот, информация удовлетворяет информируемого»¹.

Таким образом, существует и обратное влияние общественного мнения на прессу, а именно на образование определенных стереотипов в освещении социально-политических фактов.

Институты общественного мнения играют ту же роль, что и печать: они, с одной стороны, выясняют мнения, а с другой — влияют на их формирование. Даже то, как сформулирован вопрос, как известно, часто предопределяет ответ или, во всяком случае, направление ответа.

Что касается рейтингов российских политиков и политических партий, регулярно показываемых по телевидению, то их достоверность поставил под сомнение видный специалист по изучению общественного мнения профессор Б.А. Грушин. По его свидетельству, ни в 1993 г., ни в 1995 г. передовавшиеся рейтинги на выборах не подтверждались. Есть двоякая причина неточности: во-первых, неискренность опрашиваемых, которая встречается нередко, а во-вторых, стремление организаторов опроса выполнить определенный социальный заказ. В любом случае, как отметил Грушин, рейтинги служат инструментом давления на избирателей². Вице-спикер Государственной думы второго созыва А. Чилингаров не без основания заметил в этой связи: «Есть такой старый анекдот: социолога просят провести опрос по определенной тематике, долго объ-

¹ Sauvy A. L'opinion publique. Paris, 1956. P. 37.

² НТВ. 5.VII.1999.

ясняют, как важна эта проблема, а он отвечает: «Я проникся ею, но какой результат вам нужен?»¹.

Исследователь должен принимать во внимание то, что общественное мнение может выражаться как бы на двух уровнях: на уровне «слова» (вербальное поведение) и на уровне «дела» (реальное поведение). Как отметили американские политологи Дж. Робинсон и Р. Мидоу, существует расхождение между мнением и убеждением, ибо опросы «отражают только то, что люди говорят, а не то, как они будут поступать»². Между тем правительствам важно знать прежде всего то, как люди будут поступать в том случае, когда проводится в особенности непопулярная политика, могущая вызвать широкое движение протеста. В США действуют более 200 исследовательских служб, которые довели методику зондирования позиций общественности до совершенства. Во Франции насчитывается около 150 специализированных организаций, где занято около 10 тыс. человек.оборотный капитал этих учреждений по изучению общественного мнения превышает ежегодно 1 млрд. франков. В последнее время во Франции в среднем каждые два дня проводится опрос общественности по политическим вопросам³.

Средства массовой информации нередко становятся орудием манипулирования населения. Известный американский журналист и политолог 40–60-х годов Уолтер Липманн теоретически обосновал концепцию стереотипов. Пресса, действительно, делает очень много в создании стереотипов мышления. Средний американец, например, думает то, что пишут газеты. Чаще всего ему некогда читать газеты, имеющие до сотни страниц, и он просматривает только заголовки, в которых даются определенные оценки.

Существует множество приемов лингвистического, языкового манипулирования, предполагающих использование для обозначения одних и тех же явлений разных терминов. Так, например, человека, ведущего вооруженную борьбу за создание независимого нацио-

¹ «Правда-5». 15–22. III. 1996.

² Robinson J., Meadow R. Polls apart (A Call for Consistency in Surveys of Public Opinion on World Issues). Washington, 1982. P. 23.

³ Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1994. С. 381.

нального государства, различные СМИ — в зависимости от политических пристрастий — называют борцом за свободу, сепаратистом, террористом, партизаном, боевиком¹.

Наиболее распространенный пропагандистский прием печати — брать выборочные интервью либо у лидеров мнений (политиков и разного рода «звезд» по принципу — чем выше социальный статус источника информации, тем весомее его слово), либо у «человека с улицы». Но в том и в другом случае приводимое мнение обычно разделяется самой редакцией. Манипулирование выражается в том, что люди склонны принимать за чистую монету мнения, распространенные СМИ.

Можно ли полагать, что общественное мнение формируется только под воздействием средств массовой информации? Нет. Это явление далеко не однородное, и реально оно складывается под влиянием различных, иногда противоречивых факторов. Исследователю, изучающему общественное мнение, необходим учет мнения прессы, партий, профсоюзов и других общественных организаций, а также церкви там, где ее влияние велико. Наиболее точным показателем общественного мнения в отношении политики являются всеобщие выборы.

2. Политическая публицистика и мемуары

Историю творят народные массы, но символами ее становятся отдельные выдающиеся личности. Политическая публицистика как особый вид источника, связываемая не с видными журналистами, а с государственными и политическими деятелями, и их мемуары должны рассматриваться исследователями через призму общесоциологического понимания роли личности в истории.

Как правило, это один из наиболее сложных вопросов исторической критики. Проявление субъективизма в этих видах источников налицо. Но это не все. Есть много примеров тому, что роль того или иного деятеля переоценивается общественным мнением со

¹ Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М., 1995. С. 264.

всеми вытекающими из этого последствиями. Одна из задач исторической науки как раз и состоит в том, чтобы все расставить на свои места.

В методологии исторической науки, как и в социологии, роль личности занимает далеко не последнее место. Отечественный философ А.В.Гулыга писал об этом: «История — двуликий Янус, одно ее лицо обращено к массовым процессам, другое к личностями. Это два взаимосвязанных, взаимообусловленных, но все же не совпадающих мира, и перед историком с неизбежностью встает синтетическая задача познания и воссоздания двух миров — социологического и гуманитарного — в органическом единстве»¹.

Дискуссии о роли личности давно ведут философы, социологи, политологи и теоретики исторической науки. Сторонники субъективного метода в социологии преувеличивали роль героев или выдающихся личностей. Большинство современных исследователей далеки как от недооценки, так и от переоценки роли личностей.

Г.В.Плеханов в статье «К вопросу о роли личности в истории» отмечал, что «влиятельные личности благодаря особенностям своего ума и характера могут изменить индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия, но они не могут изменить их общее направление, которое определяется другими силами»².

Выступая против волюнтаризма и фатализма в истории, Плеханов признавал в то же время важную роль субъективного фактора. Подобно английскому историку Т.Карлейлю он называл великих людей «начинателями». «Великий человек, — писал Плеханов, — является именно начинателем, потому что он видит дальше других и хочет сильнее других... Он — герой. Не в том смысле, что он будто может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода»³.

¹ Гулыга А.В. Искусство истории. М., 1980. С. 23.

² Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в 5-ти томах. Т. 2. М., 1956. С. 326.

³ Там же. С. 333.

Может ли личность повернуть ход истории? Может. Нельзя, например, представить Октябрьскую социалистическую революцию без В.И.Ленина. Субъективный фактор в истории отрицать нельзя. Но в действиях выдающихся личностей могут быть как пределы и ограничения, так и громадные возможности и перспективы. Все зависит от понимания ими исторической необходимости. Вот что пишет об этом болгарский философ Н.Ирибаджаков:

«Если люди сознательно или несознательно не сообразуются с объективными возможностями и требованиями исторической ситуации, исторических законов (точнее было бы сказать: социологических закономерностей. — В.К.), если они сознательно или несознательно противодействуют этим требованиям, их действия терпят провал. Тогда эти действия задерживают на короткое или продолжительное время развитие истории, иногда приводят к огромным разрушениям, жертвам, причиняют неизмеримые страдания не только отдельным личностям, но и целым классам, народам или даже всему человечеству. И наоборот, если историческая деятельность отдельной личности, партии, класса, народа, государства и т.д. основывается на действительно научном познании исторических ситуаций, в которых они действуют, исторических закономерностей, тогда их действия достигают своих исторических целей с неизмеримо меньшими блужданиями, трудностями, разрушениями, жертвами, страданиями, тогда они могут ускорить ход общественно-исторического прогресса»¹.

Хотя политическая публицистика — профессиональная область деятельности части журналистов, для историка — это тот вид источников, который связан с выступлениями ведущих государственных и политических деятелей. Политическая публицистика всегда находится на переднем крае исторического процесса. Она позволяет составлять представление о всех поворотах в политике. Иногда говорят вслед за Вольтером, что идеи правят миром. Видные государствен-

¹ Ирибаджаков Н. Клио перед судом буржуазной философии (К критике современной идеалистической философии истории). М., 1972. С. 128.

ные, политические и общественные деятели выступают в качестве «лидеров мнений», то есть задают тон печати и общественному мнению.

Связь истории и политики общеизвестна. Последняя находит отражение во всех видах источников, но в особенности в речах и произведениях руководящих деятелей, в их мемуарах, в документах партий и общественных организаций. Исследователь должен иметь в виду, что политика, будучи наукой и искусством, изменчива. Поэтому как политическая публицистика, так и документы партий — это всегда документы своего времени.

«Обращение к авторитетам» приравнивается в исследованиях к значительным, весомым фактам, если, конечно, сам авторитет не блекнет в силу тех или иных обстоятельств. Например, одно дело, когда о внешней или внутренней политике пишет журналист: его высказывания могут быть интересными и правильными, но они не связывают правительство и не определяют политику последнего. Совсем другое дело, когда о политике говорит президент, премьер-министр, тот или иной министр или лидер правящей партии.

Будучи формой завоевания, удержания и использования государственной власти, политика, как известно, изменчива. В ней возможны повороты на 180°. Политика всегда связана с интересами личностей, особенно лидеров, групп, общественных слоев и классов. Политика — это процесс со многими факторами и многими действующими лицами. Искусство в политике связано с интуицией лидеров и политических партий. В этом смысле она может быть непредсказуемой, иррациональной.

По мере того, как меняется политика, происходит смена взглядов и лидеров мнений. Историк должен научиться улавливать конъюнктуру.

В качестве примера приведу несколько высказываний бывшего французского президента В.Жискард д'Эстэна, характеризовавших внешнюю политику Пятой республики. Сделанные в разное время они значительно отличаются друг от друга. В интервью газете «Фигаро» в 1975 г. тогдашний президент назвал четыре цели внешней политики Франции: стремление к независимости, желание «организовать Евро-

пу», политика разрядки напряженности и сотрудничество со всеми государствами¹. В 1978 г. В.Жискар д'Эстэн определил иначе основные цели: «Внешняя политика Франции, — заявил он, — независимая политика, соблюдающая наши международные обязательства и наши союзы»². За период, прошедший между этими двумя высказываниями, во внешней политике Пятой республики усилился крен в сторону атлантизма. Наконец, перед официальным визитом в Советский Союз 16 февраля 1979 г. В.Жискар д'Эстэн заявляет на пресс-конференции, что разрядка — одно из основополагающих направлений французской внешней политики³.

Формирование историографических концепций нередко обусловлено уже сложившимися в политической публицистике оценками и точками зрения. Значение политической публицистики этим, однако, не исчерпывается. Вместе с мемуарами она позволяет исследователю собрать элементы оценки деятельности самих государственных деятелей.

Уникальность и соответственно ценность мемуаров как исторического источника состоит в том, что это свидетельство участника или очевидца событий. Одна из сложнейших проблем исследования заключается в установлении причин тех или иных событий. Мемуары как нельзя лучше позволяют объяснить мотивы поведения действующих лиц, восстановить духовный колорит эпохи, создать запоминающиеся исторические образы, что почти невозможно сделать по другим печатным источникам. При всей субъективности этого источника исследователь может с его помощью лучше воссоздать подлинную роль той или иной личности.

Мемуары являются ценным, а иногда и единственным источником, проливающим свет на ряд событий прошлого. В западных странах, например, в США и Франции, уходящий в отставку президент или министр уносит с собой на правах личной собственности документы, связанные с его деятельностью. Поэтому только из его мемуаров иногда можно узнать о некоторых важных фактах.

¹ «Le Figaro». 12.XI.1975.

² «L'Humanité». 10.IV.1978.

³ «Правда». 17.II.1979.

Гегель в свое время так характеризовал известные ему французские мемуары, очевидно казавшиеся ему образцовыми: «Часто они написаны остроумными людьми о незначительных событиях и нередко в них содержится много анекдотического, так что в основе их лежит скудное содержание, но часто они оказываются подлинно мастерскими историческими произведениями, например мемуары кардинала де Ретца; в них открывается обширное историческое поле»¹.

Все мемуары несут печать субъективизма, ибо их создатели высказывают отношение к прошлому сквозь призму своих интересов.

Подобно тому, как мотивы поведения или интересы важны для объяснения деятельности людей историкам, эти факторы крайне важны для источниковедческой критики самих мемуаров. Последние иногда не вскрывают, а запутывают мотивы поведения самого автора.

Типичными для мемуаров крупного государственного деятеля являются «Мысли и воспоминания» О. фон Бисмарка. По оценке одного из его биографов, «он выпячивает одни факты, замалчивает другие, дает произвольные толкования третьим — и все с целью создать собственный канонический образ, образ дальновидного, проницательного, никогда не ошибавшегося и озабоченного лишь интересами государства политика»². Разумеется, эти мемуары крайне важны и интересны. Они были своего рода политическим завещанием германского канцлера.

Иные авторы воспоминаний преувеличивают свою роль в истории. Мемуары нередко используются как средство политической и идейной борьбы. Так, «Военные мемуары» генерала де Голля преследовали вполне определенную политическую цель — создать для автора ореол «спасителя Франции» в период кризиса Четвертой республики (первый том появился в 1955 г.), когда сам он находился в отставке.

Иногда одна из главных целей написания мемуаров — сведение счетов с политическими противниками автора. Анализируя этот вид источников, исследо-

¹ Гегель. Соч. Т. VIII. М. — Л., 1935. С. 5.

² Чубинский В.В. Бисмарк (Политическая биография). М., 1988. С. 401.

ватель должен преодолеть субъективизм оценок мемуариста. Для этого необходимо иметь четкое представление об авторе, его мировоззрении, политической деятельности. Скажем, какова могла бы быть источниковедческая критика мемуаров А.А.Громыко «Памятное», вышедших в 1988 г.? Оба написанных им тома вызывают неподдельный интерес галереей политических портретов советских и зарубежных государственных деятелей и дипломатов. Вместе с тем многолетний министр иностранных дел не пересмотрел ни одну трактовку внешней политики СССР, которая раньше давалась в выходивших под его редакцией коллективных трудах по послевоенной истории международных отношений. При чтении мемуаров создается впечатление, что никаких просчетов не было. Если пассажи о высших советских руководителях написаны с большим почтением к ним, то о наркоче иностранных дел М.М.Литвинове сказано сухо и с явным осуждением его «заблуждений» относительно политики Англии и Франции в предвоенный период.

Фактические данные мемуаров требуют проверки, ибо воссоздание некоторых фактов по памяти автора не всегда является надежным свидетельством. Если мемуарист воспроизводит по памяти некоторые события, то, как считают специалисты, память стирается в прямой пропорции к длине отрезка времени, отделяющего очевидца от описываемого события. В мемуарной литературе возможны не только искажения, но и прямая фальсификация фактов. Поэтому их сопоставление с прессой, документами и другими источниками крайне необходимо.

К мемуарной литературе, так же как и к политической публицистике во многом определяющим критерием является оценка автора общественным мнением страны. Не всякий выдающийся деятель выдерживает испытание временем. Но это лишний раз доказывает, что всякий раз высший судья — историческое самосознание народа, которое зависит от политической и экономической обстановки и общего уровня культуры, в особенности политической культуры народа.

Историческая критика мемуарной литературы, таким образом, самым непосредственным образом связана с оценкой роли данной личности в обществе. Решение этой задачи облегчает биографическая литера-

тура, которая является существенным подспорьем к критике мемуаров.

В одном ряду с мемуарами находятся автобиографии, дневники и письма. С источниковедческой точки зрения субъективный, «личностный» момент в автобиографиях выступает сильнее, чем в мемуарах.

Образец исторической критики автобиографий показал русский философ Л.П.Карсавин. Отмечая органически присущий автобиографиям субъективизм, он отметил: «При этом забывают, что всякий историк поступает точно таким же образом, только с большею бессознательностью и меньшею очевидностью. Сам по себе подход автобиографа к своей жизни является не умалением, а прибылью «научности». Тем, что автобиограф рассматривает свою жизнь с определенной точки зрения, он не искажает действительности, а познает ее единственно возможным способом — как осуществление и раскрытие всеединства его личности в данном моменте. Не выбрав обе точки зрения, ничего увидеть нельзя; вопрос лишь в том, удачно ли она выбрана, правильно ли понят и уяснен центральный момент. И тут, конечно, возможны самые разнообразные ошибки, как возможны они и во всяком историческом и вообще во всяком исследовании. Автор может ограниченно понять себя самого, неправильно оценить себя и, следовательно, все моменты развития. Он может, далее, многое не вспомнить (но разве историк знает все факты?), многое вспомнит неточно (но разве знание историка всегда отличается точностью?), многое вольно или невольно присочинит (но разве этим не грешны величайшие мастера истории? Разве историки никогда не подделывали документов?)»¹.

Дневники — более точны в фактологическом отношении, чем мемуары, но по содержанию могут быть маловажны для историка². Письма, как отмечают исследователи, обычно не предназначаются для публикации, а «рассчитаны на узкий круг заранее известных читателей. В интимной беседе, какой поэтому является переписка, можно высказаться откровеннее и

¹ Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. С. 82.

² Быковский С.И. Методика исторического исследования. Л., 1931. С. 37.

непосредственнее, нежели в мемуарах, рассчитанных на посторонних читателей»¹.

Политическая публицистика, мемуары, биографии связаны главным образом с традиционным направлением исследований — политической историей. Небезынтересную критику этого направления с позиций набирающей рост «социальной истории» дал преподаватель университета Париж-VIII Жак Жюльяр.

«Политическая история, — писал он, — психологична, игнорирует некоторые обстоятельства; она элитарна, «биографична», абстрагируется от всего общества и составляющих его масс; она нацелена на показ качества, а не ординарного; она высвечивает личность и игнорирует сравнение; она описательна и пренебрегает анализом; она идеалистична, а, следовательно, пренебрегает учетом материальных условий; она идеологизирована и оторвана в какой-то мере от жизни; это «частичная» история, не желающая раскрыть большее; она связана только с осознанным и игнорирует неосознанное; она очень пунктуальна (конкретна. — В.К.) и не рассчитана на длительное развитие события. Одним словом, которое используют историки, это — событийная история. Подводя итог, мы можем сказать, что политическая история — в чем-то наивное видение событий, которое приписывает причину явлений их наиболее видному агенту, занимающему высокое положение. Политическая история оценивает их реальную роль по немедленному резонансу у очевидца события. Подобная концепция, как совершенно очевидно, не может быть избавлена от критики. Она не заслуживает названия науки, даже украшенной эпитетом «гуманитарная», тем более названия «социальная наука». По общему мнению, отныне должна быть «социальная» или «коллективистская история», занимающаяся группами, а не изолированными индивидами»².

Как суровый приговор звучат слова Жюльяра: «Политический историк был до сих пор бегуном на 100 метров. Отныне ему следует тренироваться на дистанцию 1500 или даже 5000 метров»³. Выдвигае-

¹ Там же. С. 38—39.

² Julliard J. La politique // Faire de l'histoire. Т. II. Nouvelles approches. Paris, 1974. P. 229—230.

³ Ibid. P. 237.

мое им требование «долговременности» для исторических исследований¹ неправомерно, ибо это не священное писание. Тем не менее рациональное зерно критики Жюльера состоит в том, что она в утрированной форме оттеняет известные упущения метода политической истории. Французский ученый признает, что политическая история количественно пока преобладает в исторической литературе².

3. Документы партий и общественных организаций

В современном обществе партии являются неотъемлемой частью политического ландшафта. На выборах в центральные и местные органы власти избиратели обычно голосуют за кандидатов, выдвигаемых политическими партиями.

Партиям и парламенту отводится важная роль согласования интересов между различными классами и социальными слоями. История их деятельности образует существенный компонент описания политической жизни.

Изучая документы партий, исследователь должен иметь в виду, что противоречия между словами и делами политических группировок — весьма распространенное явление. Это отмечали К.Маркс и В.И.Ленин. Основоположник научного коммунизма писал: «В исторических битвах следует проводить различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной природой, их действительными интересами, между их представлениями о себе и их реальной сущностью»³.

Близкое высказывание есть и у В.И.Ленина. «Чтобы разобраться в партийной борьбе, — указывал он, — не надо верить на слово, а изучать действительную историю партий, изучать не столько то, что партии о себе говорят, а то, что они делают, как они поступают при решении разных политических вопросов, как они ведут себя в делах, затрагивающих инте-

¹ Ibid. P. 238.

² Ibid. P. 230.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 145.

ресы разных классов общества, помещиков, капиталистов, крестьян, рабочих и так далее»¹.

В отличие от партий начала XX в., когда состав членов и в значительной мере избирателей тех или иных партий был более или менее классово однородным, современные партии, включая и коммунистические, имеют сложную социальную структуру. Это объясняется тем, что общественная ткань «постиндустриальных» стран значительно изменилась. Намного возросла роль «среднего класса», уменьшилась доля фабрично-заводского пролетариата в составе трудоспособного населения.

В результате большинство крупных политических партий, в том числе и социал-демократических, перестали быть сугубо классовыми и превратились в межклассовые, «народные» или «партии для всех». Но все же независимо от социального состава членов партии в конечном счете выражают интересы определенного класса или группы. Так, к примеру, нацистская партия в гитлеровской Германии имела широкую мелкобуржуазную базу. Но это была не партия лавочников, а партия наиболее агрессивных, шовинистических кругов монополистической буржуазии.

Что следует иметь в виду исследователю, изучающему деятельность политических партий? В целях завоевания доверия масс многие партии стран Запада пытаются представить себя выразителями всеобщего, общенационального, общенародного интереса. Они повысили элемент социальной демагогии в своих программных документах. Особый упор стал делаться на общечеловеческие ценности — «демократию», «права человека», «солидарность» и «справедливость». Конкретные целевые установки стали формулироваться нарочито туманно, чтобы каждый мог найти в них то, что близко его взглядам. Лидеры партий чаще всего предлагают обществу идеи национального согласия, компромисса, баланса интересов.

Совершенно очевидно, что чем меньше число принципов и ценностей предлагает партия, тем шире может быть круг ее сторонников, приверженцев и членов. Это видно на примере многих западноевропейских партий, которые ограничиваются достаточно узким набором элементарных лозунгов, учитывающих

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 276.

некоторые очевидные интересы и ожидания избирателей.

В западных странах произошло постепенное превращение большинства политических партий преимущественно в электоральные комитеты. Идеология стала приноситься в жертву голому прагматизму, успеху на выборах.

Вот почему исследователь не должен переоценивать заявления и декларации многих партий. Различия между консервативными и либеральными партиями в странах Запада становятся несущественными. Многие политологи отмечают, что программы этих партий отличаются друг от друга незначительно¹.

Придя к власти, партии мало вспоминают о своих предвыборных обещаниях. Что касается реальной политики, то, как утверждал бывший французский министр Ж.-Ф. Деньо, 95% решений любого правительства диктуется конъюнктурой, а не программными намерениями².

Политические партии, по мнению некоторых политологов и политиков, переживают период упадка. Сходит на нет значение низовых партийных организаций, а партийная печать, считавшаяся важным атрибутом, ныне стала анахронизмом. Даже в выборах роль партий заметно уменьшилась. Избиратели часто голосуют не за партию, а за тот «имидж» кандидата, который создается СМИ и рекламными агентствами.

Однако вопреки такому представлению партийная система все же остается одним из важнейших политических институтов либеральной демократии. Благодаря достаточно гибкой структуре партии могут успешно влиять на избирателей, отражая в своих программах различные требования социальных групп.

Итак, исследователю, с одной стороны, нельзя недооценивать роль партий в современной политической жизни, а с другой — нельзя и переоценивать эту роль, ибо на политический процесс оказывают воздействие и государственный аппарат, и средства массовой информации, и система образования, и «группы давления», и массовые организации и движения, и другие элементы политической системы.

¹ Borella F. Les partis politiques dans la France d'aujourd'hui. Paris, 1973. P. 232.

² «Le Figaro». 18.IX.1984.

Во всех странах Запада помимо официальной есть т.н. «параллельная» система власти, образуемая различными «группами давления», клубами, ассоциациями, исследовательскими центрами, где формируются политика и кадры правящих кругов. Их деятельность как правило находит меньшее освещение, чем официальные ветви власти.

К «группам давления» относят союзы предпринимателей, отдельные монополии, профсоюзы, различного рода общественные организации, лиги и ассоциации. Методы действий «групп давления» весьма разнообразны: использование прессы, радио и телевидения в целях воздействия на правительство и на общественное мнение, установление прямых личных контактов с представителями власти, участие в выборах, шантаж и угрозы, подкуп чиновников. Этим группам подчас удается ввести протекционистские барьеры, изменить налоговое законодательство, добиться социальных льгот для определенных категорий населения и т.п.

Особую и специфическую проблему для отечественных историков многие годы представляли документы КПСС, выступления и произведения ее руководящих деятелей. Поскольку КПСС была ядром советской политической системы, ее документы рассматривались как директивные указания. Было принято обильное цитирование и «следование» заявлениям не только основоположников марксизма-ленинизма, но и всех генеральных секретарей и других партийных лидеров, преимущественно членов Политбюро.

Иногда это было оправдано с точки зрения гражданской позиции историка, а также учитывая тот факт, что за этими высказываниями как правило стояла коллективная мысль партии, а не персональные мнения. Однако негативная сторона «принципа партийности» выражалась в догматизме и начетничестве, в цензуре и самоцензуре. Редакторы, цензоры и нередко сами исследователи знали о чем писать можно, а о чем — нельзя.

Состояние исторической науки в СССР невозможно было отделить от положения в обществе и в общественном сознании в целом. «Ленинский этап был отмечен плюрализмом мнений»¹. Отечественная история обогатилась диалектико-материалистической концепцией.

¹ Россия в XX веке (Судьбы исторической науки). М., 1996. С. 9.

В «сталинский период» все общественные науки находились под контролем партии, руководившей, как тогда говорили, «идеологическим фронтом». С середины 20-х годов начался процесс «политизации» истории, прежде всего отечественной, что было связано с борьбой И.В.Сталина против Л.Д.Троцкого и троцкизма¹.

«Марксистское прочтение» истории в догматическом варианте выразилось в обильном цитатничестве, в использовании лишь партийной оптики даже тогда, когда это не вызывалось особой необходимостью. Вот лишь один образец такого подхода. И.Минц, выступая с докладом в Институте красной профессуры в 1930 г., с пафосом говорил: «...Перед нами стоит задача продолжать разоблачение классовой сущности каждой книжки, выходящей из-под пера немарксистского историка, вскрывать классовый характер той или иной книжки. Мы должны — и довольно часто по поводу отдельных историков и даже целых групп — спрашивать: диктатура, где твой хлыст?»².

Для целого ряда советских историков конца 20-х — начала 30-х годов были примечательны прямолинейность, излишняя категоричность в суждениях, далеко не всегда оправданная нетерпимость к немарксистской исторической мысли³. Правда, ленинская концепция в исторической науке полностью не исчезла⁴. Резкой критике, в частности, подверглась «школа М.Н.Покровского». В Постановлении Совнаркома и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах СССР от 16 мая 1934 г. осуждалась подмена гражданской истории отвлеченными социологическими схемами. «Решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории, — говорилось в этом документе, — является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти уча-

¹ АН СССР. История и историки. М., 1990. С. 77.

² Против механистических тенденций в исторической науке (Дискуссии в Институте красной литературы). М. — Л., 1930. С. 7.

³ Белоусова З.С., Погосян В.А. Виктор Моисеевич Далин // «Новая и новейшая история». 1989. № 5. С. 179.

⁴ История и историки... С. 79.

щихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат»¹.

Методологически это было правильное указание, однако многие отечественные историки продолжали работать с оглядкой на руководящие инстанции. Выход в свет в 1938 г. «Истории ВКП(б). Краткий курс», редактирование которого И.В.Сталиным не скрывалось, был ничем иным, как прямым внедрением в историческую науку партийных установок и оценок. С этого времени в отечественной науке утвердилась определенная схема описания событий советского общества, отойти от которой не удавалось почти никому.

Положение усугублялось бюрократическим администрированием в отечественной общественной науке. По свидетельству академиков П.Федосеева и Ю.Францева, «ученые, работавшие в области общественных наук, в те времена были поставлены в такое положение, при котором была крайне затруднена их творческая деятельность. Поэтому довольно широко распространилось мнение о том, что советские ученые обществоведы повторяют цитаты или пересказывают их содержание и без конца комментируют указания, содержащиеся в заявлениях одного и того лица»².

В «хрущевский период» контроль партии над общественными науками, в том числе и над историческими исследованиями, стал менее жестким. Так называемые «шестидесятники» получали возможность работать без оглядки на директивные инстанции.

«Ресталинизация», связанная с периодом Л.И.Брежнева, задержала обновление методологии советской исторической науки, начатое во время хрущевской «оттепели». Вместе с тем нельзя было поставить под вопрос несомненные достижения отечественной исторической школы во многих областях. Именно она поднимала вопросы, которые обходили стороной западные историки — положение и борьбу классов, революции, массовые движения, проблемы идеологии, колониального угнетения, империалистической внешней политики и др.

«Принцип партийности» в истории и в других общественных науках в советский период нельзя оцени-

¹ К изучению истории (Сборник). Партиздат ЦК ВКП(б). 1937. С. 18.

² АН СССР. История и социология. М., 1964. С. 7.

вать однозначно негативно. В этом принципе, с одной стороны, заключалось понимание национальных, государственных интересов, что не выходит за пределы практики и многих западных обществоведов, но с другой стороны, он давил над принципом научной беспристрастности и смелости поиска.

«Смена вех», начатая горбачевской перестройкой, стала поводом для некоторых отечественных историков перечеркнуть тот позитив, который имела советская общественная наука. Иные флюгеры от науки, быстро реагирующие на изменение политической конъюнктуры, стали «теоретически» обосновывать имевшие место ошибки государственного управления при социализме «просчетами» марксистского учения. Однако многие отечественные исследователи остались на позициях исторического материализма.

4. Парламентские документы и законодательные акты

Историки-позитивисты — последователи Л. Ранке изображали историю преимущественно по государственным актам¹. В Англии парламентские документы — такой же древний и во многом главный источник по средневековой истории этой страны, как летописи на Руси. Но, конечно, парламентско-политическая история всегда отражала лишь часть многообразного исторического процесса.

При всей значимости законодательных актов они далеко не определяют даже полноту политической жизни. По глубокому замечанию К. Маркса, «законодательная власть есть власть, установленная согласно государственному строю. Она, следовательно, подчинена государственному строю. Государственный строй есть закон для законодательной власти. Он дал законодательной власти законы и дает их ей постоянно. Законодательная власть является законодательной властью лишь в пределах государственного строя...»².

¹ Виппер Р. Очерки теории исторического познания. М., 1911. С. 63—64.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 281.

На разных этапах исторического развития и в зависимости от особенностей той или иной страны парламентские документы были то главным, то второстепенным источником по политической истории. Так, по мнению польского историка Ц. Бобиньской, для Польши XVI—XVIII вв. структура документальных материалов «свидетельствует о том, какова была ведущая сила в государстве: личная ли власть короля, молодая ли бюрократия или шляхетский парламентаризм. Тот факт, что, например, "Voluminae Legum" и во всей польской документации преобладают постановления и протоколы сеймов, а не материалы исполнительных органов (причем этим последним присуща значительная неполнота), отражает структуру тогдашнего государства и сферу его действия»¹.

Парламентские документы являются важным источником для исследователя стран с развитой системой парламентаризма. Парламент считается признанным противовесом исполнительной власти, и эта его функция реализуется в трех основных видах: 1) публичный контроль над расходованием государственных средств (принятие бюджета), 2) парламентский контроль за деятельностью правительства (голосование доверия или недоверия правительству), 3) контроль над кадровыми назначениями высших должностных лиц.

Профессор Парижского университета Жан-Клод Кольяр отметил как общую тенденцию в странах Запада уменьшение демократичности парламентских режимов. По его словам, парламенты фактически превращаются в «законодательный комитет при правительстве»². Во Франции это подтверждается как преобладанием правительственной инициативы в законопроектах, так и тем фактом, что только в 10% случаев отставка правительства была следствием инициативы самих депутатов³.

Конечно, парламент парламенту — рознь. Одно дело британская Палата общин или американский Конгресс, другое — Государственная дума России.

¹ Бобиньская Ц. Пробелы в источниках (Методологический анализ) // Вопросы истории. 1965. № 6. С. 77.

² Colliar J.-C. Les régimes parlementaires contemporains. Paris, 1978. P. 279.

³ Ibid. P. 269.

Однако в любом случае, при всем умалении роли парламента в странах Запада, он остается важным инструментом правового государства. Под давлением трудящихся и в целях завоевания голосов избирателей на выборах правящая элита вынуждена осуществлять некоторые социальные реформы, отвечающие интересам масс.

Парламент играет роль своеобразного «клапана безопасности», позволяющего «выпускать пар», снимать напряженность, накапливающуюся в обществе. Как отметил английский политический деятель Энтони Беджвуд Бенн, «парламентскими речами мы ограничивали монархию, укрощали тиранов, предотвращали революции»¹.

Законодательному органу обычно отводится роль арены, где выясняются отношения между различными классами и социальными группами, согласуются интересы, заключаются компромиссы.

Парламентские документы стран Запада — многоплановый источник, содержащий сведения по внутренней и внешней политике, о социально-экономическом положении различных категорий населения, о состоянии системы образования, здравоохранения, социального обеспечения и других вопросах государственного управления.

Начинать какое-либо исследование с чтения парламентских документов в большинстве случаев равносильно тому, чтобы решать кроссводры на неизвестном вам языке. Но если вы подойдете к парламентским отчетам с хорошим знанием предмета исследования, вы найдете в них неоценимый источник.

Парламентские документы дают возможность изучения позиций различных партий и отдельных политических деятелей без прикрас, так как лишь небольшая часть их выступлений попадает в печать.

Парламентские документы отражают всю сложность современного государственного управления. Сведения, почерпнутые из парламентских документов, считаются надежными, официальными источниками. В этом их особая ценность. В парламентских слушаниях можно найти много статистических данных. Французские депутаты, например, имеют пря-

¹ «Правда». 26.VI.1989.

мой доступ к служебной информации Национального института статистики и экономических исследований (французского аналога отечественного Госкомстата), к статистическим службам регионов и департаментов и даже к американской системе экономической информации¹.

Во Франции парламентские документы издаются в таких сериях:

«Анналы Национального собрания. Парламентские документы. Официальный вестник Французской республики» в четырех сериях: 1) «Законы и декреты», 2) «Парламентские дебаты. Национальное собрание», 3) «Парламентские дебаты. Сенат», 4) «Экономический и социальный совет». Стенограммы парламентских отчетов каждой из палат содержит 2—3 тысячи страниц большого формата. В них включены также устные и письменные вопросы парламентариев.

Основное содержание дебатов — обсуждение бюджета и законопроектов. В Пятой республике законодательная инициатива более, чем на 90% принадлежит правительству.

Особый интерес всегда представляют дискуссии по общей политике правительства, когда обсуждается декларация нового премьер-министра или когда ставится вопрос о доверии. В этих случаях особенно отчетливо формулируется политика отдельных партий и самого правительства. Хотя и в меньшей степени политическая борьба в парламенте находит отражение в устных и письменных вопросах депутатов и сенаторов.

В стенографических отчетах нередко даются исправления: иногда сами депутаты считают необходимым изъять те или иные места, иногда цензура устраняет те или иные положения. Поэтому в отдельных случаях можно прибегать к сопоставлению газетных отчетов и парламентских стенограмм.

В США помимо дебатов в конгрессе публикуются также слушания в комиссиях палаты представителей и сената. Эти документы представляют ценный источник по изучению внутренней и внешней политики Соединенных Штатов. Нередко они имеют своей целью обработку общественного мнения в нужном для пра-

¹ «Revue française de science politique», février 1981. Vol. 31. N. 1. P. 218.

вящих кругов США направлении и подготовку его к принятию или одобрению той или иной акции американской администрации. Именно поэтому иногда важнейшая часть материалов комиссии и подкомиссий Конгресса не публикуется, а многие «слушания» проходят вообще при закрытых дверях¹.

Аналогичная картина наблюдается и в других западных странах, где правительства сами определяют, какие парламентские данные им публиковать.

Законодательные акты — не только юридический, но и исторический источник. В конституциях, законах, кодексах (уголовном, процессуальном и др.), подзаконных актах закрепляются принципы и нормы, которые регулируют политические отношения, придавая им упорядоченность, определяя дозволенное и недозволенное с точки зрения укрепления государственного строя.

К нормативным актам приравниваются также конституционные обычаи, как например в Великобритании, судебная практика и административные акты. Классическими странами «общего права», то есть права, основанного на судебном прецеденте, являются Англия и США.

По одному изречению, «законы делают историю»². Однако это высказывание отражает больше методологию историков-позитивистов XIX в., а не современный уровень исторической науки.

Существуют два способа публикаций законодательных актов: во-первых, в форме инкорпорации, то есть добавления без изменений, принимаемого в хронологическом порядке; а во-вторых, в форме кодификации, то есть в форме сборников, построенных по тематическому принципу, позволяющему устранять потерявшие силу законы.

5. Дипломатические документы.

Некоторые концепции международных отношений

К дипломатическим документам принято относить внешнеполитические заявления глав государств и пра-

¹ «Правда». 13.V.1986.

² Dhoquois G. Histoire de la pensée historique. Paris, 1991. P. 95.

вительств, министров и министерств иностранных дел, международные договоры, соглашения, конвенции, декларации и коммюнике, вербальные (устные) и личные ноты, памятные записки (меморандумы), инструкции дипломатическим представителям, личную переписку послов, министров иностранных дел и глав государств и правительств, отчеты и справки посольств и консульств и др.

Договор, являющийся основным источником международного права, относится к числу наиболее важных дипломатических документов. Он отражает характер отношений между государствами и состояние международной обстановки. Договор имеет более высокий статус, чем соглашение. Обычно он требует ратификации, а соглашение — нет.

Римское правило — «договоры должны соблюдаться» — означает не просто определенные нормы морали в международных отношениях, но и прежде всего то, что государства могут всеми средствами, которые есть в их распоряжении, заставить уважать и соблюдать договор другую сторону.

Дипломатическая практика предусматривает частные письма полуофициального характера. Характеристика частного письма как «полуофициального» документа не снимает с него официального качества, поскольку оно исходит от главы или сотрудника посольства, ибо всякая деятельность этих лиц в стране пребывания не может быть частной¹.

Для исследователей международных отношений и внешней политики стран Запада анализ официальных документов сопряжен с определенными трудностями ввиду особых качеств «дипломатического языка». Публикации дипломатических документов не вскрывают порой истинные цели внешней политики, которые формируются не в министерстве иностранных дел, а в «мозговых трестах», исследовательских центрах и политических клубах, образующих «параллельные» структуры власти.

Главная трудность для историка состоит в том, что как правило ему не доступны секретные правительственные директивы, определяющие задачи внешней по-

¹ Молочков Ф.Ф. Дипломатический протокол и дипломатическая практика. М., 1979. С. 109.

литики. Об этих задачах он может получить представление лишь из мемуаров (через какое-то, иногда длительное время), или косвенно из анализа выступлений государственных деятелей и публикаций близкой к правящим кругам прессы. По замечанию профессора Йельского университета А. Джонсона, «дипломатические документы более других должны подвергаться сомнению. Открытый текст договора может иметь иное значение в сочетании с секретными статьями, не раскрытыми под тем или иным благовидным предлогом»¹.

Дипломатические документы делятся на две неоднозначные категории: с одной стороны, публикуемые договоры, соглашения, ноты и меморандумы, а с другой — конфиденциальные, предназначенные для внутреннего пользования директивы, справки, личные послания, где раскрываются подлинные цели внешней политики данной страны. Вторая категория рассекречивается по истечении большого срока времени. В Англии, например, действует правило 30-летней секретности правительственных документов². Во Франции по закону, принятому в 1979 г., архивы министерства иностранных дел становятся доступными для широкой публики также через 30 лет. Аналогичное положение и в других странах. Правда, иногда конфиденциальные документы до истечения положенного срока как сенсации публикуются печатью. Но «утечка» секретной информации в таких случаях обычно продиктована какими-то политическими соображениями.

Так, например, в марте 1983 г. американская печать сообщила, что Совет национальной безопасности США принял «директивное решение по национальной безопасности № 75», в котором, в частности, правительству предлагалось усилить экономический нажим на СССР³. В январе 1983 г. в индийской печати был опубликован американский официальный документ, адресованный послам США и резидентурам ЦРУ за границей. В этом документе, одобренном Белым Домом в конце 1981 г., было сказано: «США должны

¹ Johnson A. The Historian and his Historical Evidence. New York, 1930. P. 93.

² «Правда». 6.1.1985.

³ «Правда». 26.III.1983.

установить политическое господство над такими ключевыми районами, какими являются Карибское и Средиземное моря, Южная Африка, Тихий и Индийский океаны, включая Красное море и Персидский залив, а также над регионами, из которых поступает важное сырье»¹. Появление подобного рода документов дает исследователю весьма веские аргументы. Но такие публикации не так часты.

Полагаться на прессу в оценке внешней политики историк полностью не может, ибо печать по своему назначению является выразителем взглядов общественного мнения, которые могут не совпадать со взглядами правящих кругов. Однако диалектическая связь такова, что правящие круги не могут не учитывать состояние общественного мнения и поэтому в случае изменения политики они обычно подготавливают также изменение общественного мнения страны. В заявлениях государственных деятелей, затрагивающих внешнюю политику, исследователю крайне важно найти опорные или «ключевые» фразы.

Историку необходимо знать элементы теории международных отношений, во-первых, потому, что государственные руководители и их эксперты хотя и не обязательно руководствуются этой теорией, но учитывают ее, а во-вторых, потому, что в своих оценках исследователь не может не сравнивать те или иные факты с нормами международного права и теорией международных отношений.

Универсальная, всеми признанная теория международных отношений пока не сложилась подобно тому, как нет такой теории и у политологии и социологии. Это говорит о сложности самого предмета. Тем не менее есть немало познавательных концепций, которыми может воспользоваться исследователь.

В науке давно сложилось понимание о связи внутренней и внешней политики. Как правило внешнеполитический курс государств определяется характером его внутренней политики. Главной целью внешней политики является создание благоприятных международных условий упрочения правящих кругов и развития национальной экономики.

¹ «Правда». 7.IX.1983.

Мировая политика состоит из конфликтов, компромиссов и соглашений. Вот почему с теоретической точки зрения сохраняются два полярных взгляда на природу межгосударственных отношений, сформулированных еще в первой половине XVII в. Один из них — концепция конфликта как нормы таких отношений — принадлежит английскому философу Томасу Гоббсу, другой — концепция сотрудничества тоже как нормы отношений между государствами — был выдвинут голландским юристом и историком Гуго Гроцием. Как одна, так и другая концепция нашли многих приверженцев.

Как свидетельствует история, внешняя политика государств веками строилась по принципу древних римлян — «хочешь мира — готовься к войне». На старинных пушках отливалась надпись на латыни: «Последний аргумент королей». Гегель считал, что война — двигатель исторического прогресса, что она сохраняет «здоровье нации». Спор между государствами, если их суверенные интересы не приходят к согласию, по Гегелю, может быть решен лишь войной.

С другой стороны, И. Кант выступил в 1775 г. с трактатом «Вечный мир», где пытался сформулировать общечеловеческие моральные ценности, на которых должен покоиться мир. Он не переоценивал природы человека, но считал, что процесс его морального совершенствования может приблизить вечный мир. Моральное совершенствование разовьет в человеке чувство космополитической морали, то есть, выражаясь современным языком, создаст ощущение морально-политического единства мирового сообщества.

Кант требовал роспуска постоянных армий, осуждал аннексию территорий и вмешательство во внутренние дела другого государства и всякие враждебные действия, отдавая предпочтение республиканской форме правления, ратовал за образование всемирной федерации свободных государств, выдвигал идею «всемирного» гражданства. Как аксиома звучит и такое высказывание философа: «Условием возможности международного права вообще является прежде всего существование правового состояния», т.е. правового государства¹.

¹ Кант И. Вечный мир (Философский очерк). М., 1905. С. 70.

Конфликтам и войнам всегда давались самые различные объяснения и обоснования — религиозные, политические, экономические и даже биологические. Поведение человека, как считают некоторые политологи, социологи и психологи, характеризуется такими присущими ему от природы негативными чертами, как агрессивность, властолюбие и эгоизм.

Так, по утверждению американского социолога Г. Гатлина, инстинктивное стремление человека к власти является более значительным, чем инстинктивное стремление к свободе. Он также считал, что «ненависть является более сильной движущей силой, чем любовь»¹. Немецкий философ К. Ясперс полагал, что корни войны находятся в самой человеческой сущности, которая-де определяется агрессивностью, жаждой насилия². Президент католического общества «Социальные недели Франции» Ж. Флори заявлял, что «война является не столько следствием решений руководителей, сколько выражением народной потребности»³. Наконец, по словам классика политологии и социологии М. Вебера, «нация простит ущемление ее интересов, но не оскорбление ее чести»⁴.

XX век оказался самым кровопролитным в истории человечества. По подсчетам американского Центра стратегических и международных исследований, во всех войнах, межэтнических и идеологических конфликтах этого столетия погибло 170 млн. человек⁵.

Версия об агрессивности человеческой природы не может рассматриваться как непреложная истина. Антисоциальные инстинкты и импульсы человека, которые не сводятся только к агрессивности (это также стремление к власти, к наживе, эгоизм, индивидуализм, равнодушие) — не генетические, а приобретенные под влиянием окружающей социальной среды. Наряду с антисоциальными инстинктами у человека есть и социальные инстинкты (доброта, солидарность,

¹ Gatlin G. Systematic Politics. Toronto, 1962. P. 92.

² Philosophie des Verbrechens (Gegen die Ideologie des deutschen Militarismus). Berlin, 1959. S. 215.

³ Guerre et paix (De la coexistence des blocs à une communauté internationale). Paris, 1953. P. 18.

⁴ Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 694.

⁵ Brzezinski Z. Out of Control. New York, 1993. P. 17—18.

коллективизм). Человечество пока не выработало идеального механизма культивирования одних и подавления других инстинктов человека, поэтому они пока сосуществуют как данная реальность.

Марксистский вклад в теорию международных отношений выразился прежде всего в том, что он поднял критерий политической морали. В Учредительном манифесте I Интернационала К.Маркс и Ф.Энгельс поставили перед рабочим классом задачу «добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами»¹.

Целая эпоха в международных отношениях связана с понятием «империализм». Ленинская концепция империализма сделала крупный шаг вперед в теории международных отношений.

Сам термин «империализм» впервые был употреблен на Лондонском конгрессе II Интернационала в 1896 г. На эту тему писали Дж.А.Гобсон, Р.Гильфердинг, К.Каутский, Р.Люксембург, Ф.Меринг, П.Луи, Ю.Мархлевский, Й.Шумпетер и др. Многие политологи и историки до В.И.Ленина определяли империализм только как синоним колониальной политики. Так, в брошюре К.Каутского «Империализм» давалось такое объяснение: «...Империализм впервые зародился в Англии и означает особый вид политических задач, которые наметились вместе с новейшей фазой капитализма, но отнюдь не совпадают с ним»².

Если Каутский увязывал империалистическую стратегию только с необходимостью смычки промышленности метрополии с сельским хозяйством колоний (ввиду узости внутренней сельскохозяйственной базы), то Ленин дал более глубокое и всестороннее экономическое и политическое обоснование империализма (образование монополий, слияние банковского капитала с промышленным, вывоз капитала, образование международных монополистических союзов, завершение территориального раздела мира крупными

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 11.

² Каутский К. Империализм. М., 1915. С. 1.

капиталистическими державами)¹. Главным в ленинской теории является указание на образование монополистической стадии капитализма.

Преподаватель Аделаидского университета Н.Этерингтон в своем исследовании по теории империализма отдал должное заслуге В.И.Ленина в развитии этой теории, отмечая, что он «прочитал все, что было написано по этому вопросу»². Ленин владел 9 языками. Он пользовался всем богатством научной методологии общественных дисциплин. При этом, как справедливо отметил один исследователь, «в своих трудах Ленин исходил из важнейшего методологического принципа — необходимости изучения всей совокупности фактов по данной проблеме, в их тесной взаимосвязи и взаимодействии, в их исторической определенности»³.

Работа Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», написанная в первой половине 1916 г., — образцовый показатель огромного и напряженного труда ученого. Он критически переработал сотни книг, брошюр, журнальных и газетных статей, изданных в разных странах на многих языках. Ленинские «Тетради по империализму» составляют около 50 печатных листов и образуют отдельный (28-й) том полного собрания его сочинений. Они содержат выписки из 148 книг (в том числе 106 немецких, 23 французских, 17 английских и 2 в русском переводе) и из 232 статей (из них 206 немецких, 13 французских и 13 английских), помещенных в 49 различных периодических изданиях⁴.

Ленин указывал, что империализм означает «реакцию по всей линии». Это было верно не только для рубежа XIX и XX в. и не только в отношении фашистских режимов. Эволюция современного империализма показывает, что возрастание авторитарных тенденций и государственной бюрократии («этатизма») ведет к наступлению на демократию, и только проти-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 386—387.

² Eterington N. Theories of Imperialism: War, Conquest and Capital. London, 1984. P. 131.

³ Городецкий Е.Н. Ленинская лаборатория исторического исследования. М., 1984. С. 5.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. VIII.

водействие народных масс позволяет сдерживать этот процесс.

Империализм как экономическое и политическое явление не исчез. Монополии стали еще более мощными. Современный империализм представляют около двух тысяч транснациональных корпораций, опирающихся на политическую, военную и информационную мощь США, Англии, Франции, Германии, Японии и других развитых капиталистических стран¹. Силу ТНК дают также не только финансовая мощь, но и обладание высокими технологиями, которые обеспечивают им монопольное положение на мировом рынке.

Финансовая эксплуатация превратилась в главную и наиболее изощренную форму эксплуатации. Доллар, на который приходится 60% валютных запасов центральных банков всех стран², стал инструментом финансовой эксплуатации большей части земного шара. Мировой продукт растет примерно на 4—5% в год, но его стоимость в долларовом исчислении за год увеличивается на 10%. Бумажная денежная масса, следовательно, растет быстрее, чем фактический продукт. Искусно используя эмиссию «мировых» денег, США обложили население всей планеты 5-процентным налогом и пускают его на поддержание более высокого уровня жизни своего населения. Долларизация экономик многих государств дает членам «Большой семерки» и МВФ баснословный доход — 1 триллион долларов в год!³

Финансовый капитал попирает национальные границы и суверенитет государств. На мировых финансовых рынках безконтрольно обращается капитал, который в 25—80 раз по разным оценкам превышает денежный эквивалент товарного экспорта стран ОЭСР (промышленно развитых) и их совокупный ВВП⁴. Раньше многие правительства в той или иной мере контролировали движение капиталов за границу, сейчас — нет. А к чему ведет расхождение между объ-

¹ Курашвили Б.П. Новый социализм (К возрождению после катастрофы). М., 1997. С. 212.

² In Search for a New World Order (The Future of US-European Relations). Washington, 1992. P. 105.

³ «Правда». 27.V.1998.

⁴ «Правда». 5—11.XII.1997.

емом финансового, в значительной мере спекулятивного капитала, с одной стороны, и стагнацией реального, производственного капитала, с другой? Оно ведет к циклическим кризисам и финансовым катастрофам.

Пострясение на нью-йоркской бирже в октябре 1987 г. привело в лавинообразному падению курсов акций почти на 23%. Доллар устоял только благодаря координированному выступлению центральных банков стран Запада. Еще один гром грянул в октябре 1997 г., вызвав падение курса акций на 7%¹. Наконец, третий крупнейший валютно-финансовый кризис разразился в мае-июне 1998 г. в ряде стран Юго-Восточной Азии и Японии. Причины всех этих потрясений заключаются в бесконтрольном выходе капитала на мировую арену, в его переходе к чисто спекулятивным операциям.

Почти весь мир попал в жесткую валютную зависимость от США. По утверждению доцента Финансовой академии при правительстве РФ Н.Ф.Гориной, «по сути, Америка сейчас покупает реальные богатства других стран за пустые бумажки, извлеченные из печатного станка... И чем больше стран захватил доллар, тем больше стран заинтересовано в том, чтобы он стоял незыблемо. И уже экономика этих стран подпират не собственную валюту, а доллар США. Есть еще один экономический закон: более твердая валюта вытесняет более мягкую. Экономика начинает работать на чужую валюту. Все расчеты в этих странах идут в долларах. Например, наши экспортные отрасли заинтересованы в том, чтобы доллар рос, и не заинтересованы в том, чтобы он обвалился. Чем "круче" курс доллара, тем больше они получают.

Что же происходит? Для того чтобы купить бумажные доллары, Россия должна продавать свои невосполнимые природные богатства. То есть уменьшать их. А Америке, чтобы что-то купить у России, нужно просто включить печатный станок.

США, допустим, нужно покрыть дефицит платежного баланса — они печатают деньги. Дальше обесцененный доллар идет в международный оборот. Ин-

¹ «Правда». 5—11.XII.1997.

фляция американского доллара тянет за собой инфляцию по всему миру...»¹.

По признанию профессора Гренобльского университета Ж.Дюфура, развитие мировой экономики «в гораздо большей степени соответствовало ленинской концепции, чем можно было ждать от чисто исторического анализа»². Профессор Дюссельдорфского университета В.Моммзен, считая неправомерным навешивание ярлыка «империализм» на все государства с высоким экономическим потенциалом, в то же время указывает, что капиталистическая система «еще содержит скрытые или явные тенденции империализма»³.

Не отрицая сохранение межимпериалистических противоречий, нужно отметить, что на современном этапе произошло известное сплочение ядра империализма, представленного «Большой семеркой», чему способствовало развитие интеграционных процессов, появление ядерного оружия и неоспоримое пока доминирование США. Имея 5% населения Земного шара, Америка потребляет 25% энергии и 30% добываемого в мире минерального сырья⁴. Вашингтон и впредь хотел бы сохранить такое положение.

В этой связи не утратила своего значения ленинская характеристика американского империализма. «Американские миллиардеры, — писал Ленин, — ...награбили сотни миллиардов долларов. И на каждом долларе видны следы грязи... На каждом долларе следы крови...»⁵. И еще: «Идеализированная демократическая республика Вильсона оказалась на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов»⁶.

Агрессия НАТО против Югославии в 1999 г. показала, что придерживающееся двойного стандарта аме-

¹ «Мир за неделю». 13—20.V.2000. С. 10.

² Dufourt G. L'économie mondiale comme système. Paris, 1979. P. 48.

³ Mommsen W. Imperialismus theorien. Gottingen. 1977. S. 114.

⁴ Arnaud R. Panorama de l'économie française (1987/1988). Paris, 1988. P. 72. Johnston W. The Future is not what it is used to be. New York, 1985. P. 62.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 50.

⁶ Там же. С. 192—193.

риканское руководство, постоянно подчеркивая свое неприятие государственного терроризма, само выступило пособником албанских террористов из Косово. Эта акция лишней раз доказала, что империализм посягает на один из ключевых принципов Устава ООН — о невмешательстве во внутренние дела и суверенном равенстве государств.

Для обоснования политики реколонизации мира уже выдвинуто теоретическое объяснение. Так, директор Французского института международных отношений Тьерри де Монбриаль в одной из статей в журнале «Политик этранжер» отметил, что в течение последних десятилетий на Западе стала культивироваться философия, согласно которой в мире существует обширная категория незаконных (по западным стандартам) государств. Де Монбриаль воспроизводит всю гамму соответствующих негативных определений таких стран. Здесь и «неудавшиеся государства», и «страны, предвещающие бурю», и «государства-изгой», «государства-проходимцы» и даже «государства-убийцы». Против таких-де образований оправдана интервенция, являющаяся «правом, если не долгом Запада»¹.

Вашингтон считает, что его национальные интересы простираются практически на любую точку земного шара. Важнейшей целью США после второй мировой войны была борьба с социализмом и устранение конкурентов на мировую гегемонию. После поражения социализма в Европе американский империализм продолжает свою экспансию по захвату природных ресурсов и сырья во всем мире. Его главным объектом становится Россия, на территории которой находятся 60—70% мировых разведанных запасов минерального сырья. Современный колониализм принял форму неоколониализма.

Капитализм в его монополистической стадии не мог не измениться за сто лет. Главными рынками экспорта товаров и капиталов стали не развивающиеся страны, а сами развитые страны, имеющие емкий внутренний рынок, иначе говоря, платежеспособное население. Современной формой раздела рынков стала интеграция — создание замкнутых экономико-

¹ «Правда». 8—9.VI.1999.

политических союзов государств, имеющих более или менее одинаковый уровень развития.

Ленин наблюдал появление государственно-монополистического капитализма только как исключение, связанное с первой мировой войной, но развитие социальных и постоянных регулирующих функций буржуазного государства он еще не мог видеть. Ныне вмешательство государства в экономику многократно возросло. Проведение широкомасштабной социальной политики в странах Запада позволило значительно снизить социальную напряженность в регионе «золотого миллиарда».

Когда социологи говорят о «постиндустриальном» и «информационном» обществе, они имеют в виду изменение определенных структур общества. Понятие «империализм» теперь более соответствует не общей характеристике современного капитализма (она должна быть шире), а внешней политике определенной группы западных держав, лидером которой выступают Соединенные Штаты.

Наконец, в теоретическом представлении об империализме следовало бы внести такую конкретизацию: империалистические круги олицетворяет космополитическая финансовая олигархия, представители которой в каждой стране достаточно известны.

Образование Советского Союза, а затем мира социализма внесло радикальные изменения в систему международных отношений, подорвало гегемонию империализма. Если до этого решение вопросов внешней политики было всецело привилегией узкой группки «избранных лиц», будь то монархи и аристократы или магнаты капитала, то после Октябрьской социалистической революции и особенно после Второй мировой войны в политику властно вторглись народные массы.

Если до Октября 1917 г. полноправным участником международных отношений была лишь горстка так называемых «цивилизованных» наций, то наша революция провозгласила право всех без исключения наций и государств участвовать в решении важнейших международных вопросов.

Марксистская мысль после В.И.Ленина внесла представление о классовой борьбе на международной арене. «Если в прошлом, — писал видный советский дипломат и ученый В.Израэлян, — классовая борьба

ограничивалась, как правило, рамками отдельного государства и редко перемещалась на международную арену, ... то в наши дни (это писалось в 1967 г., когда шла «холодная война». — В.К.) эта мировая арена превратилась в основное поле битвы между социализмом и капитализмом. Никогда в прошлом соотношение сил между социализмом и капитализмом в глобальном масштабе не оказывало столь существенного, порой решающего влияния на ход и исход классовой борьбы в той или иной стране, как в наше время. С другой стороны, никогда еще барометр международной жизни так живо, как сейчас, не реагировал на изменения во внутривнутриполитической атмосфере той или иной страны, на развитие и результаты классовых битв¹.

Среди наиболее известных ученых на Западе, пытавшихся создать общую теорию международных отношений, чаще других называют американского профессора Ганса Моргентау и французского академика Реймона Арона.

Эмигрировавший из фашистской Германии профессор политических наук и современной истории Чикагского и Нью-Йоркского университетов Моргентау одновременно был также консультантом госдепартамента и директором Центра по изучению американской внешней политики. В капитальном труде под названием «Политика среди наций», выдержавшем много изданий, он утверждал, что принципы, лежащие в основе международных отношений, неизменны и коренятся в природе человека. Последний же всегда руководствуется интересом, включающим стремление к власти².

Сущность международной политики, как утверждал Моргентау, идентична политике внутренней. И та и другая есть борьба за господство, которая модифицируется лишь различными условиями, складывающимися во внутренней и международной сферах. Успех во внешней политике достигается, в представлении профессора, силой национальной власти, которая, в свою очередь, зависит от экономического и

¹ Исразлян В. Ленинская наука о международных отношениях и внешнеполитическая реальность // «Международная жизнь». 1967. № 6. С. 68.

² Morgenthau H. Politics among Nations (The Struggle for Power and Peace). New York, 1954. P. 5.

военного потенциала, морального состояния народа, особенностей национального характера и т.п. Человечество, как полагал Моргентау, может быть полностью гарантировано от возникновения войн только при условии создания мирового государства в результате полного отказа от национального суверенитета.

Моргентау был одним из основателей американской школы «политического реализма», которая обосновывала политику «с позиции силы», проводившуюся Соединенными Штатами в годы «холодной войны», отбрасывала в сторону принципы международного права и политической морали. К этой школе принадлежали видный журналист У.Липпман, дипломат, а затем профессор Дж.Кеннан, бывший помощник президента по национальной безопасности Г.Киссинджер, социолог У.Ростоу, историки Р.Найбур и А.Шлезинджер и др.

Дж.Кеннан, например, объявлял ошибочным «легалистски-моралистский подход к международным проблемам»¹. Профессор Нью-Йоркского университета А.Шлезинджер заявлял, что оценивать внешнюю политику государства с точки зрения общечеловеческой морали чрезвычайно сложно потому, что моральные принципы отдельного человека находятся в непримиримом противоречии с основными задачами государства².

Безопасность одной державы представлялась Г.Киссинджеру не иначе как за счет создания относительной угрозы другим участникам международного общения. «Законный мир, — заявлял он, — покоится со всей определенностью на силовом балансе»³. Странники «политического реализма» придавали особое значение способности государства демонстрировать свою силу, под которой понимался не только военный фактор, но и экономический и научный потенциал, природные ресурсы, географическое положение, сплоченность общества и т.п.

¹ Kennan G. American Diplomacy. 1900—1950. Chicago, 1951. P. 95.

² Lefever E. (ed.) Ethics and World Politics: Four Perspectives. Baltimore, 1972. P. 21.

³ Huntzinger J. Introduction aux relations internationales. Paris, 1987. P. 85.

«Реалисты» рассуждали примерно так: В политике люди плывут в безбрежном и бездонном море. Здесь нет ни гавани, ни убежища, ни дна, ни якорной стоянки, ни начала пути, ни конечного пункта назначения. Задача состоит в том, чтобы держаться на плаву и на ровном киле, ибо море — и друг и враг.

«Реалисты» исходили из того, что отсутствие доверия всегда доминирует в международных делах. Поэтому каждое государство стремится наращивать свою силу. Но, поступая таким образом, оно ущемляет безопасность других государств, которые пытаются сбалансировать, а в сущности, превзойти по силе нарушителя спокойствия. Эта гонка за обеспечение безопасности фактически приобретает с самого начала форму бега по замкнутому кругу.

«Реалисты» признают, что их теория — воплощение цинизма, но такова, дескать, жизнь, таковы законы природы, которым подчиняются международные отношения. В недрах школы «политического реализма» возникла т.н. «теория игр», уподобляющая политические процессы спортивной игре, в которой задача каждого игрока заключается в том, чтобы добиться наилучшего для себя результата при наименьших усилиях независимо от действий противника. Аксиома «теории игр» предполагает разумных игроков. Но в жизни и в политике люди и правительства делают порой массу ошибок, которых никакому умному не предусмотреть.

Для всего периода «холодной войны» самым адекватным названием для американской внешней политики была формула государственного секретаря Дж.Ф. Далесса — «с позиции силы».

Школа «политического реализма» и в особенности «теория игр» уже в 60-е годы подверглась в США критике со стороны представителей т.н. «модернистского» течения. Последние указывали на невозможность оперировать одними количественными показателями, на недостаточную конкретность ключевых понятий («баланс сил», «безопасность» и др.), на ограниченные возможности предсказания тенденций развития международных отношений.

Американский социолог И.Горовиц резко осудил поборников «теории игр» типа Г.Кана, Э.Теллера и Г.Киссинджера, дав им прозвище «новых гражданских милитаристов». Эти деятели пытались приме-

нить к ядерной войне «теорию игр», спроецировать условия для «ограниченной» ядерной войны, заявляя, что Япония не погибла в 1945 г. после того, как на нее были сброшены две атомные бомбы. По словам Горовица, испокон веков войны велись ради победы, поэтому нельзя рассчитывать на то, что враждующие стороны займутся не поисками путей к победе, а нахождением способов ограничить военные действия. «Ничто в военной истории, — писал он, — и ничто в человеческой природе в годину испытаний не дает оснований для столь оптимистической оценки»¹.

Эффективность «теории игр» оспаривал и профессор Калифорнийского университета Р.Лайбер. «Правительство страны, — писал он, — редко выступает как единичный игрок, напротив, оно имеет целый набор сил, каждая из которых может выражать собственные интересы или добиваться достижения собственной стратегии... В результате американское или советское правительство... выбирает курс действий, который может оказаться «иррациональным» в терминах критериев «теории игр»².

«Модернисты» заявляли о намерении анализировать современные международные отношения с помощью достижений компьютерной техники. Они усилили сбор фактических данных и конструировали модели с использованием ЭВМ.

Известный французский социолог Р.Арон (1905 — 1983) в фундаментальном труде «Мир и война между нациями», вышедшем многими изданиями и переведенном на ряд иностранных языков, небезуспешно применил социологический метод к исследованию международных отношений. Он утверждал, что любому государству присущи два состояния в мировом сообществе — мир и война, что одинаково отвечает его природе. Он таким образом соединил концепции Т.Гоббса и Т.Гроция в единое представление. Если в своих территориальных пределах, утверждал французский социолог, государство обладает суверенитетом, то есть монополией на власть, то на международной арене единого руководящего центра политики

¹ Horowitz I. The War Game (Studies of the New Civilian Militarists). New York, 1963. P. 24.

² Lieber R. Theory and World Politics. London, 1974. P. 35.

нет, и поэтому государства строят свои отношения между собой различно.

Арон не сомневался в том, что внешняя политика может опираться только на силу. В само понятие силы он предлагал внести следующую дифференциацию, позволяющую экспертам внешней политики иметь четкие критерии оценки. Он различал, во-первых, «силу» как совокупность военных, экономических и моральных факторов, во-вторых, «власть», осуществляемую государственными органами в пределах своей территории, и, наконец, «могущество» как способность данной страны навязать свою волю другим¹.

Политическая мысль создала определенные представления о системе международных отношений, означающее сохранение равновесия между великими державами (статус кво). Столетие от Венского конгресса 1814—1815 гг. до начала первой мировой войны историки называли «концертом европейских держав», участники которого зорко следили друг за другом с тем, чтобы не допустить чрезмерного усиления одного из них. «Баланс сил» в международных отношениях поддерживается сложной комбинацией договоров и соглашений.

Арон ввел в научный оборот свою концепцию «природного состояния» международных отношений, означающую их полную анархию, неуправляемость. Постоянное соперничество государств, их взаимные подозрения, постоянный риск возникновения войны — все это результат отсутствия арбитра — судьи, трибунала или полицейской силы, которые могли бы регулировать межгосударственные отношения подобно отношениям между гражданами в правовом государстве. «Народы или государства, — по словам французского социолога, — действуют на исторической сцене наподобие лиц, которые не хотят подчиняться какому-нибудь господину, и не знают, как подчиняться общему закону»². Вот почему «мир и война», вынесенные в название его труда по теории

¹ Aron R. Paix et guerre entre les nations. 6-e éd. Paris, 1966. P. 8.

² Aron R. Les desillusions du progrès. Paris, 1969. P. 203.

международных отношений, выражают два противоположных проявления внешней политики государств.

Еще в 1947 г. Арон выдвинул тезис, который на многие годы отражал мышление западных стратегов: «Война мало вероятна, но и мир не возможен»¹. Это положение чаще всего выражалось в печати лаконичной формулой — «равновесие страха». Французский социолог создал свой капитальный труд по теории международных отношений в самый разгар «холодной войны». Одни из его ключевых тезисов ныне выглядят устаревшими, но другие продолжают жить в научных представлениях.

По мнению французского социолога, человечество сможет прийти к полному отказу от войн при выполнении трех условий: а) ликвидации разрыва между жизненным уровнем привилегированного меньшинства и основной массы человечества, фактически живущего в нищете; б) создания мирового «сообщества наций», организованного на принципах федерализма; в) прекращения антагонизма между двумя общественно-экономическими системами, с тем чтобы каждая из них считала законными и допустимыми идеалы и учреждения другой². Он высказывал при этом убеждение, что все три условия теоретически выполнимы, хотя их реализация может встретить трудности.

Как принимаются внешнеполитические решения? Эта проблема всегда интересовала политологов. По мнению Р.Арона, внешнюю политику определяет не один человек — президент или премьер-министр — или даже не узкий круг лиц: решения принимает бюрократия, представленная не одной организацией, каждая из которых имеет свои собственные интересы и соперничает с другими³. Поэтому внешнеполитические решения, как правило, — результат борьбы партий и группировок в правящих кругах, а также других факторов, в особенности международных. Демократического контроля над внешней политикой часто не хватает.

¹ Aron R. Les dernières années du siècle. Paris, 1984. P. 165.

² L'ère des fédérations. Paris, 1958. P. 69.

³ Aron R. Op.cit. P. 29.

Дипломаты наряду с другими высшими государственными чиновниками образуют замкнутую касту, которая готовится системой привилегированных высших учебных заведений, почти недоступных для выходцев из малообеспеченных семей. Исследовательские центры, нередко субсидируемые монополиями, политические клубы, включая международные (наиболее известные среди них — Бильдербергский клуб и Трехсторонняя комиссия), штаб-квартиры партий и транснациональных корпораций, совещания глав государств «Большой семерки» — таковы лишь известные механизмы выработки внешнеполитических решений западных держав.

Р. Арон уже после многократных переизданий своего труда «Мир и война между нациями» в статье «Что такое теория международных отношений», появившейся в 1967 г., скептически отнесся к самой возможности создания такой теории, которая определяла бы научные принципы внешнеполитической стратегии.

Степень взаимосвязи и взаимовлияния различных государств в современном мире настолько велика, что ни одна страна не может проводить свою внешнюю политику без учета интересов мирового сообщества. Между тем реализация интересов одних государств нередко наталкивается на национальные интересы других, что обуславливает возникновение международных конфликтов.

Проблеме национальных интересов в теории международных отношений отводится видное место. В определениях этого понятия обычно присутствуют указания на безопасность, территориальную целостность и независимость государства. В общепринятом понимании «национальные интересы» равнозначны «государственным интересам», а отнюдь не являются указанием на связь с национально-этническим характером общества. В одном из новейших справочников отмечается, что «государственный интерес» — «термин, введенный Макиавелли и Ришелье для выражения претензий государства на право не обращать внимание на законы, которые оно должно защищать, если этого требуют т.н. высшие государственные интересы»¹.

¹ Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 112.

Национальные интересы выступают определяющими мотивами внешней политики. Однако как правило раскрытие этих интересов государственными руководителями допускается лишь в определенных пределах.

Одна из причин того, почему национальные интересы полностью не афишируются публично, состоит в том, что внешняя политика любой страны не может абстрагироваться от военной доктрины, а последняя должна четко указывать, кто представляет угрозу национальной обороне. Военная доктрина должна также отвечать на такие вопросы: какова вероятность войны? Какой характер могут принять военные действия? Какие вооруженные силы в количественном и в качественном отношении необходимы для этого? Какое военное строительство следует вести и как проводить другие мобилизационные мероприятия?

Не случайно поэтому Р.Арон считал, что рационального объяснения национальных интересов быть не может, что, однако, вовсе не исключает наличия определенных детерминирующих моментов во внешней политике¹.

По распространенному среди политологов представлению, внешнеполитические ориентиры и цели любого правительства образуют достаточно широкую гамму. Французский дипломат М.Бонфу предложил понимать под национальными интересами Франции «жизненные интересы» (защита территории, объявляемой национальной святыней), «дипломатические интересы» (мнее определенные и стабильные, чем «жизненные»), «экономические интересы», «культурные интересы» и «интересы цивилизации» (под последними он понимал защиту прав человека, право народов на самоопределение, а также осуществление некоей «цивилизаторской миссии» Франции)².

Отечественные политологи предлагают такую иерархию национально-государственных интересов: 1) коренные, 2) основные, 3) второстепенные. Коренные национальные интересы отражают главное — выживание и развитие нации — и в силу этого остаются практически неизменными. Чем выше уровень интере-

¹ Aron R. Paix et guerre entre les nations. Paris, 1966. P. 101.

² «Défense nationale». 1991. № 1. P. 141 — 150.

сов, тем меньше вероятность поиска компромиссов при их реализации. И наоборот, второстепенные интересы всегда могут стать предметом торга, т.е. быть принесены в жертву ради достижения важнейших целей.

Сфера интересов государства, таким образом, достаточно обширна. В ряду национальных интересов возрастает значение экономической безопасности (что не исключает впрочем важности других форм безопасности — технологической, продовольственной, информационной и т.п.). Это вызвано тем, что в практике международных отношений нередко случаи использования «экономического оружия» для достижения определенных политических целей. К нему чаще всего прибегают США.

Национальные интересы есть нечто, относительно чего представители политической элиты находятся в согласии, о чем они не обязательно говорят, но чего они добиваются сообща. Возможны случаи несоответствия в понимании национальных интересов правительством и обществом. Тогда в стране может произойти политический кризис.

Противопоставление национальных интересов идеологии, нередко встречаемое в отечественной публицистике, на наш взгляд, носит искусственный характер. Утверждения о том, что внешнеполитические интересы СССР диктовались только идеологическими соображениями, были верны для 20-х годов, но для последующего периода были явно тенденциозными. Многие западные политические обозреватели отмечали трезвость и прагматизм во внешней политике И.В.Сталина, Н.С.Хрущева и Л.И.Брежнева (ибо кроме них был еще аппарат), что отнюдь не исключало отдельных волюнтаристских актов.

Такого мнения придерживаются ныне американские исследователи «холодной войны», ознакомившиеся со многими советскими внешнеполитическими документами, открытыми для них в московских архивах. В журнале «Форин афферс» приводилось следующее высказывание бывшего многолетнего заместителя министра иностранных дел СССР Г.Корниенко: «Из всех наших руководителей с конца 40-х — начала 50-х годов, которых я знал, — все боялись войны и максимально стремились к миру... Да, идеология оставалась идеологией, и они делали заявления о том,

что верили в победу коммунизма во всем мире, но, насколько мне было известно, не существовало никакого разработанного плана завоевания Европы или завоевания «третьего мира»¹.

Между тем именно идеология, как правило, формирует национальные интересы, причем Запад имеет свою собственную идеологию. Он не отказался после окончания «холодной войны» ни от каких своих прежних целей. Об этом свидетельствует, в частности, расширение НАТО на восток. Горбачевская концепция «нового политического мышления», включавшая «приоритет общечеловеческих ценностей» и «деидеологизацию» нанесла непоправимый ущерб нашим национальным интересам, ибо до сих пор во всем мире еще наблюдается такое явление: если общечеловеческие ценности вступают в противоречие с национальными интересами, то преобладание в большинстве случаев получают национальные интересы.

Известным регулятором международных отношений являются Устав ООН, Заключительный Акт Хельсинского совещания 1975 г. и некоторые нормы международного права. В Уставе ООН отражены принципы подлинно гуманных международных отношений. Они были дополнены и развиты в Заключительном Акте общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству. Это были известные «десять принципов» — суверенное равенство государств, неприменение силы или угрозы силой, нерушимость границ, территориальная целостность государств, мирное урегулирование споров, невмешательство во внутренние дела, уважение прав человека, равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой, сотрудничество между государствами, добросовестное выполнение обязательств в соответствии с международным правом².

Если на протяжении трех с половиной веков государства были единственными субъектами международных отношений, а мировая политика — межгосударственной политикой, то в последние десятилетия на ми-

¹ Leffler M.P. Inside Enemy Archives. The Cold War Reopened // «Foreign Affairs». Vol. 75. № 4. July/August. 1996. P. 127.

² Дипломатический словарь. 4-е изд. Т. 1. М., 1984. С. 369.

ровую арену все больше выходят транснациональные корпорации; банки и другие финансовые институты, носящие космополитический характер. Совершается процесс передачи части национального суверенитета межгосударственным организациям, особенно в случае экономической интеграции. Целый ряд глобальных проблем требует участия в их решении многих стран или даже всего мирового сообщества. Взаимозависимость государств стала объективным явлением.

Однако хотя концепция сотрудничества государств как нормы международных отношений завоевывает все более прочные позиции, от политики силы пока не отказывается ни одна страна, за исключением малых и нейтральных. Соединенные Штаты осуществляют свою империалистическую экспансию под фальшивым флагом «либеральной глобализации». Они требуют снятия всяких преград движению товаров, капиталов и рабочей силы, что на руку только самым мощным транснациональным корпорациям, преимущественно американским.

Пацифизм еще не стал глубоким внутренним убеждением всех государственных деятелей. Ставка на силу, диктат, гегемонию не ушла в прошлое. Если риск мировой войны заметно уменьшился, то опасность локальных войн остается. Предотвращение региональных конфликтов выдвигается сейчас на одно из первых мест среди проблем международной жизни.

6. Статистика, устные источники, литература

Многие исторические исследования страдают от того, что их авторы пренебрегают статистикой либо из-за недостатка профессионализма, либо ввиду трудности ее получения. Между тем цифры, если они верные, — это неопровержимый факт. По словам французского историка А. Садуля, «обращение к статистическому методу ввело в изучение истории новый элемент, сблизивший историю с естественными науками»¹. Действительно, статистические методы исследования дают возможность обнаружить необходимость там, где на поверхности видна лишь игра случайности².

¹ Французский ежегодник. М., 1959. С. 389.

² Гулыга А.В. Искусство истории. М., 1980. С. 20.

Статистика, с другой стороны, помогает осуществлять на научной основе управление, планирование и прогнозирование развития экономики и общества. Глубокое раскрытие сущности исторических явлений и процессов невозможно без анализа их количественной характеристики.

Использование статистических данных должно опираться на совершенную методологию, ибо объяснение или сам подбор цифрового материала может преследовать неодинаковые цели. Как указывают некоторые теоретики-экономисты, «общественные явления следует изучать статистически лишь на основе всестороннего общественно-экономического анализа. Каждое общественное явление может быть «статистически выражено» только после того, как выяснена его сущность»¹.

В статистике часто фигурируют средние цифры. Исследователь, однако, всегда должен помнить, что статистическая средняя показывает лишь тенденцию развития, которую необходимо объяснить, прокомментировать. Например, в 1830 г. средняя продолжительность жизни пролетариата во всем мире составляла 30 лет². Это, конечно, не означало, что рабочий умирал в расцвете сил, а это свидетельствовало лишь о том, что ввиду высокой детской смертности средний показатель для жизни трудового люда был именно таким.

Средние цифры приемлемы лишь для характеристики качественно однородных объектов, иначе они могут дезориентировать. Так, группировка сельских хозяйств по размерам земли не во всех случаях может быть показателем размеров дохода. Винодельческие фермы, имеющие 5 га земли, — это крупные предприятия, а имеющие то же количество земли хозяйства земледельцев — производителей пшеницы, — мелкие.

Вот один из примеров конкретного анализа средних доходов в России на 1994 г., сделанный отечественными социологами. Все позитивные сдвиги, фиксировавшиеся статистикой (рост денежных доходов, покупательной способности, сбережений и др.), ха-

¹ Маслов П.П. Критический анализ буржуазных статистических публикаций. М., 1955. С. 6.

² Juquin P. et divers. Pour une alternative verte en Europe. Paris, 1990. P. 53.

рактизовали лишь ускоренное обогащение 10–15% населения, которые при подсчете средних величин перекрывали тенденцию обнищания бедных, составлявших около 70% россиян¹.

Что такое «усредненные» цифры показывают и такой пример. По данным Центра по бюджету и политическим приоритетам США, за 1977–1999 гг. средний доход американцев повысился на 20%. Но в то же время доходы самой низкооплачиваемой одной пятой американского населения не выросли, а сократились на 10%. Зато доходы наиболее высокооплачиваемой одной пятой увеличились на 40%²

Какая статистика заслуживает критики? Публикуемые в странах Запада данные о численности безработных не всегда дают полное представление о ее истинных размерах. Так, в официальной статистике Испании не учитывается число безработных, впервые вышедших на рынок труда³. Государственная статистика многих стран регистрирует только тех лиц, которые обращаются к посредничеству бирж труда, но многие люди, отчаявшись найти работу, перестают искать ее активно. По оценкам профсоюзов, в США таких лиц в начале 80-х годов было 4–5 млн человек, а в ФРГ — 700–800 тыс.⁴ Во Франции официальная статистика безработицы до начала 80-х годов на 20% указывала более низкую цифру, чем профсоюзы (ВКТ)⁵. В Великобритании биржи труда не регистрируют тех, кто ушел с работы по собственному желанию в течение 6 недель, а также ищущих работу замужних женщин, если они не платят полного взноса в фонд социального страхования. В результате показатель безработицы в этой стране занижен на 30–40%⁶.

¹ Осипов Г.В., Андреев Э.М. Современные российские реформы: опыт социологической экспертизы // «Социально-политический журнал». 1995. № 1. С. 12.

² «Правда». 28.X.1999.

³ Западная Европа: борьба труда и капитала. М., 1982. С. 280.

⁴ «МЭ и МО». 1982. № 12. С. 141.

⁵ «L'Humanite». 5.III.1979.

⁶ «МЭ и МО». 1982. № 12. С. 131.

Недоучет численности безработных происходит в странах с высоким удельным весом в экономике мелких предприятий, использующих труд только членов своей семьи (а такие предприятия имеют в Японии 32% всех занятых, в Италии — 29, во Франции — 21%). Эти категории занятых при ухудшении хозяйственной конъюнктуры не сразу обращаются на биржу труда, а иногда и вообще не регистрируются на ней¹.

Как поступить исследователю, если по безработице есть данные профсоюзов и официальной статистики? Это решает он сам, но в любом случае упоминает источник. Все дело в том, что бывают значительные расхождения между официальными статистическими данными и профсоюзными, касающимися безработицы, а также забастовок.

В статистическом ежегоднике по труду, издаваемом Международной организацией труда, перечисляются многие исключения из методики подсчета забастовок. В частности, в некоторых странах не учитываются забастовки, в результате которых потеряно менее 100 человеко-дней². В Канаде из подсчета исключаются стачки, не повлекшие за собой потерю времени свыше 10 дней. В США с 1981 г. учитываются только те забастовки, число участников которых превысило одну тысячу, а работа была прекращена ими более, чем на одну смену. Японская статистика не считает забастовками случаи остановки работы менее, чем на половину рабочего дня³.

Историки-неэкономисты, анализирующие общие вопросы экономического и социального положения в той или иной стране, должны иметь четкие представления о таких экономических категориях как валовой национальный продукт, национальный доход на душу населения, девальвация, ревальвация, инфляция, прожиточный минимум, уровень бедности и т.п.

Валовой национальный продукт (ВНП) — это стоимость товаров и услуг, произведенный данной страной за год, включая стоимость от заграничной собственности.

¹ «МЭ и МО». 1882. № 12. С. 141 — 142.

² Year book of Labour statistics. Geneva, 1991. P. 1045.

³ «Международная жизнь». 1990. № 1. С. 96.

Национальный доход на душу населения хотя и складывается из суммы зарплаты рабочих и служащих, доходов крестьян и предпринимателей, является больше показателем уровня экономического развития страны, а не чего-либо иного, в особенности реального уровня личного потребления, ибо, во-первых, в странах Запада 40—50% национального дохода перераспределяется через государственный бюджет, а во-вторых, средняя цифра не отражает большую дифференциацию доходов различных категорий населения. Если сказать точнее, то средний национальный доход на душу населения завышает доходы большей части трудящихся за счет сложения с доходами богачей.

Девальвация и ревальвация — это при колеблющихся курсах валют почти каждодневно наблюдаемые явления в мировой валютной политике. Если раньше это означало понижение или повышение золотого содержания национальной валюты, то сейчас речь идет о курсовом соотношении той или иной валюты к доллару. Обычно только экономические эксперты могут разъяснить последствия этих колебаний для национальной экономики.

Депутат Госдумы Н. Савельев отметил, что решения о соотношениях курсов валют нередко принимаются на самом высоком уровне главами государств — участников МВФ. «Даже для сильных стран, — писал он, — эти решения порой могут создать кризисную ситуацию. Для слабых стран они могут стать приговором. И наибольший ущерб, как ни странно, наносит повышение курса валюты той или иной страны по отношению к доллару — ее ревальвация. Она снижает процентную ставку в стране, увеличивает импортные возможности страны, но больно бьет по экспорту. В итоге в виде импорта начинается экспансия чужого капитала и ухудшается платежный баланс. Импортёры обращаются за кредитами в национальной валюте, сокращая количество денег в стране и расшатывая внутренние экономические связи и финансовые потоки»¹.

Так переплетается национальная экономическая политика со стратегией международного капитала. В современном интегрированном мире образуются стра-

¹ «Правда». 18.VI.1996.

ны-должники, поддерживающие высокие параметры жизни стран-рантье.

Что касается инфляции, то ее главная сущность — налог на потребление, при котором основное бремя ложится на лиц с фиксированными доходами (зарплата, пенсии, пособия) и вообще на малоимущих, ибо расходы на предметы массового потребления и услуги в их доходах составляют гораздо большую часть, чем у богатых людей. По словам французского академика А. Гиттона, инфляция — несправедливый способ перераспределения доходов: «Она усиливает сильного, ослабляет слабого, следовательно, это — самый несправедливый налог»¹.

Инфляция связана с увеличением денежной массы, находящейся в обращении, с девальвацией валюты, с ростом внутренних цен на товары и услуги. Это отнюдь не «стихийное бедствие», а результат определенной экономической стратегии правительства. Инфляция ведет к большему удорожанию импорта, чем товаров и услуг национальных, вследствие чего экспорт данной страны становится более конкурентоспособным.

В странах со слабой экономикой уровень инфляции обычно более высокий, чем в индустриально развитых странах. Обещивая заработную плату, инфляция побуждает трудящихся выискивать дополнительные источники дохода, что в конечном итоге приводит к увеличению нормы эксплуатации. Но особенно больно инфляция бьет по лицам с фиксированными доходами (пенсионерам, учащимся, инвалидам и др.). Однако понижение реальной заработной платы трудящихся имеет свои пределы, во-первых, потому, что это чревато социальным взрывом, а во-вторых, сокращая платежеспособный спрос, т.е. внутренний рынок, буржуазия понимает, что это отразится в конечном счете на падении национального производства.

Термин, противоположный инфляции, — дефляция — означает сокращение количества денег, находящихся в обращении и соответственно снижение цен на товары и услуги. Причина этому — сокращение платежеспособного спроса населения (например,

¹ Guittou H. Repenser le travail (chômage et salariat). Paris, 1990. P. 21.

вследствие роста безработицы и спада производства), уменьшение государственных расходов и повышение банковских процентных ставок.

В социально-политической литературе часто приводятся цифры, показывающие удельный вес бедного населения в тех или иных странах. Универсально признанной методики определения бедности нет. Некоторые западные экономисты считают, что отметкой бедности является уровень ниже половины среднего национального дохода на душу населения. Однако такой подход больше распространяется только на страны Запада. Большинство экономистов считает порогом бедности прожиточный минимум или уровень потребления, удовлетворяющий базовые потребности, который тем не менее не везде определяется одинаково — в одних странах (Россия, Казахстан) по физиологическому минимуму, в других — по социальному (Белоруссия, страны Прибалтики).

На Западе в категорию бедняков обычно включают безработных, людей с низкооплачиваемой работой или с частичной занятостью, больных и недееспособных, некоторых пожилых людей, членов многодетных семей с невысоким доходом. В Великобритании многие считают мерилom бедности право на социальную помощь: в 1986 г. 17% населения в этой стране (около 9 млн. человек) официально признавались бедняками¹.

Эксперты ООН «по человеческому развитию» применяют методику, значительно преуменьшающую критерии бедности. Так, по их данным, только четверть населения развивающихся стран — 1 млрд. 300 млн. — живет за чертой бедности. Индекс бедности определяется ими тратой менее 1 долл. в день, а также следующими дополнительными критериями: продолжительность жизни (процент людей, которые не могут дожить до 40 лет), уровень образованности, материальное обеспечение (процент людей, не имеющих доступа к медицинским учреждениям и к чистой воде, а также процент детей до 5 лет, вес которых не достигает нормы)².

¹ Большой толковый социологический словарь. Т. 1. М., 1999. С. 47.

² «Финансовые Известия». 1.VII.1997.

Прожиточный минимум — не просто научно определенный набор необходимых человеку продуктов и предметов. Поскольку к нему как правило законодатели приравнивают минимальный гарантированный уровень заработной платы, это — вопрос большой политики, борьбы партий и профсоюзов. В России прожиточный минимум исчисляется ценами на 19 продуктов питания, тогда как в странах Запада — 200—300 наименованиями товаров и услуг.

Что касается оценки уровня доходов различных категорий населения, то почти во всех странах, по утверждению французского социолога А. Горза, «недостатки статистического инструментария делают практически невозможным сравнение доходов работников наемного труда и предпринимательских доходов»¹.

Соккрытие реальных размеров военных бюджетов и ассигнований на разведку — распространенная практика в западном мире. В Англии бюджетные ассигнования на создание водородной бомбы нередко прятались за такими безымянными формулировками, как «другие текущие расходы» и «расходы, не вошедшие в предыдущие статьи». Традиция сокрытия целей бюджетных расходов в этой стране весьма устойчива².

Вскрыть дезинформацию в статистике порой могут только специалисты. Французский профессор Ж. Клацман, бывший с 1944 по 1960 г. администратором Национального института статистики и экономических исследований Франции (аналога нашего Госкомстата) среди примеров использования неправдоподобных данных в печати привел такие: 1). Вскоре после второй мировой войны один многотиражный французский еженедельник опубликовал сенсационную новость: «треть мужчин бесплодны». На самом деле речь шла о том, что среди бесплодных супружеских пар в каждом третьем случае виновником был мужчина³. 2). В мировой печати 80-х годов часто фигурировала цифра ежегодно умирающих на планете от голода — 50 млн человек. Эта оценка, заметил Клацман, сомнительна, ибо она не может соответствовать фак-

¹ Gorz A. Réforme et révolution. Paris, 1969. P. 90.

² «Правда». 6.I.1985.

³ Klatzmann J. Attention, statistiques! (Comment en jouer les pièges). Paris, 1985. P. 40.

там либо смерти в результате добровольной голодовки, либо эпидемии голода (скажем, в результате засухи), либо по точно установленным причинам преждевременной смерти вследствие недоедания (ибо могут быть и другие причины — как например, заболевания)¹. 3). По широко распространенным представлениям, заявляет французский статистик, «мелкие и средние предприятия создают рабочие места». Но если разобратся, то они же их и ликвидируют в огромном количестве². 4). Еще один пример, показывающий, что статистика может ввести в заблуждение. Например, объявляется прогноз: промышленное производство в данной стране возрастет в следующем году на 2%. Но если демографический рост в этой стране равен 2%, то никакого реального увеличения производства не произойдет³.

Как считает теоретик методологии К.Д.Петряев, историки недостаточно используют статистику. По его словам, статистические данные в исторических исследованиях обычно «касаются только экономики, заработной платы, стачечных выступлений и совершенно недостаточно используются для характеристики других сфер человеческой деятельности (например, научной, культурной, общественной, политической и т.п.)»⁴.

* * *

Французский историк М.Блок сделал научным понятие «историческое наблюдение». Личные оценки исследователя, являющегося современником совершающихся событий, обычно не фиксируются в перечне источников, но они крайне необходимы и важны. Зная, например, об общественно-политических сдвигах в Восточной Европе после 1989 г., историк наших дней иначе подойдет к прочтению многих материалов и документов по всей послевоенной истории стран этого региона.

¹ Ibid. P. 68.

² Ibid. P. 93.

³ Ibid. P. 105 — 106.

⁴ Петряев К.Д. Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1971. С. 100.

Горизонты исторической науки намного расширяют устные свидетельства очевидцев событий, которые не нашли отражения в прессе, в документах, в архивах. Многие из них поступают через радио и телевидение. «Устная история» привносит в историографию новое важное измерение в виде «человеческих документов» — интервью, писем, воспоминаний «людей из народа».

Что касается надежности и достоверности устных свидетельств, то обвинения в их пристрастности могут быть с равным основанием адресованы и к документальным источникам. К тому же, как отметил английский историк П. Томпсон, некоторые «классические источники» по социальной истории (переписи, официальные расследования и т.п.) основаны на сведениях, полученных с помощью устных опросов¹. Отдавая должное устным свидетельствам, П. Томпсон приходит к такому выводу: «Устная история возвращает историю людям в их собственных словах. И, возвращая им прошлое, она помогает им в достижении ими творимого будущего»².

Косвенным источником для исследователя может быть и художественная литература. Беллетристика как выразитель общественного мнения и общественной психологии является источником особого рода. Художественное творчество, предполагающее вымысел, не является документальным слепком действительности. Но всякое высокохудожественное произведение имеет как правило документальную основу. Таким был роман Л.Н. Толстого «Война и мир». При его написании великий русский писатель изучил огромное количество исторических источников, в том числе архивных материалов. Художественная литература, наконец, помогает исследователю глубоко осознавать и прочувствовать духовные процессы, происходящие в обществе.

В исторической науке есть определенные жанры, соприкасающиеся с художественной литературой: это «романсированная история» и беллетризованная биография. Элементы образности применимы в любом историческом исследовании.

¹ Thompson P. The Voice of the Past (Oral History). London-Oxford, 1978. P. 96.

² Ibid. P. 226.

Часть III.

«Философия истории»

Идеи, влияющие на исторические исследования

1. Дискуссии по теории исторической науки

Социальная философия и социология служат теоретической основой исторических исследований. Важной особенностью, определяющей современное состояние исторической науки, является расширение предметного поля методологических поисков. Источниковедение, помогающее исследователю совершенствовать свое мастерство, не исчерпывает всю гамму теоретических вопросов истории. В этой связи чаще всего говорят о «философии истории», которая предстает в двух ипостасях: 1) как ответвление философского знания, 2) как социология.

Статус «философии истории» как заповедного поля философов обосновывал профессор Оксфордского университета П. Гардинер. Он предложил установить разграничение вопросов «внутри истории» и вопросов «об истории». «Историки, — утверждал он, — отвечают на первый род вопросов, философы — на второй»¹. К числу вопросов второго рода он относил: «Каким образом мы узнаем исторические факты?», «Является ли история наукой?», «Объективно ли историческое знание?», «Какова природа исторических теорий?», «Существуют ли законы истории?»².

В отечественном обществоведении не было нигилизма в отношении теоретических проблем истории. Среди исследователей, занимавшихся этой проблемой, нужно назвать М.А. Барга, О.Л. Вайнштейна, Б.Л. Губ-

¹ Gardiner P. The Nature of Historical Explanation. London, 1965. P. X.

² Ibid. P. X—XI.

мана, И.М.Дьяконова, Е.М.Жукова, И.Д.Ковальченко, И.С.Кона¹.

В странах Запада «философия истории» давно занимает почетное место. Видимо не случайно в США все преподаватели общественных наук в высшей школе имеют степень «доктора философии». Вышедшие в США, Англии, Германии и Франции книги по теоретическим вопросам истории насчитывают уже сотни наименований. Эти вопросы широко освещаются в журналах «Annales», «Comparative Studies in Society and History», «History and Theory», «Journal of Interdisciplinary History», «Past and Present». Особенно заметна дискуссия относительно содержания, границ и возможностей исторического знания.

Известный английский историк и дипломат Эдвард Карр (1892 – 1982), автор 14-томной «Истории Советской России», биографических трудов по Ф.Достоевскому, К.Марксу и М.Бакунину и теоретического исследования «Что такое история» (1961), отметил, что «те историки, которые и сегодня пытаются обойтись без философии истории, напоминают нудистов, тщетно и цинично стремящихся воссоздать райские кущи Эдема в наших садовых пригородах»².

Дискуссии по «философии истории» идут, не прекращаясь, с последней трети XIX в. В их фокусе — полемика с историческим материализмом К.Маркса и попытки утверждения различных философских школ идеалистического направления.

Материализм и идеализм заложили разную точку отсчета в теоретическом фундаменте исторической науки. Позиция идеализма, как известно, состоит в

¹ См.: Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Вайнштейн О.Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX – XX веках. М., 1979; Губман Б.Л. Смысл истории (Очерки современных западных концепций). М., 1991; Дьяконов И.М. Пути истории. М., 1994; Жуков Е.М. Очерки методологии истории. 2-е изд. М., 1987; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Кон И.С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли (Критические очерки философии истории эпохи империализма). М., 1959 и др.

² Карр Э. Историк и факты // Современные тенденции в буржуазной философии и методологии истории. Ч. 1 и 2. М., 1969. С. 24.

том, что «мировой разум» объявляется первичным, а материальный мир, бытие, природа — лишь продуктом сознания, ощущений, представлений, понятий. Материализм, напротив, не отрицая созидательную роль человеческого сознания, указывает на его зависимость от материальных условий цивилизации. Острота конфронтации идеализма и материализма всегда была связана с тем, что ту или иную философию использовали противоборствующие классы, социальные группы и политические силы.

На философское видение истории большое воздействие оказал Гегель. Как отметил Ф.Энгельс, «подобно натурфилософии, философия истории, права, религии и т.д. состояла в том, что место действительной связи, которую следует обнаруживать в событиях, занимала связь, измышленная философами; что на историю, — и в ее целом и в отдельных частях, — смотрели как на постепенное осуществление идей, и притом, разумеется, всегда только любимых идей каждого данного философа. Таким образом выходило, что история бессознательно, но необходимо работала на осуществление известной, заранее поставленной идеальной цели...»¹.

Мыслители всех времен и народов пытались ответить на такие вопросы: случайны ли существующие в обществе порядки или они подвластны каким-то причинам? Можно ли изменить эти порядки или люди обречены вечно подчиняться им? Можно ли добиться благосостояния и свободы для всех, а не только для меньшинства? Если можно, то каким путем? Наконец, в каком направлении движется человечество — к расцвету и прогрессу или к застою и упадку?

К.Маркс и Ф.Энгельс впервые представили общество как продукт исторического развития, как динамично развивающуюся структуру, а теорией классовой борьбы вывели историю из хаоса случайностей. Уже в ранних совместных работах — «Святое семейство» и «Немецкая идеология» Маркс и Энгельс стали изгонять идеализм из исторической науки, усилившийся под воздействием гегелевской философии. «История, — писали они, — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»². В ис-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 305.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 102.

тории нет «божественного промысла», нет реализации «абсолютной идеи». В истории есть лишь реальные люди с их помыслами и действиями.

К.Маркс и Ф.Энгельс установили необходимые связи между всеми общественными дисциплинами и дали научно обоснованное объяснение развития человеческой цивилизации с позиций исторического материализма. До них даже передовые мыслители оставались идеалистами во взглядах на общество, утверждая вместе с Вольтером, что «миром правят идеи».

В произведении «К критике политической экономии» Маркс отметил, что прежде чем заниматься политикой, философией, литературой и т.п. людям надо иметь пищу, одежду, кров, а для этого — производить материальные блага. Исторический материализм поставил историю и социологию на прочную научную основу. Маркс преодолел не только идеализм, но и абстрактный гуманизм, лежавший в основе предшествовавшей ему социальной мысли, и выработал предпосылки строго научного подхода к изучению общества.

Одним из важнейших принципов исторического материализма является признание закономерностей общественного развития, а именно признание действия в обществе общих, устойчивых, повторяющихся, существенных связей и отношений между процессами и явлениями. Поступают ли люди только по своему произволу? Нет. «Люди, — писал Маркс, — сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»¹.

Другим важным принципом исторического материализма является утверждение о поступательном, прогрессивном развитии человечества. Принцип прогресса реализуется в марксизме через учение об общественно-экономических формациях как основных структурах общественной жизни. Марксизму чужды как фаталистические представления об автоматизме общественного развития, так и субъективистские взгляды, сводящие историю к произволу великих личностей.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 119.

Материалистическое понимание истории, указывая на определяющую роль экономики и способа производства, признает также важную роль других факторов. На ход истории влияют государственный строй, классовая борьба, различные идеологические, политические, юридические, философские и религиозные воззрения и культурные традиции.

Ни Маркс, ни Энгельс не представляли материалистическое понимание истории в виде некой отмычки или ключа к объяснению всей сложности общественных явлений. «...Наше понимание, — писал Ф.Энгельс, — есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо изучать заново, надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т.п. воззрения»¹.

Кризис материалистической философской мысли на рубеже XIX—XX вв., связанный с открытиями физики в области строения материи, если не восстановил полностью в правах идеализм, то дал несомненный импульс развитию разного рода субъективно-идеалистических концепций, нашедших выход на «философию истории». Как реакция на позитивизм и марксизм возникла т.н. «критическая философия истории» В.Дильтея, В.Виндельбанда и Г.Риккерта. Она абсолютизировала специфичность исторического познания, подчеркивая особую роль в нем единичного, уникального, случайного и категорически отрицала детерминизм и какую-либо закономерность в истории.

Немецкий философ Генрих Риккерт (1863—1936) утверждал, что естественно-научный и исторический методы познания отличаются друг от друга. Если в первом случае задача заключается в установлении закономерности, то во втором — это познание индивидуального и неповторимого. Английский профессор Дж.Кларк полагал, что «объективная историческая истина теряется»², что равносильно заявлению о том, что

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 371.

² Цит. по: Карр Э. Указ. соч. С. 32.

история имеет бесконечное количество смыслов, каждый из которых столь же правомерен, как и другие.

Под влиянием философии интуитивизма А. Бергсона некоторые западные историки стали противопоставлять рациональному отражению действительности интуитивное чувство исследователя, стоящее в одном ряду с магией, ясновидением, мистикой, телепатией и божественным откровением¹.

Русская либеральная историко-социологическая мысль конца XIX — первых десятилетий XX в. внесла немалый вклад в разработку «философии истории». Н.И. Кареев, Р.Ю. Виллер, Л.П. Карсавин субъективно пытались встать «выше» материализма и идеализма и «выше» классовых противоречий в обществе.

Кареев защитил в 1883 г. докторскую диссертацию на тему: «Основные вопросы философии истории». В его концепции «философия истории» относится к третьей, высшей ступени исторических знаний (эти ступени в его классификации названы так: «исследование», «построение» и «мышление»).

Свою философскую позицию Кареев определил так: «Спор идеалистов и материалистов, дуалистов и монистов представляется безнадежным, и выхода из него нет...»² Разделяя субъективный метод в социологии, он прямо распространял его на область исторических исследований. «Каждый историк, — утверждал он, — имеет свое представление о том, как совершается история, — представление, вытекающее и из априорных предпосылок, без которых не обходится никакая научная работа..., из всего мирозерцания историка, и из тех обобщений, которые складываются у него на основании собственного изучения им тех или других комплексов исторических фактов»³.

Свою историко-философскую позицию Кареев определял как «критицизм», объявляя догматическими социологические теории О. Конта, Г. Спенсера и К. Маркса⁴. Для него в науке приемлем лишь эклектический синтез, исключая приверженность к той

¹ Jankelevitch V. Henry Bergson. Paris, 1959. P. 165.

² Кареев Н. Теория исторического знания. СПб., 1913. С. 10.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же. С. 15.

или иной идеологии. «Теория исторического процесса, — писал он, — должна основываться исключительно на логическом и фактическом фундаментах без малейшей примеси чего-либо, что имеет свой корень в общественной партийности... И самый завзятый ретроград, и наиболее ярый революционер одинаково должны признать, например, что дважды два четыре... почему же они должны думать различно о том, как совершается история, сколько бы ни было разногласий между ними в понимании своих и чужих прав или того, чем должно быть человеческое общество? Разумеется, до такой теории истории далеко, но это все-таки идеал, к которому нужно стремиться»¹.

На один из ключевых вопросов «философии истории» — есть ли в истории прогресс? — Кареев отвечал так: «Идея прогресса включает в себе элемент оценки, коего нет в понятии просто процесса. Прогресс, это — нечто, субъективно оцениваемое, процесс — нечто, объективно понимаемое»². Идею прогресса русский социолог облачает в «план истории» и говорит: «План истории есть своего рода свобода воли. Признать план истории — значит подчинить ее ход только одному закону, одной какой-либо необходимости, освободив этот ход от подчинения всем другим потребностям»³.

Идея прогресса, безусловно, привлекательна. Она присутствует и в марксистской социологической концепции смены общественно-экономических формаций. Однако у Кареева (и не только у него) она трактуется в рамках идеалистической концепции позитивизма, связывающего прогресс только с развитием разума и знаний. Между тем история знает периоды не только поступательного, но и регрессивного развития.

Р.Ю.Виппер, автор многих популярных учебников по истории Древнего мира, Средних веков и Нового времени не причислял себя ни к материалистам, ни к идеалистам. Он превыше всего ставил свободу творчества и положительное научное знание, отвергая как недопустимые всякие философские и идеологические

¹ Там же. С. 24.

² Там же. С. 20.

³ Кареев Н. Основные вопросы философии истории. 3-е изд. СПб., 1897. С. 62.

влияния. «И материалистический взгляд, и взгляд идеалистический, каждый в отдельности взятый, — писал он, — неполны, недостаточны, односторонни. Очень хорошо было бы, если бы в науке одновременно и согласно действовали тем и другим методом, смотрели бы с той и другой точки зрения»¹.

Отбрасывая философские концепции, Виппер выдвигает тезис о двух методах познания. По его представлению, «познание идет двумя различными путями: опытным и спекулятивным, научным и философским... Один метод подсчитывает, классифицирует, накапливает; другой пронизывает наподобие молнии, изобретает»².

Одной из стержневых идей историко-философского видения Виппера была критика теории прогресса. Представление о прогрессе он относил к психологическим особенностям познавательного процесса, а не к объективно существующей динамике исторической действительности. «В то время, когда растут технические изобретения, — отмечал он, — личные качества разрушаются, индивидуальности блекнут, люди становятся монотоннее и скуднее. Прогресс сказывается только в одном ряде явлений, именно в том, что относится к человеческой обстановке. Что же касается человеческой природы, то она не делается ни богаче, ни разнообразнее, ни тоньше по своей организации, ни возвышеннее»³.

Такой же точки зрения придерживался и философ Л.П.Карсавин. Он усматривал в истории только «непрерывный процесс изменений», но не прогресс⁴. Подобно западным философам он подчеркивал, что предмет истории — «единичное», «индивидуально-неповторимое» и «социально-психологическое» в деятельности людей⁵.

Русский философ Н.Бердяев в понятие «философия история» вкладывал более широкий смысл, а именно: всю русскую общественно-политическую

¹ Виппер Р. Кризис исторической науки. Казань, 1921. С. 13.

² Виппер Р. Очерки теории исторического познания. М., 1911. С. 18, 19.

³ Виппер Р. Кризис исторической науки. С. 24.

⁴ Карсавин Л.П. Введение в историю. Пг., 1920. С. 8.

⁵ Там же. С. 17, 33, 34, 36.

мысль. В своем труде «Смысл истории» он писал: «Русская мысль в течение XIX века была более всего занята проблемами философии истории. На построениях философии истории формировалось наше национальное сознание. Не случайно в центре наших духовных интересов стояли споры славянофилов и западников о России и Европе, о Востоке и Западе»¹.

При этом для Бердяева русская философия истории представлялась только религиозной и противопоставлялась историческому материализму Маркса. Последний, очевидно, отождествлялся им только с вульгарным материализмом, против которого Ф.Энгельс давал разъяснения в переписке 1890 г., которая могла быть неизвестна Бердяеву. Русский религиозный философ был непреклонен. «Происходит, — писал он, — окончательный процесс обездушивания истории, умерщвления внутренних ее тайн через избличение главной ее тайны, которой, по мнению исторического материализма, является тайна производства, рост производительных сил человечества»².

Русской либеральной интеллигенции XIX — начала XX в. импонировал сам принцип приоритета духа, который позволял ей иметь высокий социальный статус и считать себя вправе быть причисленной к правящему классу. Революция разрушила эти представления.

Нужно отдать должное русским философам и социологам рубежа XIX — XX вв. Их литературное мастерство выше многих современных нам авторов. Однако проверенных данных общественных наук в то время было меньше тех, которыми располагаем мы. Для русской буржуазно-либеральной интеллигенции «философия истории» была чем-то вроде наиболее приемлемой идеологией. Достаточно вдуматься в следующее высказывание Н.Кареева: «Философия истории должна быть последним словом в самосознании человечества, но последнее слово жизни и истории есть не данное в действительности состояние, а то требование, с коим настоящее обращается к будущему»³.

¹ Бердяев Н. Смысл истории (Опыт философии человеческой судьбы). 2-е изд. Paris, 1969. С. 5.

² Там же. С. 17.

³ Кареев Н. Основные вопросы философии истории... С. 147.

Западную философскую мысль конца XIX – начала XX в. захватил прагматизм, который перенял от позитивизма элемент сомнения в объективной познаваемости мира, лишив в то же время философию О.Конта ореола научности.

В России одним из первых критиков прагматизма был выдающийся социолог Б.А.Кистяковский (1868 – 1920). В статье, опубликованной в 1912 г., он писал: «...Прагматизм принижает научную истину и научное знание до уровня гипотез. Чересчур преувеличивая значение субъективного элемента во всяком научном знании или в установлении даже бесспорных научных истин, истолковывая в чисто субъективном смысле и общеобязательные или трансцендентальные формы мышления, прагматизм стирает разницу между объективным научным знанием и более или менее вероятными предположениями и гипотезами. Теория прагматистов обесценивает научное знание»¹.

Марксизм положил конец «философии истории», основанной на абстрактных умозаключениях. Под влиянием марксистской критики идеалистических аспектов этой философии теоретическая мысль в странах Запада в XX в. вначале повернулась в сторону обобщения эмпирических исследований ограниченного масштаба. Поголовное увлечение мелкими темами и проблемами отодвинул и сам интерес к «философии истории». Однако первая мировая война и Октябрьская социалистическая революция дали толчок к возобновлению этого интереса. Поисками «смысла истории» занялись русский философ Н.Бердяев, немецкий философ К.Ясперс, английский историк и социолог А.Дж.Тойнби, французский социолог и политолог Р.Арон и некоторые другие.

«После первой мировой войны, — писал К.Ясперс, — речь шла уже не только о закате Европы, но о закате всех культур. Появилось ощущение конца человеческого существования вообще, преобразования, охватывающего все народы и всех людей без исключения, которое ведет то ли к уничтожению, то ли к

¹ Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 10 – 11.

рождению нового. Это еще не было самым концом, но знание о том, что конец возможен, стало всеобщим»¹.

«Сегодняшний западный взгляд на историю, — писал Тойнби, — чрезвычайно противоречив. Если наш исторический горизонт значительно расширился и в пространстве и во времени, то наше историческое видение — то, что мы фактически видим в противоположность тому, что могли бы увидеть при желании, — быстро суживается до поля зрения зашоренной лошади или перископа подводной лодки... Наш мир возвысился до беспрецедентно высокой степени сознания. Мы признаем социальные права человека любого класса, нации и расы; и одновременно мы погрузились в пучину классовой борьбы, национализма и расизма»².

Марксистскому учению об общественно-экономических формациях Тойнби противопоставил концепцию многих цивилизаций (5 ныне существующих и 20 с момента зарождения цивилизаций³). Но если движущие силы формаций достаточно обозначены у Маркса в форме отношения к средствам производства, то английский социолог не нашел ничего лучшего, чем воспроизвести схему круговорота истории Дж.Вико. Только в его трактовке, лишенной теологических образов, развитие цивилизаций проходит через четыре фазы — рождение, рост, надлом и падение⁴.

Сборник очерков Тойнби под общим названием «Цивилизация перед судом истории» — образец «философии истории» идеалистического толка. Красочный фейерверк имен, идей, фактов, сравнений и хронологии всех времен и народов завораживают воображение. Некоторые аналогии и прорицания могут считаться литературными шедеврами, но так же как и в «философии истории» Гегеля увидеть научную схему проблем и периодизации всемирной истории у Тойнби очень трудно.

подавляющее большинство современных западных философов и социологов, занимающихся поиском

¹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 2. М., 1978. С. 134.

² Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.-СПб., 1996. С. 97.

³ Там же. С. 99.

⁴ Там же. С. 102.

«смысла истории», либо отрицают всякий смысл, либо объявляют его непознаваемым. Субъективный идеализм открывает широкий простор для априоризма, релятивизма, интуитивизма, «исторического воображения» и всевозможных «творческих» измышлений. В результате объективная истина, научное познание и сама историческая наука становятся невозможными¹.

В чем заключается методологический порок субъективно-идеалистического подхода? По словам болгарского философа Н.Ирибаджакова, современные идеалисты «ищут критерии для оценки и подбора исторических событий не в самом объективном историческом процессе, не в истории, а вне ее — чаще в сознании познающего субъекта, во всевозможных априорных идеях и ценностях, в сознании вообще или просто в боге»².

В боге искал «смысл истории» и А.Дж.Тойнби. «...Нашим следующим объектом в постижении Истории в целом, — заявлял он, — должна стать задача отвести экономическую и политическую историю на второстепенные позиции и оставить первенство за религией. Ибо религия в конечном итоге есть действительно серьезное занятие человечества»³.

Близкую к Тойнби «философию истории» развивал К.Ясперс. «Смысл истории» он выражал в следующих тезисах:

«1. Целью считают цивилизацию и гуманизацию человека...

2. Целью считают свободу и сознание свободы...

3. Целью считают величие человека, творчество духа, привнесение культуры в общественную жизнь, творения гения.

4. Целью считают и открытие бытия в человеке, постижение бытия в его глубинах, другими словами, открытие божества»⁴.

«Философия истории» сводится некоторыми западными теоретиками к конструированию неких фор-

¹ Ирибаджаков Н. Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972. С. 231.

² Там же. С. 285.

³ Тойнби А.Дж. Указ. соч. С. 68.

⁴ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 2. М., 1978. С. 168, 169, 170.

мально-логических схем. По утверждению Р.Г.Вейнгартнера из Государственного колледжа Сан-Франциско, «философия истории как отрасль философии совершенно определено пытается найти логическую конструкцию истории и определить критерии, которыми обоснованность исторической работы может быть признана»¹.

При всем стремлении неопозитивистов поставить себя в центр научного и философского понимания истории в их подходе явно просматривается апология западной цивилизации, которая-де не подвержена революционным изменениям. При этом подвергается сомнению не возможность описания и понимания фактов, а всякая попытка создания концепций альтернативного капиталистическому строю общественного развития. Еще В.И.Ленин отмечал, что словесным сором и плоскими понятиями представители буржуазной социологии заполняют целые тома².

На современном этапе, как отметил отечественный исследователь О.Л.Вайнштейн, «одним из главных источников «словесного сора» в философской литературе была философия неопозитивизма, представители которого пытались установить коренное различие между «специальным языком науки» и «обыденной речью»³.

Идеалистическое толкование исторического процесса проявляется ныне в преувеличении роли научно-технической революции, которая-де способна решить и социальные вопросы, и в преуменьшении фактора классовой борьбы, а также в противопоставлении принципа «свободы воли» марксистской идее детерминизма.

В работах некоторых западных философов развивается тема «исторической структуры» как главного предмета исследования. Конечно, как справедливо отметил И.С.Кон, «историки так или иначе изучают какие-то структуры, но структуры чего?.. Между тем

¹ Weingartner R.H. Some Philosophic Comments on Cultural History // «History and Theory». (Далее: «Н.Т.») Vol. VII. № 1. 1968. P. 38.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 355.

³ Вайнштейн О.Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX веках. Л., 1979. С. 5.

подмена социально-экономических структур психологическими довольно часто наблюдается в немарксистской историографии»¹.

Борьба между материализмом и идеализмом в объяснении истории особенно отчетливо проявилась в ответах на вопросы: история — это наука или искусство? Может ли быть достигнута исследователем объективная истина? В этой связи высказывалось немало мнений от откровенного агностицизма до объявления исторической науки беспредметной дисциплиной. Еще в начале XIX в. термин «историческое искусство» был в широком употреблении². Такое понимание перешло и ко многим теоретикам в XX в.

Французский историк-позитивист Ш.Сеньобос утверждал, что «история не наука: она только особый процесс познания»³. Немецкие философы Ф.Ницше и О.Шпенглер, а также известный швейцарский историк Я.Буркхардт рассматривали историю как «поэзию» и «произведение искусства». «Природу нужно трактовать научно, — заявлял Шпенглер, — история требует поэтического творчества»⁴. Как общее правило, современная западная методология исходит из тезиса: «Историю делает историк»⁵.

Как справедливо заметил отечественный социолог И.С.Кон, «иррационализм является характерной чертой буржуазного мировоззрения эпохи империализма... Иррационализм как тенденция внутреннее присущ всем школам и направлениям современного идеализма, как ни восставали они против него субъективно»⁶.

Руководитель кафедры истории христианства Парижского университета А.Марру полагал, что сущность исторического процесса недоступна для челове-

¹ Кон И.С. История в системе общественных наук // Философия и методология истории. М., 1977. С. 25—26.

² Кареев Н. Историка (Теория исторического знания). Пг., 1916. С. 12.

³ Сеньобос Ш. Исторический метод в применении к социальным наукам. М., 1902. С. 5.

⁴ Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 160.

⁵ Карр Э. Указ. соч. С. 31.

⁶ Кон И.С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959. С. 102.

ка, который может познать лишь поверхность явлений¹. По его словам, познание исторических явлений неотделимо от познающего субъекта, ограниченного своими мировоззрением, методологией, культурой, темпераментом, настроением². Французский историк П. Вейн заявлял, что история — это лишь «достоверный роман», и поэтому объявлять ее наукой — все равно, что путать глаголы «быть» и «знать», ибо «она не дает объяснений и не имеет метода»³.

Профессор Лондонского университета Г. Реньер называет всю историческую литературу «условной историей» в отличие от «окончательной истории», которая никогда не будет написана, поскольку историк судит о фактах прошлого только по тем «остаткам» или «следам», которые они оставили⁴. При таком подходе не только историю, но и философию, рассуждающую в отсутствии экспериментально подтвержденных точных знаний, также нельзя отнести к науке.

Под влиянием философии интуитивизма А. Бергсона некоторые западные историки стали противопоставлять рациональному отражению действительности интуитивное чувство исследователя, стоящее в одном ряду с магией, ясновидением, мистикой, телепатией и божественным откровением⁵. Философ В. Дильтей, в частности, был адвокатом метода интуитивного понимания истории⁶.

Английский историк Э. Карр не без основания отметил, что если позитивисты XIX в. верили в научную историю, с уважением относились к фактам, стремились к научной объективности при описании прошлого, то теперь иные исследователи не верят в возможность создания научной истории, допускают произвол в отборе и интерпретации исторических

¹ Marrou H. De la connaissance historique. Paris, 1954. P. 34.

² Ibid. P. 237.

³ Veyne P. Comment on écrit l'histoire. Paris, 1971. P. 9—10.

⁴ Renier G. History (Its Purpose and Method). London, 1950.

⁵ Jankelevitch V. Henry Bergson. Paris, 1959. P. 165.

⁶ Bulhof J.N. Structure and Change in Wilhelm Dilthey's Philosophy of History // «Н.Т.». Vol. XV. № 1. 1976. P. 21.

фактов. По словам Карра, некоторые современные исследователи либо мистифицируют историю, либо отрицают у нее всякий смысл¹. «Теперь, — писал он, — ...даже слово "причина" вышло из моды»².

Известный итальянский историк и философ Б.Кроче (1866—1952) абсолютизировал субъективный аспект исторического исследования как продукт ума³. Он также утверждал, что исторический факт сам по себе не имеет причины⁴. Иначе говоря, объяснения фактов суть фантазия историка. В категорической форме Кроче выразил это так: «Факт является историческим в той мере, в какой мы о нем думаем, а с другой стороны, ничего не существует вне мысли. Следовательно, абсурдно задаваться вопросом: какие факты исторические, а какие — неисторические»⁵.

Основную роль в крочеанской концепции играла так называемая «теория индивидуального суждения», т.е. суждения, субъектом которого является единичное понятие (интуиция), а предикатом — «чистое» понятие только об отдельных фактах. Любое установление связей между фактами, а следовательно, закономерностей, всякое суждение о группах и классах фактов им заранее исключалось, как лишенное познавательного значения. Всякое исследование, объявлял Кроче, это — «современная история»⁶, подразумевая под этим то, что история в сущности — это представление о прошлом в свете современных проблем.

Английский философ и историк Р.Дж.Коллингвуд (1880—1943) отрицал применимость диалектики к исследованию исторического процесса. В теоретическом труде «Идея истории» (1946) он утверждал, что история — это с одной стороны, события, а с другой — акт мысли исследователя. Отношения между обеими сторонами не диалектичны, т.е. не построены на борьбе противоположностей. Сам процесс исследования предполагает отбрасывание старых концепций и по-

¹ Carr E. What is History? London, 1962. P. 103.

² Ibid. P. 82.

³ Croce B. Theorie et histoire de l'historiographie. Geneve, 1968. P. 21.

⁴ Ibid. P. 46.

⁵ Ibid. P. 73.

⁶ Croce B. History as the Story of Liberty. London, 1941. P. 19.

становку новых. Таким образом, вопреки материалистическому пониманию истории как приближению к исторической истине путем накопления частных и приблизительных истин Коллингвуд, по оценке отечественного философа О.Л.Вайнштейна, «видит в историографии бесконечное толчение воды в ступе: наука не движется вперед, объективная истина ей никогда не будет доступна»¹.

Задачу прямой дискредитации всякой теории исторического знания взял на себя английский философ Карл Поппер. Ни один историк, по его утверждению, не может претендовать на объективную истину. В книге под броским названием «Нищета историцизма» (под историцизмом понимается теория истории, но Поппер отождествлял его с историческим материализмом) он восстал против всяких попыток предсказания будущего у человечества². Приписывая учению Маркса фатализм, т.е. невозможность изменить ход событий, Поппер сокрушался по поводу того, что это лишает людей свободы действий, обращая их в марионеток в руках судьбы. Отвергая представление о развитии общества как естественно-исторический процесс, Поппер делал упор на зависимость истории от иррациональных факторов³.

Английский философ отвергал всякую ценность историцизма⁴. Развивая свою концепцию в работе — «Открытое общество и его враги» — Поппер заявлял, что история сама по себе не имеет значения, ибо смысл ей придают только историки. Все эти высказывания вызвали основательную критику со стороны ряда видных западных ученых⁵. Книгу «Нищета историцизма» не без основания окрестили «антиреволю-

¹ Вайнштейн О.Л. Указ. соч. С. 127.

² Popper K. The Poverty of Historicism. New York, 1964. P. 2477.

³ Вайнштейн О.Л. Указ. соч. С. 130.

⁴ Popper K. Open Society and Its Enemies. London, 1966. P. 269, 278.

⁵ Cornforth M. The Open Philosophy and the Open Society (A Reply to Dr. Karl Popper's Refutations of Marxism). London, 1968. Karl Popper: Philosophy and Problems. Ed. by Anthony O'Hear. Cambridge, 1995. Wilkins B. Has History Any Meaning? (A Critique of Popper's Philosophy of History). New York, 1978.

ционным манифестом»¹. Воинствующий антиисторизм Поппера нельзя объяснить иначе, как тем, что империалистическую буржуазию не всегда устраивают объективно идущие исторические процессы.

Однако западная философская мысль ныне не отгораживается от материализма. Сама борьба идеализма и материализма была источником развития философии. Как заметил один наш современник, если поделить всех философов на материалистов и идеалистов и вычеркнуть последних, то исчезнет сама история философии. По словам профессора Сорбонны О.Блока, в сущности каждый тип философского мышления содержит понятия «материя» и «идея»².

Исключая античность, в борьбе материализма и идеализма всегда имелась политическая подоплека. В средние века идеализм, в особенности в теологическом облачении, был опорой церкви, феодалов и монаршего абсолютизма. В XVII—XVIII вв. материализм стал знаменем революционной буржуазии, борющейся за власть. Напротив, классическая немецкая идеалистическая философия была идеологическим прикрытием сохранявшегося в Германии абсолютизма монархов и политического консерватизма юнкерства и части буржуазии.

Человеческий интеллект — это не что иное, как «мыслящая материя»: он «материализуется» в идеях, которые стали неотъемлемой частью общей культуры человечества. Как ни парадоксальным это может показаться, но политическая подоплека борьбы идеализма и материализма ныне перевернута в обратную сторону. Буржуазии ближе вульгарный материализм — утилитаризм, прагматизм и рационализм, которые воспеты многими западными философами, а позиции марксистов больше базируются на приоритете морального принципа социальной справедливости, который некоторые считают утопическим, идеалистическим.

Изгнание причинности из истории неизбежно приводит к абсолютизации случайности, затрудняет систематизацию и обобщение. История рассматривается как нерегулируемый поток событий. Статус самой ис-

¹ Karl Popper: *Philosophy and Problems*. Ed. by Anthony O'Hear. Cambridge, 1995. P. 241.

² Bloch O: *Le matérialisme*. Paris, 1985. P. 104.

тории как науки понижается и переходит в разряд хроники. В итоге, замечает по этому поводу Э.Карр, в отличие от историков XIX в., веривших в разум и идеалы, современные историки стоят на позициях иррационализма и эмпиризма¹. Даже либеральный американский социолог и экономист Дж.Гэлбрейт заметил, что в трудах многих исследователей история выступает как бесконечная цепь восходящих и нисходящих «истин», ибо события постоянно снимают одни истины и заменяют их другими².

Большинство западных теоретиков считает, что история — это все-таки наука. Убедителен и прост аргумент Р.Коллингвуда: «История — это разновидность исследования или поиска... Наука — это поиск, и в этом смысле история — наука»³. Такого же мнения был и французский историк А.Берр. «История, — заявлял он, — является одной из форм нахождения истины, и поэтому она не относится к беллетристике»⁴. Исследование причинности (каузальности) сближает историю с другими науками, но, по мнению профессора Оксфордского университета П.Гардинера, «понятие причинности не является основной категорией исторического объяснения»⁵.

Со второй половины 60-х годов в западном общественном сознании, включая историю, произошел известный поворот в сторону объективизации научных знаний. Английский социолог Дж.Займен выдвинул тезис о том, что критерием научности или ненаучности теорий (при этом он имел в виду только историю) является «общее согласие» (universal agreement consensus)⁶.

Теоретические вопросы истории стали широко дебатироваться в американском журнале «История и теория» (History and Theory), издающемся с 1960 г. Книжки по этим вопросам, изданные в США, Англии,

¹ Carr E. Op. cit. P. 148.

² Galbraith J.K. The Affluent Society. Boston, 1958. P. 8.

³ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 12—13.

⁴ Bertr H. La synthèse en histoire (Essai critique et théorique). Paris, 1911. P. 23.

⁵ Gardiner P. The Nature of Historical Explanation. London, 1952. P. 33.

⁶ Ziman J. Public Knowledge (An Essay Concerning the Social Dimension of Science). Cambridge, 1968. P. 30.

Германии и Франции, насчитывают уже сотни наименований. Идущая дискуссия относительно содержания, границ и возможностей исторического знания не всегда продвигает нас вперед.

Входивший в состав редакционного совета журнала «История и теория» известный французский социолог Р.Арон утверждал, что смысл истории определяет философия. «История, — писал он, — в конечном счете имеет тот смысл, который ей приписывает философия, а не знание прошлого... она есть прогресс, если только бесконечное исследование природы способно поднять человека над царством животных. Смысл, который философия придает исторической аванюре, определяет структуру становления, но он не определяет будущего»¹.

Х.Бермехо-Баррера, профессор испанского университета Сантьяго де Компостела, заявлял: «Историческое понимание не может образовывать концепции ввиду того, что оно не может подчинить все различные действия, отраженные в документах, в гомогенную систему. Между объектом и представлениями о нем понимание создает схемы или картины, но эти картины по большей части не дают анализа — они скорее стимулируют воображение. Формирование концепций требует наличия гомогенного представления объекта или определенного класса объектов. Но в истории это невозможно, потому что используемые историком понятия никогда не имеют универсального признания»².

Теоретические тупики, в которые заводит идеалистическая философия, побуждают многих западных обществоведов вновь и вновь обращаться к марксизму. Как считает профессор Лондонского университета Дж.Хобсбоум, за пределами марксизма имеется мало плодотворных теорий, особенно в социологии³. Марксизм изучается в университетах на Западе как одно из

¹ Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен, 1960. С. 120.

² Bermejo-Barrera J.C. Explicating the Past: in Praise of History // «Н.Т.» Vol. 32. № 1. 1993. P. 15.

³ Философия и методология истории (Сборник статей). М., 1977. С. 28.

заметных направлений в социальной философии. В США в 70—80-х годах было издано собрание сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса. В последние два десятилетия вышло несколько интересных исследований по историческому материализму и другим аспектам учения К.Маркса¹.

Среди западных марксологов есть тенденция противопоставлять «молодого Маркса», у которого-де было больше гуманистических воззрений, — «зрелому Марксу», выискивая при этом некоторые противоречия в его учении. Многие критикуют «экономический (или исторический) детерминизм» у Маркса, чаще всего ссылаясь при этом на догматические толкования последователей К.Маркса. Но, как известно, Ф.Энгельс совершенно четко осудил в письмах 1890 г. преувеличение «экономического» объяснения истории².

Вместе с тем многие западные ученые признают ценность взглядов К.Маркса на исторический процесс. Историческому материализму журнал «История и теория» посвятил немало содержательных статей. Для пишущих в этом журнале университетских преподавателей примечательно стремление стереть грани между материализмом и идеализмом и синтезировать их в единой концепции «исторического понимания». Эту точку зрения, в частности, выразил Харриет Гиллиам из Университета Нортуэстерн: «...Термины «реализм» (по сути «материализм», — В.К.) и «идеализм», — пишет он, — потеряли полезность в современном теоретизировании... Очевидно, все знание по своей натуре диалектично»³.

¹ Cohen G.A. Karl Marx's Theory of History. A Defense. Princeton (N.J.), 1978. Cornforth M. The Open Philosophy and the Open Society (A Reply to Dr.Karl Popper's Refutations of Marxism). London, 1968. Rader M. Marx's Interpretation of History. Stanford (Cal.), 1978. Hirst P.Q. Marxism and Historical Writing. London, 1985. Postone M. Time, Labour and Social Domination: A Reinterpretation of Marx's Critical Theory. Cambridge, 1993.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 395, 396, 417.

³ Harriet Gilliam. The Dialectics of Realism and Idealism in Modern Historiographic Theory // «Н.Т.» Vol. XV. № 3, 1976. P. 256.

Марксизм значится в постоянной рубрике «критическая теория», которую ведет редакция американского журнала «История и теория». Британские социологи отмечают, что «марксизм является теперь важным измерением социального, научного и социологического мышления, поднимающим многие вопросы, не затронутые другими подходами»¹.

Многочисленные оппоненты марксизма, восстающие преимущественно против его революционных идей, не могут отрицать, что интерпретация истории К.Марксом внесла в науку ценные объяснения экономического базиса, политической и идеологической надстройки, активной роли субъективного фактора в истории, а именно роли масс, классов, общественных групп, партий, организаций и личностей. В ответ на огульное обвинение марксизма К.Поппером в том, что — это «система догм» английский философ М.Корнфорт указывает, что, напротив, — это «рациональная научная дисциплина»².

У прогрессивных западных историков нет пессимистического взгляда на ход исторического процесса. Они придерживаются методологии исторического материализма, признающей познаваемость мира. Профессор философии Колумбийского университета Э.Нагель выступает против отбрасывания концепции детерминизма в истории. «В моем понимании, — писал он, — детерминизм — регулятивный принцип, определяющий цель науки — искать объяснения условий, связанных с возникновением тех или иных событий»³. Материалистическое понимание истории не в догматическом толковании не сводится только к экономическому детерминизму. На развитие истории в большой мере влияют политический процесс, имеющий известную самостоятельность и свои закономерности, а также сфера культуры (идеологические течения, традиции, обычаи, религия и пр.)

¹ Большой толковый социологический словарь. Т. 1. М., 1999. С. 396.

² Cornforth M. The Open Philosophy and the Open Society. London, 1968. P. 5.

³ The Philosophy of History / Ed. by P.Gardiner. London, 1974. P. 215.

Английский исследователь Брайен Палмер считает, что исторический материализм не утратил своей способности как в интерпретации прошлого, так и современной жизни. «Для марксистов, — пишет он, — наступили не лучшие времена, когда оставаться марксистом, бесспорно, особенно важно... Сохранить исторический материализм, не попасть в поток субъективизма, подтвердить необходимость исторического и материалистического подхода в нашем анализе и деятельности марксистов — все это было бы немалым достижением в грядущие годы. Это могло бы хоть и в ограниченной степени содействовать возрождению мощной классовой политики сопротивления, единственно способной остановить деструктивные потоки в интеллектуальной и экономической жизни наших дней»¹.

Наряду с дискуссией о границах и возможностях исторического познания теория исторической науки накопила много рациональных предложений, обогащающих методологию исследований. Среди западных историков доминируют два основных направления: сторонники традиционной школы идеографизма, рассматривающие историю как описательную науку, и неопозитивисты, которые пытаются установить закономерности исторического познания чаще всего с помощью логики естественно-научного исследования².

В XIX в. преобладающей формой в историографии была «история-рассказ» («нарратив»), творцы которой не особенно задумывались над выяснением причин тех или иных событий³. В XX в. западная теоретическая мысль вращается преимущественно вокруг проблемы исторического объяснения, что связано с появлением различных исторических жанров и направлений («интеллектуальная история», «романси-

¹ Palmer B. Critical Theory, Historical Materialism and the Ostensible End of Marxism: The Poverty of Theory Revisited // The Postmodern History Reader. London and New York, 1998. P. 112.

² Печуро К.Э. Обзор журнала «History and Theory» // «Вопросы истории». 1964. № 3. С. 195.

³ Harriet Gilliam. The Dialectics of Realism and Idealism in Modern Historiographic Theory // «H.T.» Vol. XV. № 3. 1976. P. 251.

рованная история», «персонифицированная история», «виртуальная история» и т.д.).

Схематично, с большим приближением основные направления в историографии в XX в. прошли через три этапа:

1. С конца XIX в. до середины XX в. преобладала «гуманистическая история» с общим социально-экономическим уклоном.

2. С середины XX в. возникает «новая социальная история» как аналитическая междисциплинарная наука, обогащенная теоретическими моделями и исследовательской техникой всех общественных наук. В центре ее внимания оказался «человек в обществе»¹.

3. О третьем, новейшем этапе говорят как об определенном кризисе в исторической методологии, но преимущественно как о «кризисе роста»².

Большую известность на втором этапе получила французская «новая историческая наука» или школа «Анналов», названная так по названию журнала, объединяющего историков одного направления, — «Анналы (история, социальные науки)». Он выходит с 1946 г., продолжая издание «Анналы экономической и социальной истории», у истоков которого в 1929 г. стояли известные историки Люсьен Февр и Марк Блок. По сути они выдвинули в противовес позитивистам иную концепцию деятельности историка: он должен быть не просто коллекционером фактов, не рабом источников, а действующим самостоятельно творцом, ставящим научную проблему, которая доминирует в его исследовании, определяя отбор материалов и угол исследования, под которым собранные им данные анализируются.

Школа «Анналов» поставила в центр внимания изучение цивилизационной культуры — преимущественно на базе Средневековья, Возрождения и начала Нового времени. Она противопоставила политической и вообще «событийной» истории широкую палитру междисциплинарных исследований, проблемный (избирательный) подход к изучению исторических фак-

¹ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 9.

² Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // «Вопросы истории». 1991. № 2—3. С. 35.

тов, в особенности повышенный интерес к материальной культуре. Ее интересовали, например, такие вопросы, как: что люди ели, пили, как одевались и т.п.

Школа «Анналов» расширила методологию исторических исследований. По отзыву отечественного медиевиста А.Я.Гуревича, «если историк более глубоко вдумается в содержание понятия «культура» и будет пользоваться им в том смысле, в каком оно интерпретируется культурной антропологией — как способа восприятия и осмысления социального и духовного мира, символические системы, налагаемые сознанием на этот мир и всякий раз по-своему организующие его, определяемые ими формы поведения экономического, политического, религиозного, художественного, то подход его неизбежно изменится и он увидит внутренние связи между культурными и социальными аспектами человеческой практики. Культура и общество — две стороны одной медали, это мысль историка противопоставляет их друг другу, в реальности же они по своей сути образуют нерасторжимую тотальность»¹.

Однако отнюдь не все новшества «Анналов» можно считать плодотворными. Так, начав с провозглашения человека и его деятельности важнейшим предметом исторической науки (М.Блок) эта школа в дальнейшем в лице одного из виднейших своих представителей (Э.Ле Руа Ладюри) пришла к экстравагантной формуле «истории без людей»², которую можно сравнить с «театром абсурда» в современной французской драматургии.

Сами приверженцы школы «Анналов» отнюдь не считают, что им удалось решить все сложнейшие вопросы методологии истории. Эта школа, например, изымает из предмета исследования мотивы поведения людей. Она абстрагируется и от идеологии и политики. Критики «новой исторической школы» отмечали,

¹ Гуревич А.Я. Двойкая ответственность историка // Проблемы исторического познания (Материалы международной конференции. Москва, 19–21 мая 1996 г.) М., 1999. С. 21.

² Могильницкий Б.Г. Историческая наука и современность // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983. С. 96.

что «повествовательная» история была подменена ею описаниями культуры. Сделав рывок в области меди-евистики, виднейшие представители «Анналов» не пытались подойти к XX в., ибо в этот период абстрагироваться от идеологических течений просто невысказимо.

В более широком, международном плане кризис в исторической науке связывают с отступлением политической истории и с развитием экономической, социальной, рабочей и др. историй. По этой причине некоторые стали относить историю чуть ли не к самой теоретически отсталой дисциплине¹.

Как считает французский историк Ф.Фюре, ввиду «общего кризиса прогресса» и концепции «глобальной и линейной истории» в современной историографии наблюдается переход от «истории-рассказа» к «истории-проблеме». Это выражается в том, что профессиональный исследователь не старается пересказать все, что было даже самого важного в прошлом, а предпочитает отбирать отдельные вопросы и объяснять их².

И все-таки отмеченный кризис историзма — скорее всего «кризис роста». Это поиск новых методологий и междисциплинарного подхода. Именно так можно определить задачу изданного в 1974 г. во Франции трехтомного сборника статей под общим названием «Делать историю»³. Вышедшая под руководством Жака ле Гоффа и Пьера Нора эта программная публикация французских историков претендует быть пионером в создании еще одной исторической школы. Подзаголовки каждого из трех томов гласят: «Новые проблемы», «Новые подходы», «Новые объекты».

Если не считать «открытием» необходимость изучать историю «неисторических народов», демографию, религию, искусство, историю науки или «историю климата», то, пожалуй, единственно рациональ-

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время (в поисках утраченного). М., 1997. С. 103.

² Furet F. L'atelier de l'histoire. Paris, 1982. P. 76—77.

³ Faire de l'histoire. t. I. Nouveaux problèmes. t. II. Nouvelles approches. t. III. Nouveaux objets. Sous la direction de J. Le Goff et P. Nora. Paris, 1974.

ным предложением является возросшее внимание к «социальной истории», противопоставляемой «политической истории», и к «концептуальной истории». В отличие от школы «Анналов», отдававшей предпочтение изучению материальной культуры, проблематика школы «новой истории» более разнообразна.

Современная западная философская мысль все больше утрачивает признаки обособленных друг от друга школ. Сама философия перестает быть делом одних профессионалов. Наблюдается поворот в сторону «научной» и «практической» философии, ориентированной на решение глобальных проблем, на развитие науковедения, социологии, политологии, культурологии.

Под влиянием доминирующей на Западе идеологии либерализма и ее философских обрамлений — экзистенциализма, персонализма и антропологических концепций — фокус исследований историков Запада переместился с больших коллективов на индивида, с «окружающих человека обстоятельств — на человека в исторически конкретных обстоятельствах». На смену проблемам экономики и политики пришли проблемы культуры, эмоциональной и духовной жизни¹.

Отечественная историография с не меньшим основанием может именоваться школой, чем некоторые зарубежные. И это была не только «школа Покровского» с односторонним социологическим уклоном преимущественного показа истории фабрик и заводов, не только школа партийности в науке, которая нередко совпадала с понятием защиты национальных интересов, с патриотизмом. Это — школа, теоретической базой которой является исторический материализм.

Отечественные философы и историки, стоящие на позициях исторического материализма, никогда не ставили под сомнение познаваемость общественного развития. «Философия истории» всегда рассматривалась ими в контексте общего состояния западной философской мысли. Как отметил доктор философских наук Г.Курсанов, «для современной буржуазной философии в целом характерно глубокое, внутреннее

¹ Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 21.

противоречие между постановкой широкого круга философских проблем... и отсутствием адекватных решений... проблем бытия и познания проблем науки и истины, человека и общества и т.п.»¹.

В России на волне «реформ» последнего десятилетия некоторые обществоведы отшатнулись от исторического материализма. А.Я.Гуревич, к примеру, объявил марксову теорию общественно-экономических формаций «заоблачными далями»².

Ему вторит профессор Н.И.Смоленский. Подыгрывая либералам, он заявляет: «Ситуация в отечественной историографии, характеризующаяся монопольным положением материалистической теории, ушла в прошлое» (Смоленский Н.И. Проблемы теоретического плюрализма // Проблемы исторического познания. М., 1999. С. 39).

При всех ламентациях отечественных либеральных интеллектуалов по поводу «застоя» в общественных науках в советский период достаточно сказать, что именно советские социологи и философы подвергли обстоятельной критике методологические основы буржуазного историзма. «Борьба за достоверность исторического знания, — отмечали академики П.Н.Федосеев и Ю.П.Францев, — за его объективность, за реализацию огромных возможностей человеческого разума в познании исторического пути развития человечества — важная сфера идеологической борьбы... Этим объясняется постоянное внимание буржуазных философов к вопросам методологии истории. Неокантианцы и другие субъективные идеалисты заявляют, что общественная наука должна лишь описывать отдельные факты, что история не может обобщать, вскрывать определенные закономерности»³.

В отношении «философии истории» труды О.Л.Вайнштейна, В.В.Иванова, И.С.Кона, Б.Г.Могильницкого и Л.В.Скворцова были выше уровня

¹ Курсанов Г. Современный структурализм. Рационализм и диалектика в концепции Ноэля Мудула // Мудул Н. Современный структурализм. М., 1973. С. 5.

² Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // «Вопросы философии». 1990. № 11. С. 42.

³ АН СССР. История и социология. М., 1964. С. 20 — 21.

многих зарубежных аналогов. Если частные методики и определение исторического факта в теории исторической науки можно считать вполне обоснованными, то, с другой стороны, как отмечал доктор философии Л.В.Скворцов, «многочисленные общие концепции, претендующие на окончательное упорядочение исторической эмпирии, обнаружили свою ограниченность в качестве теории истории»¹.

Противоречивые интерпретации прошлого дают повод некоторым западным ученым отрицать возможность его объективно-истинного познания. Советские философы и историки не разделяли агностицизм западных коллег. Как справедливо писал доктор исторических наук Б.Г.Могильницкий, каждая социальная группа имеет свое видение прошлого, свою интерпретацию, поэтому «суть вопроса и заключается в том, глазами какого настоящего смотрит на прошлое историк. Современность способствует подлинному познанию прошлого только в том случае, если в исторических представлениях отражаются интересы передовых социальных сил. Класс, уверенно чувствующий себя в настоящем, с надеждой вглядывающийся в будущее, с доверием относится и к прошлому»².

Поскольку интеллигенция всегда и везде идеологически обслуживала то буржуазию, то рабочий класс, нет ничего удивительного в том, что с началом горбачевской «перестройки» и последовавшими «реформами» часть историков занялась выискиванием «черных пятен» в советской истории. В одной из публикаций Института всеобщей истории труды отечественных историков советского периода были отнесены к «политико-идеологическому мифотворчеству»³. Правда, это писалось в 1993 г., после которого у некоторой части либеральной интеллигенции стало наблюдаться прозрение.

¹ Скворцов Л.В. История и анти-история (К критике методологии буржуазной философии истории). М., 1976. С. 7.

² Могильницкий Б.Г. Историческая наука и современность // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983. С. 94.

³ Споры о главном (Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов»). М., 1993. С. 3.

Обескураженная результатами реформ по капитализации России, часть публикующихся обществоведов стала возвращаться в последние годы к тому духовному потенциалу, который дал нашей стране заслуженное мировое признание. В большом коллективном труде Института социологии РАН «Социология в России» (1998) указывается, что «нет убедительных оснований отказывать историческому материализму, — теории, обладающей исключительно мощным эвристическим потенциалом, — в праве занимать место в числе ведущих социологических доктрин XIX—XX столетий»¹.

Дискуссии по «философии истории» бесполезны для любого исследователя в отношении методологии и общего мировоззрения. Конечно, в этих дискуссиях есть и схоластические элементы, но главное состоит в умении распознать расстановку акцентов. Нельзя, например, не согласиться с английским историком Э.Г.Дэнсом в том, что «история — это не прошлое, а рассказ о прошлом»². Да, без историка как конкретной личности-творца нет и самой истории. Но если в этом суждении акцент переносится на непознаваемость исторической истины, то он перечеркивает историю как науку.

Если западные философы и социологи не смогли опровергнуть главный постулат исторического материализма об экономическом детерминизме, то теории психоанализа З.Фрейда и Э.Фромма в какой-то мере обогатили элементы методологии истории. В последнее время в отечественной общественной мысли появилось представление о необходимости изучения феномена «социально-психологических классов» при объяснении политического процесса.

Доктор юридических наук Б.П.Курашвили не без основания отметил, что в реальной политике необходимо учитывать не только расстановку известных общественных классов и социальных слоев, но и особенности психологического склада людей (особенно лидеров), у которых преобладают те или иные устойчивые черты характера. Ссылаясь на ряд научных авторите-

¹ Социология в России. 2-е изд. М., 1998. С. 23.

² Dance E.H. History the Betrayer (A Study in Bias). Greenwood Press, 1975. P. 9.

тов, Курашвили писал: «В своем подавляющем большинстве общество состоит из людей того социально-психологического типа, которых можно было бы, по Чернышевскому, назвать разумными эгоистами. Или умеренными альтруистами... Они готовы служить другим и обществу, сознают свою зависимость от общества и других, при необходимости добровольно идут на самоограничение, способны и на самоотверженность, но при всем этом рассчитывают на социальное равенство, на... возможность самореализации»¹.

С другой стороны, «для разнообразия», как замечает Курашвили, природа предусмотрела два немногочисленных полярно противоположных исключения из самого «массового» класса. Позитивным исключением являются «люди подвижнического типа» — «соль Земли», безусловные альтруисты или «пассионарии», по выражению Л.Н.Гумилева. Для них идеалом человека является прирожденный боец, революционер, посвятивший свою жизнь служению высоким идеалам и целям, обладающий такими качествами как принципиальность, непреклонность и готовность к самопожертвованию.

Негативное исключение, по словам Курашвили, образуют «эгоцентристы, негодяи, люди-хищники, не люди. Этих общество интересуется лишь в качестве средства удовлетворения их неумных, нередко вздорных склонностей. Они не способны к самоограничению, их может остановить и обуздать только внешняя сила»². Именно к такой категории относятся «деструктивные лидеры».

Ныне мало кто оспаривает мнение о том, что история — описательная наука, и в этом ее особенность. Имея дело только с единичными, уникальными событиями и фактами, история, если так можно сказать, «несистематическая» или «несистемообразующая» дисциплина. Тем не менее потребность изучения методологии истории отнюдь не отпала. И еще один вывод: история — «синтетическая» наука, использующая достижения и методы других общественных наук.

¹ Курашвили Б.П. Новый социализм (К возрождению после катастрофы). М., 1997. С. 51.

² Там же. С. 52, 258.

2. Законы истории или социологические закономерности?

В любом историческом исследовании, даже в таком, где фактология преобладает над обобщениями, присутствует некий объединяющий стержень. Идеи, концепции, теории социологического, политологического или философского характера явно обнаруживаются или подспудно присутствуют в работе историка. Ни один серьезный труд не обходится без ценностных категорий, почерпнутых из идеологических течений.

Связь истории и социологии не вызывает сомнений. Многие видные русские историки — Н.И.Костомаров, Р.Ю.Виппер, Н.И.Кареев, М.Н.Покровский, В.П.Волгин и другие — были социологами. Н.И.Кареев сравнивал здание исторической науки с трехэтажным сооружением, последний этаж которого дает выход на социологию и философию¹.

Социология внесла особенно большой вклад в теоретическое осмысление исторического процесса. «История, — отмечал Г.В.Плеханов, — становится наукой лишь постольку, поскольку ей удастся объяснить изображаемые ею процессы с точки зрения социологии»².

В одном из отечественных учебных пособий приводится достаточно четкое разграничение предмета истории и социологии: «...История воспроизводит (описывает и объясняет) социальный процесс *post factum*, а социология — *in factum*»³. Однако эти две смежные общественные дисциплины различаются не только неодинаковым временным подходом, но и своим методом. По определению Б.Г.Могильницкого, «в центре внимания социолога вся картина исторического процесса, взятая в ее существенном содержании, главная его задача — постижение истории человеческого общества в неразрывном единстве всех временных состояний — прошлого, настоящего и будущего. Историка же интересуют конкретные события и процессы, взя-

¹ Кареев Н. Идея всеобщей истории. СПб., 1885. С. 6.

² Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 3. М., 1957. С. 515.

³ Социология. М., 1990. С. 45.

тые в определенных пространственно-временных координатах»¹.

Советские обществоведы, как впрочем и многие историки и социологи на Западе, долгие годы упорно искали «законы истории». Определенный импульс этому придали некоторые высказывания марксистских теоретиков. Ф.Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» утверждал, что «ход истории подчиняется внутренним законам»². У В.И.Ленина есть аналогичное высказывание о том, что историческое развитие подчиняется определенным законам. «Маркс, — писал он, — рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерения людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения... каждый исторический период имеет свои собственные законы»³.

Задачи каждой науки — выяснять законы. Однако в отличие от законов природы закономерности общественного развития не считались основоположниками марксизма жесткими, неизменными. Отмечая, что К.Маркс «объявляет исторические общественные законы лишь простыми тенденциями», К.Каутский разъяснял это положение тем, что «общественные условия являются более сложными, вследствие чего в сфере общественных явлений отдельные законы еще в большей степени, чем в природе, проявляются лишь как тенденции»⁴.

Исторический материализм назвал один из важнейших элементов закономерностей в историческом процессе — производственные отношения и связанную с ними классовую борьбу. Этот вывод явился гигантским шагом в развитии общественных наук. К сожалению, догматическое толкование марксизма советскими обществоведами завело в тупик решение вопроса о «законах истории». Начало этому было положено И.В.Сталиным, который применил диалектический

¹ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989. С. 29.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 306.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 166—167.

⁴ Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т. II. М.-Л., 1931. С. 675.

материализм к истории упрощенно, а именно некоторые исторические явления трактовал как законы или закономерности, допустил ряд неверных оценок — прогнозов исторических процессов — о всеобщем кризисе капитализма в середине 20-х годов, об англо-американском противоречии как главном в международных отношениях в межвоенный период, об англо-французских поджигателях войны в 1939 г. (когда гитлеровская агрессия уже стала фактом).

В работе «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталин отмечал, что «одна из особенностей политэкономии состоит в том, что ее законы, в отличие от законов естествознания, недолговечны, что они, по крайней мере большинство из них, действуют в течение определенного исторического периода, после чего они уступают место новым законам»¹.

Законы, действующие в обществе, таким образом, не вечны. Это продуктивная мысль. Однако в той же работе Сталин наряду с понятием «экономические законы» неоднократно употребляет выражение «законы науки», что дало повод советским обществоведам считать, что и в истории также есть законы, которые действуют объективно, независимо от сознания людей.

Советские философы, социологи и историки усиленно искали «законы истории». Далекое не единственным в своем роде было утверждение, сделанное в 1973 г. видным историком М.А.Баргом (специалистом по Английской буржуазной революции XVII в., автором таких крупных работ, как «Эпохи и идеи: становление историзма» и «Категории и методы исторической науки») о том, что «вершиной синтеза в историческом исследовании является формулирование общественно-исторической закономерности...» и что «отвлечение от категории всемирно-исторического при изучении какой-либо локально-исторической эпохи грозит полным бессилием в определении политико-экономической сути обнаруженных общественных связей»². А в одном из изданий «Высшей школы» говорилось: «Основная цель истории, конечно, состоит в

¹ «Правда», 3. X. 1952.

² Барг М.А. Понятие всемирно-исторического как познавательный принцип исторической науки. М., 1973. С. 6, 15—16.

том, чтобы раскрыть закономерности исторического процесса»¹.

Преобладающим был взгляд на историю как линейный процесс, ведущий только к высшей форме социальной организации — социализму и коммунизму. Не только историческая, но и вся наша общественно-политическая литература была перенасыщена выражениями вроде «поступательный ритм всемирной истории», «неумолимый поток событий», «развитие всемирно-исторических эпох органически связано с прогрессивными общественными формациями, имеющими одну направленность — только вперед»². Существование спора между марксистами и немарксистами в сущности сводилось к следующему: «история предсказуема» — заявляли одни, «история не предсказуема» — утверждали другие. Примечательно, однако, что наши обществоведы признавали существование «законов истории» как аксиоме, но конкретно их не формулировали.

Историческое знание, как и любое иное научное знание, предполагает выявление причинно-следственных связей. При этом возникает соблазн установления законов.

Однако закон, как справедливо отметил известный социолог П.А.Сорокин, — это фиксация человеком часто повторяющейся связи между фактами. Он помогает, как и гипотеза, человеку ориентироваться в мире бесчисленных фактов. В историю же человечества входят только неповторяющиеся, в своем роде единичные, факты. Если каждый закон в подлинном смысле этого слова предполагает повторение, то история не знает повторений, поэтому говорить о законе истории — значит не понимать закона³.

В случае достаточной определенности исторический закон должен бы был служить безупречным прогностическим инструментом. Однако объект истории, как известно, находится не в будущем, а в прошлом. Историк занимается реконструкцией прошлого, но

¹ Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В. Методические проблемы исторического познания. М., 1981. С. 58.

² Салов В.И. Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977. С. 16, 25, 26.

³ Сорокин П.А. Историческая необходимость // «Социологические исследования». № 6. 1989. С. 136.

при этом методы этой реконструкции значительно различаются между собой, не говоря уже о том, что субъективность исследователя никто никогда не оспаривал.

Высказывания видных социологов и историков ставят под сомнение существование «законов истории». Немецкий философ Г.Риккерт и видные русские историки Н.Кареев, Р.Виппер и Е.Тарле относились скептически к «законам истории», не считая их предметом самой исторической науки. «Задача истории, — писал Н.Кареев, — не в том, чтобы открывать какие-либо законы (на то есть социология), а в том, чтобы изучать конкретное прошлое без какого бы то ни было поползновения предсказывать будущее, как бы изучение прошлого ни помогало в иных случаях предвидению того, что может случиться или наступить. Если данными и выводами истории воспользуются социолог, политик, публицист, тем лучше, но основной мотив интереса к прошлому в истории, понимаемый исключительно в качестве чистой науки, имеет совершенно самостоятельный характер: его источник в том, что мы называем любознательностью на разных ее ступенях — от простого любопытства до настоящей и очень глубокой жажды знаний»¹.

Р.Ю.Виппер в свою очередь заявлял: «...Термин «закон» появился в исторической науке в качестве заимствования. Взятое из сферы юридической со смыслом принудительного правила, веления высшей силы, примененное затем в математике и механике в качестве обозначения аксиомы, это слово переходит к биологам и социологам. В пестрой массе переплетающихся конкретностей органической и общественной жизни, конечно, нет места для безошибочного принудительного действия простых правил, потому что ограничительные условия чрезвычайно велики и разнообразны»².

Поиск закономерностей исторического процесса хотя и меньше волнует ныне отечественных историков и социологов, но остается тем не менее среди фундаментальных проблем академической науки. Итак,

¹ Кареев Н. Теория исторического знания. СПб., 1913. С. 72.

² Виппер Р. Очерки теории исторического познания. М., 1911. С. 14.

имеет ли история направленность или какой-либо смысл?

По глубокому наблюдению известного востоковеда Н.И.Конрада, «в зависимости от ответа возникают две концепции философии истории: смысла никакого нет, есть только бесконечное повторение одного и того же; смысл есть, и история есть непрерывное поступательное движение. Наиболее яркое выражение первой концепции — теория круговорота, второй — теория прогресса. И та, и другая теория всегда подвергались критике»¹.

Идею прогресса в истории развивали Эпикур, Лукреций, Ж.Боден, Р.Декарт, И.Кант, А.Тюрго, М.Кондорсе, И.Гердер, А.Сен-Симон, Гегель, П.-Ж.Прудон, Р.Оуэн, Г.Спенсер, П.Л.Лавров и др. В XVIII и XIX вв. прогрессивная направленность социальных изменений была общепризнанной, а сама идея прогресса обуславливалась верой в могущество человеческого разума и рациональность поведения людей вообще.

По представлению И.Канта, история, «если бы она рассматривала игру свободной человеческой воли в целом, она могла бы открыть ее закономерный ход; и то, что у отдельных субъектов выглядит запутанным и лишенным всяких правил, по отношению ко всему роду все же можно было бы познать как некое неизменно поступательное, хотя и медленное, развитие его первоначальных задатков»².

Гегель считал, что история имеет смысл, проявляющийся в развитии идеи свободы³. Гердер усматривал движущее начало исторического прогресса в культуре и предлагал сделать ее главным предметом исторической науки. В понятие культуры он включал язык, все виды духовной и хозяйственной деятельности людей и их общественные отношения.

Сен-Симон полагал, что общественное развитие строго закономерно, а люди — лишь орудие этого неизбежного процесса. Группа последователей Сен-Симона (Анфантен, Базар, Родриг, Алеви, Дювернье,

¹ Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972. С. 455.

² Кант И. Сочинения (на немецком и русском языках). Т. 1. М., 1994. С. 81.

³ Matson W.G. A New History of Philosophy (Modern). Vol. II. London, 1987. P. 407.

Серкле и др.) вскоре после его смерти систематизировала его учение в стройное представление об историческом процессе. Во всяком обществе, по их мнению, существуют две основные формы человеческих взаимоотношений: антагонизм и ассоциация. «Исторический закон» в своем наиболее общем виде должен определить движение этих форм в историческом процессе. Этот закон таков: исторический процесс есть процесс убывания антагонизма и роста ассоциации. Первоначальная задача возникающих обществ — война; их конечная цель — слияние в мировую ассоциацию. На своем пути общество проходит ряд продолжительных этапов, на которых ассоциация приобретает все более и более широкое значение: от первичной, элементарной ассоциации — семьи — через касту, город, нацию — к человечеству, ко всемирной ассоциации трудящихся»¹.

Представления об историческом прогрессе многими связывается с марксистским учением. В основе «экономического (или исторического) детерминизма», связываемого с прогрессом, лежали две концепции: вера в человеческий разум, идущая от эпохи Просвещения, и убеждение в примате экономики, вытекающее из марксистского учения. Как мотивы и даже факторы исторического процесса они не могут исключаться. Можно подвергнуть сомнению только их абсолютный приоритет и единственность.

В связи с ростом числа сторонников и толкователей исторического материализма Ф.Энгельсу пришлось сделать немало разъяснений существа взглядов К.Маркса на историю. Так, в письме к Й.Блоху (сентябрь 1890 г.) он отмечал: «Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до анализа какого-либо исторического периода, то есть до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки»².

¹ Изложение учения Сен-Симона. М., 1961. С. 27.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 396.

В том же письме Энгельс отмечал: «...История делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей, ... имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие»¹.

В письме к К.Шмидту, датированном 27 октября 1890 г., Энгельс глубоко проанализировал взаимодействие с экономикой всех форм надстройки — государственных, юридических и идеологических. Он, в частности, указал, что «обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть тройкого рода. Она может действовать в том же направлении — тогда развитие идет быстрее; она может действовать против экономического развития — тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать его в других направлениях. Этот случай сводится в конце концов к одному из предыдущих. Однако ясно, что во втором и третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может вызвать растрату сил и материала в массовом количестве»².

При всей значимости государственной власти Ф.Энгельс отдавал должное и другим формам надстройки — праву, религии, философии и т.п. Примечательно, что не основоположники научного социализма, а их последователи и толкователи создали догматические представления о «законах истории». Известно, например, высказывание Энгельса о том, что «история часто идет скачками и зигзагами...»³ Он же критиковал материалистов XVIII в. за то, что их взгляд на историю определялся только мотивами действий людей⁴.

В.И.Ленин считал абсурдным утверждение, что «исторический вопрос можно было решать при помо-

¹ Там же. С. 395.

² Там же. С. 417.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 497.

⁴ Указ. соч. Т. 21. С. 307.

щи абстрактных конструкций»¹. Констатируя в истории человечества наличие периодов застоя или даже сдвигов назад, он заметил, что «представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недialeктично, ненаучно, теоретически неверно»². Две мировые войны, бесчисленные локальные конфликты, гражданские катаклизмы — лишь некоторые противоречивые явления в историческом процессе, показывающие, что он не только поступательный, прогрессивный, но временами и регрессивный. Обратимость исторического процесса сопряжена и с такими наблюдаемыми явлениями, как революция и контрреволюция, реформы и реакция.

Догматики от марксизма создали искусственную теорию о «законах истории», совершив подмену понятия «социологическая закономерность» понятием «закон истории».

Социологические закономерности предполагают выявление, установление связей и отношений между социальными явлениями и процессами. Они могут касаться только того общего, что наблюдается в развитии общества, но история показывает вместе с тем и нечто уникальное, единичное и неповторимое, что не может обобщаться законами. Социологические закономерности представляют научные гипотезы, которые более или менее правильно отражают действительность на определенном этапе, но могут перестать действовать на другом.

Социологические закономерности, но не «законы истории» объясняют некоторые существенные черты исторического процесса. Научная заслуга марксизма состоит, в частности, в показе значения классовой борьбы, а не в ее открытии. Когда же она была возведена догматиками в разряд «законов истории», содержание исторического процесса обеднялось, сужалось. Критикуя эту точку зрения, известный немецкий философ Г.Риккерт заметил: «...Для марксизма необозримая масса иного рода человеческих поступков и стремлений всех веков должна быть лишена всякого смысла»³.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 82.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 6.

³ Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908. С. 106.

Прогноз К.Маркса об абсолютном и относительном обнищании рабочего класса в промышленно развитых странах не оправдался, однако сама классовая борьба не исчезла: она приняла разнообразные формы (кроме экономической — политическую и теоретическую) и переместилась во многие регионы мира. В развитых капиталистических странах классовая борьба к концу XX в. несколько притупилась в связи с большой дифференциацией в положении рабочего класса, повышением его жизненного уровня и демократизацией политической жизни. Социальные конфликты переместились больше на периферию империализма, в «третий мир» и в страны с переходной экономикой, где они нередко приняли форму национально-этнических столкновений.

В западной политологии, социологии и истории есть иные объяснения исторического процесса кроме как классовой борьбой. В античную эпоху, в Римской империи эксплуатируемым классом были рабы, а эксплуататорами — рабовладельцы-патриции. Однако борьба за власть велась в то время между патрициями и плебеями, тогда как между этими классами не было отношений эксплуатации¹. При феодализме основными антагонистическими классами были дворяне и крепостные. Хотя крестьянские войны имели место, но главные классовые бои за власть велись между дворянством и буржуазией.

Французские профессора П.Докес и Б.Розье считают, что в историческом процессе значительную роль играют три фактора: идеи, экономика и социальные конфликты². Они добавляют при этом, что развитие истории не является «линейно прямым»³. Бывший генеральный секретарь Высшего совета по радиовещанию и телевидению Франции Ж.Монтасье отмечает, что в французской истории на ее широком протяжении конфликты в обществе происходили из-за четы-

¹ Stoyanovitch K. *Marxisme et droit*. Paris, 1964. P. 312.

² Dockes P. et Rosier B. *L'histoire ambiguë (croissance et développement en question)*. Paris, 1988. P. 53.

³ *Ibid.* P. 56.

рых причин: из-за отношения к правде, к свободе, к власти и к собственности¹.

Гражданскими конфликтами во Франции были религиозные войны второй половины XVI в. между католиками и протестантами. Они вызвали раскол как среди аристократии, так и буржуазии и простого народа. При этом не экономические интересы, а соображения духовного плана — реформы церкви, концепции власти, гражданских свобод — руководили противоборствующими сторонами². Фронда против абсолютистской власти 1648—1653 гг., по словам Ж.Монтасье, также свидетельствовала о преобладании нравственных мотивов. В «деле Дрейфуса» на рубеже XIX—XX вв., затронувшем права человека, буржуазия была расколота на «дрейфусаров» и «антидрейфусаров». Правда, до гражданской войны тогда дело не дошло. Наконец, после падения Третьей республики во Франции в 1940 г. патриотическая часть левых и правых вошла в ряды Сопротивления, а другие сотрудничали с оккупантами. В наше время, заявляет Ж.Монтасье, во Франции «расколы всегда без исключения происходят внутри различных социальных классов, и причинами их является не только экономика»³.

Концепция социального конфликта, которую развивают многие западные социологи, объявляет главным общественным противоречием отношение господства и подчинения вне связи с классовым подходом.

Предсказание истории равносильно научному управлению обществом. На уровне правительственных экспертов такие прогнозы делаются. Но они не входят в ремесло историка. Есть и большие объективные трудности. Даже в социалистических странах с высоким уровнем государственного контроля над экономикой и обществом оказались непредвиденными некоторые важные общественные процессы. «Пытаться управлять общим ходом современных обществ на уровне полного и рационального знания, — заявляет французский политолог Л.Жоффрен, — значит впасть в

¹ Montassier G. Les nouveaux conquérants (de la France réconciliée). Paris, 1989. P. 11.

² Ibid. P. 117.

³ Ibid. P. 119.

иллюзию»¹. Даже при наличии современной техники воздействия на экономику, общественно-политическую жизнь и общественное мнение трудно предусмотреть последствия миллионов «микрорешений» членов гражданского общества.

К.Маркс не исключал альтернативность выбора в историческом процессе. При этом к «случайностям» он относил и характер людей². Действительно, история не может быть в точности предопределена хотя бы потому, что человеку свойственно ошибаться. Жизнь полна примеров, когда временное недомогание или иррациональное поведение человека, занимающего руководящую должность, имело непредсказуемые последствия.

Движущие силы истории — не только экономика, а в ее основе технический прогресс, но и масса других факторов духовной, культурной и политической жизни общества. При этом человек — далеко не «винтик» и не «капилляр», подчиняющийся действию одного-единственного императива.

Итак, универсальных «законов истории» нет. Даже когда объявляется законом решающая роль народных масс, то тут же добавляется, что роль личностей тоже нельзя сбрасывать со счета. Альтернативность общественного развития всегда ставит перед субъектом возможность выбора варианта поведения. Именно поэтому экономические законы, — а это более или менее устойчивая социологическая закономерность, — не обязательно диктуют человеку, как ему нужно поступать в том или ином случае.

Видный французский социолог Р.Арон считал, что никакая философия не может претендовать на «последнее слово» в объяснении исторического процесса. По его словам, историческое знание «не в состоянии дать единственную версию, обязательную для всех, объясняющую общества, эпохи и культуры, ушедшие в небытие»³.

Арон не признавал законов истории. Соглашаясь с распространенным представлением о том, что историю

¹ Joffrin L. La gauche retrouvée. Paris, 1994. P. 103.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 175.

³ Aron R. Dimensions de la conscience historique. Paris, 1961. P. 14.

делают люди, он вместе с тем утверждал: «История слагается из индивидуальных действий, но всеобщая («глобальная») история не является обязательно результатом намерений ее действующих лиц («актеров»), я бы даже сказал больше: намерения актеров, за исключением немногих случаев, никогда не являются научным объяснением социальных фактов»¹.

В сложной системе общественных отношений нет линейной, однозначной зависимости одних событий от других. Всегда действует множество причин и факторов. Законы общественной жизни проявляются не в фатальной неизбежности результатов, а в виде господствующей тенденции, пробивающей себе дорогу через толщу случайностей. На историю нельзя смотреть как на последовательное развитие жестких законов.

Среди отечественных историков в последние десятилетия не было одномерного понимания истории как только поступательного процесса. Точки зрения отрицания «законов истории» придерживался уже в 1981 г. Ю.В.Петров, автор книги «Практика и историческая наука»². Колеблущуюся позицию занимал исследователь методологии истории Б.Г.Могильницкий. Признавая, с одной стороны, в общей форме «законы истории», он в то же время писал: «Незапрограммированность исторического процесса, присутствие в нем случайности, а главное — многообразная деятельность человека обуславливают его многовариантность»³;

Раньше советских обществоведов принципиальную и аргументированную позицию занял болгарский философ Н.Ирибаджаков. «История как наука, — подчеркивал он, — не является ни социологией, ни философией истории. Она не имеет целью дать нам ни теорию человеческого общества и его истории, ни общественно-исторического познания.

История не открывает и не формулирует никаких специфических законов. Поэтому не случайно, что

¹ Agon R. Leçons sur l'histoire. Paris, 1989. P. 273.

² Петров Ю.В. Практика и историческая наука. Томск, 1981. С. 374.

³ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989. С. 52.

как буржуазные авторы, так и авторы, стоящие на позициях марксизма, подчеркивают тот факт, что до сих пор история не открыла никаких законов, а авторы, утверждающие обратное, не могут указать ни одного действительно специфического исторического закона, который не являлся бы предметом какой-то другой общественной науки ... Закон классовой борьбы был найден историками, но это — социологический закон. Если бы действительно существовали специфические исторические законы, мы с удовольствием включили бы их в предмет истории. Но до сих пор нам не известно, чтобы кто-либо открыл хотя бы один такой закон. А поскольку историки открывают или могли бы открывать какие-то законы, эти законы оказываются или социологическими, или экономическими, или социально-психологическими и другими, и в таком случае историк выходит из сферы своей науки и работает на другие науки»¹.

История — объясняющая, а не теоретизирующая наука. В системе общественных наук она занимает не последнее место, ибо историческое сознание является незаменимой составной частью национальной культуры.

История не повторяется, и все же человечество всегда изучало свое прошлое, искало в нем примеры, выводы, советы для настоящего и будущего. Если история и не устанавливает закономерности, то она тем не менее предлагает определенную систему оценки, классификации и обобщения фактов, без которой человечество не имело бы «ключа» к истолкованию громадного количества накопленных фактов.

В каждый данный момент история — это представление о прошлом, соответствующее достигнутому уровню знаний. Поскольку общество постоянно находится в движении, в развитии, то соответственно изменяются, не могут стоять на месте и способы его познания. Объективизации исторического исследовательского труда способствуют два фактора — внутреннее стремление историка к постижению истины и известная общественная потребность в знании подлинных фактов и обоснованных суждений о них.

¹ Ирибаджаков Н. Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972. С. 202—203.

3. «Конец истории» не будет (К концепции «цивилизации XXI века»)

XX в. отмечен двумя научно-техническими революциями, двумя мировыми войнами, рождением социалистической цивилизации и ее поражением в ряде стран, установлением к концу столетия гегемонии американского империализма в международных отношениях. Президент США Б.Клинтон на торжествах по случаю 75-летия журнала «Тайм» в 1998 г. заявил: «Мы сделаем XXI век Новым Американским веком»¹.

Стратегия Вашингтона не вызывает сомнений. Филадельфийский Институт внешнеполитических исследований предельно ясно сформулировал цели. Соединенные Штаты должны: 1) оставаться мировым лидером; 2) предпринимать, когда необходимо, односторонние действия; 3) продвигать свободную торговлю и свободные рынки; 4) тратить больше на оборону; 5) поддерживать боевой дух в своих вооруженных силах; 6) создать национальную систему обороны от баллистических ракет; 7) расширить возможности своих разведывательных ведомств².

Однако «конец истории», как предрекал американский профессор Фрэнсис Фукуяма, не произошло. В обстановке эйфории от антикоммунистических переворотов в Восточной Европе в 1989 г. этот маститый историк заявил, что история как движение закончилась, ибо в мире окончательно восторжествовала идея либеральной демократии и потребительской культуры, что знаменует-де триумф Запада, западной цивилизации³.

Выдающийся французский мыслитель XIX в. А.Сен-Симон заявлял: «Не будет лишним повторять, что общество для своей деятельности нуждается в цели, что без этого не может быть никакой политической системы»⁴. Идея, если она отражает общие чаяния, благородные и справедливые устремления людей, становится мощным побудительным мотивом

¹ «МЭ и МО». 1999. № 4. С. 40.

² «Правда». 12—15.XI.1999.

³ См. Фукуяма Ф. Конец истории? // «Вопросы философии». 1990. № 3.

⁴ Сен-Симон. Избр. соч. Т. 11. М.—Л., 1948. С. 15.

их деятельности, рождает в них великую энергию и непреклонную волю.

Сейчас человечество подвергает анализу и переоценке многое из того, что определяло его развитие на протяжении последних десятилетий. Что должно быть взято в новый век и в новое тысячелетие, а что надо отбросить, что нуждается в изменениях или переориентации ценностей?

Все более очевидным становится, что политика, свободная от нравственных обязательств, в современном историческом контексте ведет к гибели и что наука также столкнулась с необходимостью определить границу дозволенного в отношении человека к природе и обществу, нравственно обосновать избираемые ею цели и средства их достижения. Зарождающееся новое мышление предполагает признание политикой и наукой нравственных критериев и обязательств.

Своеобразие современного положения в мире заключается в том, что все государства независимо от общественно-экономического строя вступили в полосу таких глубоких и всесторонних преобразований, понимание и осуществление которых требует нового видения. Человечество столкнулось с рядом глобальных проблем, решить которые отдельные страны самостоятельно не могут.

В общественных науках накоплено немало прогнозов развития мира в XXI в. Французский экономист П.-Н. Жиро в книге под названием «Неравенство в мире. Экономика современного мира» (Париж, 1996) предсказывает, например, что в XXI в. будет наблюдаться расцвет индийской и китайской цивилизации, а в странах Запада возрастет неравенство между бедными и богатыми, произойдет сокращение «средних слоев»¹.

Глобализация общественных, политических, экономических, культурных и научных связей создает невиданные возможности для расцвета всех народов планеты. Однако пока мы видим, что продолжает увеличиваться разрыв между «Севером» и «Югом» — между богатыми индустриально развитыми странами и бедными, развивающимися. Экономическое неравен-

¹ «Le Monde». 15.XI.1996.

ство и националистическая идеология будут продолжать оставаться питательной средой для региональных конфликтов.

Автором одного из «среднесрочных» прогнозов является политический обозреватель «Правды» Ричард Овинников. По его словам, «положение в мире в первые десятилетия XXI века будет характеризоваться прежде всего негативными тенденциями — нарастанием неустойчивости в геополитическом, социальном и экономическом плане. С неизбежными конфликтами по всем этим векторам в качестве способа разрешения противоречий»¹. При внешнем триумфе капитализма классовую борьбу похоронить не удалось.

Главные дискуссии, идущие относительно «цивилизации XXI века», связаны в основном с незавершенным историческим спором между социализмом и капитализмом и с концепцией т.н. «устойчивого развития». Несмотря на поражение социализма в ряде стран современная эпоха останется периодом перехода от капитализма к социализму. Если бы не было социализма и организованного рабочего движения, капитализм не трансформировался бы и не принял современные цивилизованные формы. В сложившихся условиях социализм может отвоевать свои позиции прежде всего не в промышленно развитом регионе, а в «третьем мире», среди развивающихся стран, в число которых по некоторым показателям теперь попала и Россия.

Каков может быть оптимальный общественно-экономический строй для человечества? Даже обеспокоенные развитием социализма западные социологи давно задумывались над этим вопросом. Их ответом была теория единого «индустриального общества», которую развивали Р.Арон, Ф.Перру, Ж.Фурастье, Ж.Эллюль, У.Росту, П.Сорокин, Т.Парсонс, У.Баккингем и Я.Тинберген.

Питирим Сорокин в работе «Проблема социального равенства и социализм» писал: «С того времени, когда был раскрыт фетишизм капитала, когда трудовая теория ценности заявила, что сам капитал — только продукт и символ труда, прочное и царственное владычество капитала было поколеблено. И чем

¹ «Правда». 4—5.VIII.1998.

дальше, тем оно колеблется сильнее и сильнее. И лично для меня нет сомнения, кто из этих двух противников победит: рано или поздно победа останется, конечно, на стороне труда»¹.

В 1960 г., в обстановке довольно напряженных советско-американских отношений, П. Сорокин публикует эссе «Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР к смешанному социокультурному типу». Работа начиналась со следующих слов: «Западные лидеры уверяют нас, что будущее принадлежит капиталистическому («свободное предпринимательство») типу общества и культуры. Наоборот, лидеры коммунистических наций уверенно ожидают победы коммунистов в ближайшее десятилетие. Будучи не согласным с обоими этими предсказаниями, я склонен считать, что если человечество избежит новых мировых войн и сможет преодолеть мрачные критические моменты современности, то господствующим типом возникающего общества и культуры, вероятно, будет не капиталистический и не коммунистический, а тип специфический, который мы можем обозначить как интегральный. Этот тип будет промежуточным между капиталистическим и коммунистическим строем и образом жизни. Он объединит большинство позитивных ценностей и освободится от серьезных дефектов каждого типа»².

В странах Запада, отмечал Сорокин, наблюдается разрушение моральных ценностей (распад семьи, массовая культура самого низкого пошиба, мелочный эгоизм, хаос мнений и верований и т.д.)³.

Наблюдаемый триумф капитализма в мире не может перечеркнуть тот факт, что социализм — проблема планетарная. Цивилизация не может застыть в своем развитии. Многие выдающиеся умы считали, что человек приходит в этот мир не для того, чтобы создавать рай для богатых, с одной стороны, и порабошающий труд и угнетение для бедных, с другой.

Капитализм заразил общество вирусом «неограниченного потребительства», поставив человека в зам-

¹ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 260.

² Там же. С. 16.

³ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 200—201.

кнутый круг «производство-потребление». С помощью назойливой и вездесущей рекламы культивируются искусственные потребности. Взять, к примеру, легковой автомобиль, ставший в известном роде символом капитализма. Процветание монополистического капитализма в немалой степени основано на производстве автомобилей. Разумеется, капиталистическая цивилизация сводится не только к автомобилю, но и в целом к «престижному потреблению», которое заразило широкие средние слои, ставшие в какой-то мере социальной базой капитализма.

Мало кто берется утверждать, что «золотой век» капитализма впереди, хотя его резервы далеко не исчерпаны. Экономисты не предсказывают высоких темпов экономического роста, превышающих 2% в год, что приведет к дальнейшему увеличению безработицы и обострению социальной напряженности в ныне «благополучном» регионе Запада.

За классическим принципом либерализма и рыночной экономики стояла безудержная эксплуатация человека и природы. Сейчас этот принцип не может действовать без ограничений. Бизнес, как известно, не делает различий в целях производства, ибо главное для него — получение прибыли. Вот почему особенно доходными стали производство вооружений и наркотики. Но дело не только в этом. Современная технология рассчитана на вытеснение рабочих рук, вследствие чего армия безработных будет постоянно расти. Либеральная демократия западного образца, воспевающая «царство Количества» и индивидуализм, все больше и больше вступает в противоречие и коллизию с идеалами социальной справедливости и коллективизма.

Буржуазно-реформистская мысль в странах Запада получила широкое распространение. В обстановке экономического бума 50—60-х годов возникла концепция «государства всеобщего благосостояния». Она была связана с развитием государственного регулирования экономики, с перераспределением национального дохода через государственный бюджет, с появлением широкомасштабных социальных программ. На социальные нужды в Швеции расходуется более 30% ВВП, в ФРГ — 24, а в США — 14%¹.

¹ Milner H. Sweden: Social Democracy in Practice. Oxford, 1989. P. 205.

Хотя с падением экономической конъюнктуры социальные программы страдают в первую очередь, и сейчас во многих странах Запада действует так называемая «социальная рыночная экономика», предполагающая значительное государственное регулирование. Государство, участвуя в воспроизводстве капитала, вынуждено, с другой стороны, через перераспределение национального дохода снижать такие негативные последствия рыночных отношений как истощение невозобновляемых природных ресурсов, ухудшение окружающей среды, отсутствие стимулов для производства товаров и услуг коллективного пользования (дороги, дамбы, общественный транспорт, здравоохранение, образование), социальную защиту граждан, благоустройство городов и т.п.

Как считает французский политолог Р.-Ж.Шварценберг, «нужно отказаться от ценностей капитализма: производительности, товарно-денежного фетишизма, духа конкуренции, агрессивности и т.д. Им нужно противопоставить «контр-поведение», «контр-ценности (чувствительность, чувственность, покой, мир, нежность, красоту и т.д.), чтобы добиться признания нового качества жизни»¹.

Не только левые, но и правые политические мыслители заняты поисками новых общественных идеалов. Профессор социологии Гарвардского университета Д.Белл еще в середине 70-х годов сетовал на то, что Запад не имеет политической философии, которая оправдывала бы его приоритеты².

В мире нарастает тенденция, которую экономисты называют «социализацией капитала», и идет она как сверху (национализация), так и снизу. Акционирование крупных предприятий наметилось еще во времена К.Маркса, а в зрелом индустриальном обществе приобретает решающее значение. Ныне государственная и кооперативная собственность на средства производства, а также собственность пенсионных фондов, профсоюзов и других общественных организаций заметно превышает частную собственность и продолжает непрерывно расти.

¹ Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология. Ч. II. М., 1992. С. 220.

² Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. London, 1976. P. 176.

Голландский экономист, лауреат Нобелевской премии Ян Тинберген отмечал такое влияние социализма на капиталистическую экономику: расширение государственного сектора, усиление вмешательства государства в хозяйственную жизнь, ограничение свободной конкуренции, возросшая роль налогов как средства перераспределения доходов, развитие планирования¹.

Бывший французский министр М.Понятовский в книге «Будущее нигде не написано» (1973) заявлял, что истина уже не находится ни справа, ни слева, — она перед нами. Новый рубеж — «научное общество» — состоит не в количественном увеличении богатства: он требует преобразования самого человека. «Индо-европейская цивилизация, — писал он, — вознесла род человеческий на научный и экономический уровень, который дает ему возможность освободиться от тысячелетней нужды. Обладание средствами интеллектуальной энергии, которую дает совокупный мозг, создаваемый научным обществом, даст возможность и в будущем взять на себя роль, на этот раз аналогичную обеспечению выживания мира»².

Французский публицист Мишель Боске приводит любопытный случай, когда живущие в примитивных условиях обитатели архипелага Тристан д'Акунья, побывавшие в странах развитого капитализма, предпочли вернуться на родину к своей привычной жизни, «хотя и без комфорта, но и без эксплуататоров и эксплуатируемых, без богатых и бедных, без высокообразованных и неграмотных, без насилия и полиции»³.

Здравый смысл не позволяет молиться на рынок как на главный регулятор общественной жизни: это многие уже понимают на Западе. Сам по себе рынок не может регулировать нематериальные стороны жизни, в особенности человеческие отношения. Подлинная культура при нем становится нерентабельной. К тому же, если бы не было социализма и организованного рабочего движения, капитализм не трансфор-

¹ Bornstein M. (ed.). Comparative Economic Systems (Models and Cases). Homewood (Ill.) 1965. P. 457.

² Poniatowski M. L'avenir n'est écrit nulle part. Paris, 1973. P. 422.

³ Bosquet M. Critique du capitalisme quotidien. Paris, 1973. P. 15.

мировался бы и не принял современные цивилизационные формы.

Рыночная экономика истощает ограниченные природные ресурсы (нефть, уголь, минералы и др.), игнорирует защиту окружающей среды. В докладе Римского клуба — международной неправительственной организации представителей финансовых и деловых кругов и ученых западных стран, опубликованном в мае 1991 г. («Первая глобальная революция»), указывалось, что рыночные механизмы сами по себе не могут справиться с глобальными проблемами, которые требуют стратегического предвидения. Они не могут, в частности, разрешить энергетический или экономический кризис¹.

В западных странах продолжается объективный процесс обобществления средств производства, ставящий рыночные отношения в определенные рамки. Любая крупная капиталистическая фирма может служить образцом планового ведения хозяйства. Не случайно творцы теории единого «индустриального общества» не считали форму собственности на средства производства определяющей в характеристике названного типа общества.

В странах Запада отнюдь не редкость предприятия, находящиеся в собственности его работников. В США, например, на такие предприятия приходится приблизительно 10% занятых. Они возникли чаще всего в результате выкупа персоналом нерентабельных предприятий, причем не только мелких и средних, но и крупных². Обществом смешанного типа собственности на средства производства является Израиль. Здесь существуют три хозяйственных сектора: государственный, на который приходится 21,5% ВВП, профсоюзный (предприятия Гистадрута) — 20,3 и частный — 58,2% ВВП. В государственной собственности находятся все электро- и водоснабжение страны и 40% транспорта³. Доля государства в общей сумме внутренних инвестиций превышает 50%⁴. Некоторые западные авторы изображают израильские

¹ Компас (БПИ). № 132. ТАСС, 10.VII.1991. С. 6.

² Курашвили Б.П. Новый социализм (К возрождению после катастрофы). М., 1997. С. 119.

³ Eisenstat S. Israeli Society. London, 1973. P. 91.

⁴ Ibid. P. 82.

сельскохозяйственные поселения — киббуцы — как нечто вроде совхозов, где нет частной собственности, нет денег, где все едят вместе, воспитывают детей коллективно¹.

Капитализм в странах Запада в какой-то мере стал социальным, к чему его вынудила классовая борьба трудящихся и международное влияние социализма.

Хотя с падением экономической конъюнктуры социальные программы страдают в первую очередь, и сейчас во многих странах Запада действует так называемая «социальная рыночная экономика», предполагающая значительное государственное регулирование. Участвуя в воспроизводстве капитала, государство вынуждено вместе с тем путем перераспределения национального дохода снижать негативные последствия рыночных отношений — таких как истощение невозобновляемых природных ресурсов, ухудшение окружающей среды, отсутствие стимулов у капитала развивать инфраструктуру коллективного пользования (дороги, дамбы, общественный транспорт, здравоохранение, образование), осуществлять социальную защиту граждан, благоустройство города и т.п.

В странах Запада минимальная заработная плата устанавливается ныне по стоимости необходимого набора товаров и услуг, обеспечивающих невысокий, но терпимый прожиточный уровень.

Президент Ф.Рузвельт, спасший американский капитализм в 30-х годах, однажды сказал: «Будущее принадлежит идеалу, который будет представлять нечто среднее между капитализмом США и коммунизмом СССР»². Многолетний советник Ф.Миттерана — профессор Жак Аттали в книге «Слово и орудие» указал, что будущее принадлежит социализму при полном отрицании товарной формы хозяйства. Децентрализация управления, автономия предприятий, переходящая в самоуправление — таковы основополагающие, по его представлению, принципы новой социально-экономической системы³.

¹ Forman J. Socialism (Its Theoretical Roots and Present-Day Development). New York, 1973. P. 52.

² Dauphin R. Le défi d'une nouvelle gauche française. Paris, 1980. P. 101.

³ Attali J. La parole et l'outil. Paris, 1975.

В 1991 г. сессия Совета взаимодействия, в которой участвовали бывшие главы государств и правительств — Г.Шмидт, В.Жискар д'Эстэн, Т.Фокуда, Дж.Каллагэн, П.Трюдо и другие — признала, что сегодня в мире нет чисто рыночной экономики, основанной на частной собственности. В большинстве стран существует смешанная система со значительным государственным сектором. Бывшие капитаны западного мира были вынуждены констатировать, что хаотичному рынку не по зубам глобальные проблемы, и поэтому они не рекомендовали восточноевропейским странам спешить с приватизацией и отказываться от государственного регулирования¹.

Бывший помощник президента США по национальной безопасности, профессор Университета Джона Гопкинса (Вашингтон) З.Бжезинский в книге «Вне контроля» (1993 г.) отмечает, что либерализм как господствующая западная доктрина оказывается ныне не слишком привлекательным. Нужны, признает он, новые идеи². Не пытаюсь сформулировать альтернативный положительный идеал, которым является только социализм, Бжезинский отмечает, что «неравенство становится все менее терпимым»³. Он подчеркивает также, что «глобальное неравенство становится по-видимому ключевой проблемой политики в XXI веке»⁴. По приводимым им данным организации «Программа развития ООН», если в 60-х годах индустриальные страны были богаче бедных в 30 раз, то в 90-х — в 150 раз⁵.

В ряду высказываний научных и политических авторитетов нельзя обойти социальную доктрину римской церкви, ставшей одним из магистральных направлений ее политики. Не случайно энциклика папы Льва XIII «Рерум новарум» («О новых вещах», 1891 г.), от которой берет свое начало социальный католицизм, была специально отмечена другими посланиями пап по случаю ее 40-летия, 80-летия и

¹ «Правда». 6.XII.1994.

² Brzezinski Z. Out of Control (Global Turmoil on the Eve of Twenty First Century). New York, 1993. P. 74.

³ Ibid. P. 182.

⁴ Ibid. P. 183.

⁵ Ibid. P. 184.

100-летия. Так, в энциклике «Квадраджеммо анно» («40 лет», 1931 г.) осуждался либерально-демократический режим, поощряющий материалистические императивы и индивидуалистическое сознание, потерявшее нравственную опору.

В энциклике «Центезимус аннус» («Сотый год», 1991 г.) папы Иоанна Павла II говорилось: «Нельзя согласиться с утверждением о том, что потерпевший поражение так называемый «реальный социализм» должен уступить место только капиталистической модели организации производства. Нужно сломать барьеры и монополии, которые удерживают множество народов на задворках развития, обеспечить всем людям и нациям элементарные условия участия в нем»¹.

По мнению американского теоретика социал-демократического направления М. Харрингтона, преобразования в плане «нового социализма» на Западе будут сопровождаться «периодическими структурными кризисами капитализма»². Харрингтон не предвидит в ближайшие 50 лет такого «последнего» кризиса, который привел бы к замене капитализма социализмом. К середине XXI в. развитые страны, как и сегодня, будут иметь «смешанную экономику». На пороге «нового социализма» она будет более человечной, но полностью еще не трансформируется. «Социализация», по Харрингтону, представляет собой уже начавшийся процесс усиления влияния трудящихся на принятие решений на производстве. Для приближения «нового социализма» необходимо применять, по мнению американского ученого, «демократическое планирование», благодаря которому рынок будет иметь возможность служить на благо общества.

Французский левый общественный деятель и публицист Пьер Жюкен полагает, что кризис капитализма как способа производства, потребления и организации общества на Западе неоспорим, но он носит сложный характер и предполагает множество выходов из него. Капитализму в особенности трудно сочетать стремление к максимальной прибыли и охрану окружающей среды. Только под давлением общест-

¹ Компас (БПИ). № 96. ТАСС. 21.V.1991. С. 4.

² Harrington M. Socialism: Past and Future. New York, 1989. P. 195.

венности капиталистическим государствам удается держать под контролем проблему экологии. Однако экологический прогресс остается ограниченным, противоречивым¹.

Многие исследователи предрекают, что XXI в. будет «аскетическим» из-за демографической проблемы. Если в 1900 г. население планеты составляло 1 млрд человек, в 1960 г. — 3 млрд, во второй половине июля 1999 г. достигло 6 млрд, то к середине XXI в. может составить 12 млрд².

В представлениях некоторых западных ученых глобальные проблемы, в особенности экологическая и демографическая, образуют некий «порочный круг» неразрешимых для человечества бедствий, из которого либо вообще нет выхода, либо единственное спасение состоит в немедленном прекращении экономического роста и увеличения населения. Такой подход к глобальным проблемам сопровождается различными пессимистическими прогнозами будущего человечества. Но в противоположность подобным пессимистическим настроениям многие ученые придерживаются в своих взглядах на будущее убеждения в том, что человечество обладает необходимым интеллектуальным потенциалом и материальными ресурсами для решения глобальных проблем, как бы сложны они не были.

Набирает поддержку концепция так называемого «устойчивого развития», которое обеспечило бы стабильный рост, не приводя к существенной деградации природной среды. Хотя нет единого толкования этого определения и в особенности методов достижения «устойчивого развития», некоторые основополагающие идеи были высказаны в докладах Римского клуба «Пределы роста» (1972 г.) и Комиссии ООН по природной среде и развитию («Комиссии Брундтланд») — «Наше общее будущее» (1987 г.).

Основные рекомендации по «устойчивому развитию» были подготовлены к конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в июне 1992 г. Ученые подняли вопрос об изменении

¹ Juquin P. Pour un écosocialisme // «Nouvelle revue socialiste». 1990. № 11. P. 158.

² Радио Свобода. 27.VII.1999.

модели производства и потребления, о необходимости радикальной перестройки в мировом масштабе экономической политики, несущей печать анархии рыночных отношений. Особое внимание рекомендуется уделять энерго- и ресурсосбережению.

«Устойчивое развитие, — отмечалось в докладе Комиссии Брундтланд, — это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Оно включает два ключевых понятия:

— понятие потребностей, в частности потребностей, необходимых для существования беднейших слоев населения, которые должны быть предметом первостепенного приоритета;

— понятие ограничений, обусловленных состоянием технологии и организацией общества, накладываемых на способность окружающей среды удовлетворять нынешние и будущие потребности»¹.

«Устойчивое развитие» не сводится только к количественному ограничению экономического роста. Оно требует изменение содержания роста для того, чтобы он был менее материалоемким и энергоемким². Особое внимание должно уделяться сохранению природной среды. Среди ключевых элементов концепции «устойчивого развития» эксперты называли также искоренение бедности в «третьем мире», замедление темпов демографического роста в развивающихся странах, перенесение части расходов по защите окружающей среды в «третьем мире» на развитые страны. Однако пойдет ли богатый «Север» на перераспределение доходов с бедным «Югом»? Эта проблема пока неразрешима.

Движение экологов в странах Запада бросило вызов «обществу потребления» (иное наименование индустриального и постиндустриального общества), противопоставляя стремлению «иметь больше» желание лучшего «качества жизни», а экономическому росту — социальный прогресс как главный приоритет. Экологи требуют отказа от «престижного по-

¹ Наше общее будущее (Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию). М., 1989. С. 50.

² Там же. С. 58.

требления» в пользу «добровольной простоты». Их девиз: пусть будет меньше денег, меньше потребительских ценностей, но зато больше досуга, больше возможностей для самореализации личности и участия в общественной жизни.

Литература по «устойчивому развитию» обнаруживает существование по меньшей мере двух четко выраженных подходов к данной проблеме. «Широкая» интерпретация этого понятия включает развитие в экономическом, социальном и экологическом смыслах, более «узкая» ограничивает необходимость устойчивости исключительно экологической сферой, выявляя условия, при которых оптимальное управление природными ресурсами может быть достигнуто.

По весьма скромным оценкам ООН, проведенным в 1993 г., для того, чтобы остановить ухудшение состояния окружающей среды в мире, в течение 10 ближайших лет потребуется 774 млрд долл. Это громадная цифра. Но военные расходы в мире даже с учетом происходящего сокращения в 3–5 раз превышают расходы на защиту природы¹.

Истощение природных ресурсов Земли и загрязнение окружающей среды останутся наряду с голодом сотен миллионов людей грозным обвинением против ненасытной жажды прибыли капитализма. Не случайно движение экологов требует помимо законной защиты окружающей среды сокращения всякого рода престижного потребления. По данным генерального директора ЮНЕСКО Ф.Майора, 20% населения мира (а это не что иное, как «золотой миллиард» граждан западных и некоторых новых индустриальных стран) живет за счет 80% его ресурсов².

Как считает доктор технических наук А.П.Федотов, устойчивое развитие человечества — не близкая перспектива. Оно может стать реальностью через несколько человеческих поколений. Пока же, по его мнению, «господствующая на планете и не подвергаемая сомнению стратегия неуклонного повышения экономического роста в условиях интенсивного разрушения биосферы и мировой системы является безумной,

¹ Possibilités d'utilisation des ressources du domaine militaire pour la protection de l'environnement. Rapport du Secrétaire général. New York, Nations Unies, 1993.

² Майор Ф. Новая страница. М., 1994. С. 85.

антинаучной и самоубийственной для человечества. Экономический рост должен быть прекращен и трансформирован в исторически короткое время в гармоничное развитие человечества, т.е. в процесс совершенствования человека, его творческих и духовных начал, в процесс накопления знаний и совершенствования технологий при нулевом экономическом росте... При прекращении экономического роста капиталистический способ хозяйствования становится ненужным. Более того, капиталистический механизм умножения прибыли, капитала и материального богатства, непременно работающий за счет разрушения Земли, становится опасным для человечества»¹.

В контексте глобальных проблем устойчивого развития пагубную роль сыграли капиталистические реформы в России. По словам Федотова, «разрушение СССР, его промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры и капитализация России — крупнейшая трагедия всемирной истории человечества, значительно удаляющая его от устойчивого развития, трагедия, еще не понятая человечеством из-за инерционности эколого-социально-экономических процессов, инерционности мышления и ложного информационного шума, окутавшего планету.

Встраивание экономики России, в прошлом социалистической, управляемой, плановой, в нынешнюю мировую экономику, капиталистическую, неуправляемую, стихийную, разрушительную из-за игнорирования конечных ресурсов Земли, противоречит науке, логике, интересам будущих поколений всех континентов и, учитывая трагические последствия для всего человечества, несет в себе печать безумия»².

Развитие человечества в XXI в. во многом будет определяться тем, какая тенденция будет преобладать в общественном сознании — индивидуализм или коллективизм. Реальный гуманизм равным образом несовместим с двумя крайностями в подходе к оценке прав и обязанностей личности. Одна крайность — это подавление свободы личности, пренебрежение к ее правам, отношение к человеку как к «винтику» в го-

¹ Федотов А. Устойчивое развитие и его место в общей истории развития человечества // «Диалог», 1996, № 9. С. 79–80.

² Там же. С. 82.

сударственном или общественном механизме. Другая крайность — представление о возможности абсолютной свободы личности, пренебрежение, а то и прямое отрицание обязанностей человека перед другими людьми, коллективом, обществом.

Наилучшие условия для расцвета личности создают политический строй демократии и общественно-экономический строй — социализм. Капитализм дает шансы для процветания только наиболее сильным, способным, талантливым и обладающим материальными средствами. Разве девиз «американского образа жизни» — все для человека? Нет: все для капитала. Там есть двойной стандарт человека — собственник и лишенный собственности. Их социальный статус не одинаков. Предпринимателю нужен не человек, а функция, приносящая прибыль. Сколько в США безработных, больных, наркоманов, алкоголиков, бандитов, преступников — капиталистов это не интересует: они найдут всегда новые рабочие руки среди иммигрантов.

В отношении общественной самоорганизации цивилизация XXI в. при благоприятном развитии событий (отсутствии больших войн, природных катастроф и т.п.) будет менее централизованным, более открытым обществом, дающим большие возможности индивидам для самовыражения и для планирования своей жизни. В основе мировоззрения человека нового столетия должно лежать научное знание. Заслуживающую внимания концепцию общества XXI в. обрисовал в своей книге «Закат рынка» сотрудник Стокгольмского университета Трифон Костопулос. Он считает, что власть Ноуса (знание) и Номоса (закон) над природой и обществом будет абсолютной¹. По его видению, на смену капитализму придет «номократия» — новое общество, центральным элементом которого станет интеллект².

Правление номократии, по мысли Костопулоса, будет означать поворот в производстве и в общественных отношениях. Основные элементы капитализма и «антикапитализма» становятся бессмысленными и не-

¹ Kostopoulos T. Decline of Market (The Ruin of Capitalism). Stockholm, 1987. P. 219.

² Ibid. P. 125.

нужными и исчезнут. Радикально меняется характер и особенности собственности. При номократии она превращается в коллективное обладание правящим классом формулами знания. Однако классовое деление сохраняется. Человеческие потребности и способности станут объектами научных достижений. В результате каждый член общества получит все ему необходимое в соответствии с коллективными возможностями.

Нельзя отрицать, что знание — сила, однако Костопулос в своем привлекательном прогнозе невольно следует технократическим концепциям, которые пока лишь служат прикрытием власти буржуазии. Прямолинейного развития истории мы еще не наблюдаем. Однако процесс возрастания роли масс — все более образованных — во всех сферах жизни общества несомненен, и остановить его нельзя.

Существующие формы социализма совершенствуются в Китае, Вьетнаме, Северной Корее и на Кубе. «Новый социализм» может возродиться и в России. Как справедливо отмечал доктор юридических наук Б.П. Курашвили, «несколько тысячелетий господства частной собственности отмечено громадным, но односторонним прогрессом: скачком в технологии производства, в разнообразии, массе, качестве производимых продуктов и услуг — и деградацией личности человека и социальных отношений, разрушением окружающей среды»¹.

Не считая единственным социальным противоречием антагонизм труда и капитала, нужно признать, что различие или противостояние между управляющими и управляемыми, менеджерами и исполнителями реально не может быть ликвидировано, но это не исключает необходимости больших усилий по преодолению злоупотреблений властью и по установлению демократического контроля над бюрократией.

Социализм не может перенять у капитализма идею неограниченного потребительства. Совершенно абсурдно стремиться догнать по потреблению Соединенные Штаты. По некоторым подсчетам, на один заработный у себя на родине доллар американец получает

¹ Курашвили Б.П. Новый социализм (К возрождению после катастрофы). М., 1997. С. 95.

еще 2—3 доллара, извлекаемого неоколониальным путем («Диалог». 1998. № 7. С. 51). Французский социолог Андре Горз еще в 60-х годах считал, что ничто не оправдывает постановку вопроса о «богатом коммунизме» и ведение «гонки изобилия» между социалистическими и капиталистическими странами перед лицом миллиардов людей, лишенных жизненно необходимого¹. Социалистическая модель потребления, как полагал Горз, должна быть качественно иной.

Если опыт социализма сделал реальностью представление о социальной справедливости, то всемирное экологическое движение объявило безусловным приоритетом политику ответственности перед грядущими поколениями. В XXI в. человечество будет решать непростую задачу выживания. Вот почему концепция мировой цивилизации по необходимости должна будет включать понятия Свобода, Равенство, Братство, Справедливость, Ответственность. Разумеется, не все политические, социальные и экономические силы примут безоговорочно эту концепцию. Но левые политические силы, выражающие интересы большинства трудящихся, могут написать ее на своем знамени.

Как утверждают психологи, счастье людей вовсе не связано с потреблением или не только с потреблением: оно определяется прежде всего удовлетворенностью семейной жизнью, своей работой, дружбой, полноценным досугом. Развитие человечества в XXI в. во многом будет определяться тем, какая тенденция будет преобладать в общественном сознании — индивидуализм или коллективизм.

¹ Gorz A. Le socialisme difficile. Paris, 1967. P. 190—191.

Заключение

История человечества — это непрерывный процесс смены поколений, обществ, цивилизаций. Историческая наука — социальная память людей, своего рода хранитель «генетического кода» мировой цивилизации. Представления о минувшем образуют важнейшие составные части общественного сознания.

В чем притягательная сила истории? Она состоит прежде всего в естественном желании знать как можно больше о своих предках, об их делах и помыслах. История отвечает на вечные вопросы: откуда мы вышли? Кто мы? Куда мы идем? Познавая прошлое, мы объясняем настоящее и заглядываем в будущее. Всякий, кто хотел бы игнорировать наследие, делать «все наоборот», по сути оказывается утопистом, если не ретроградом. У всех цивилизованных наций история — это не просто часть культуры, но и национальное достояние.

Социальная значимость истории прямо связана с политикой и политической культурой. Вместе с тем подлинно научный подход в исторических исследованиях не должен следовать упрощенной формуле: «история — это политика, обращенная в прошлое».

История — постоянно развивающаяся наука по двум причинам: во-первых, это связано с подвижностью источниковой базы (нахождение или публикация новых документов через многие годы, появление мемуаров и т.п.), во-вторых, оценка событий может меняться с изменением общественно-политической ситуации в стране и общим уровнем исторических знаний.

Классик французской литературы В.Гюго в предисловии к полному изданию своих сочинений метко заметил об особенностях литературного труда: «У каждого пишущего книгу эта книга — он сам. Знает ли он это или нет, хочет ли он этого или нет, это так. В любом произведении — жалком (*chétive*) или выдающемся (*illustre*) проглядывает лицо писателя. Это его

наказание, если он маленький, это его награда, если он большой»¹.

Не упрощая положение, следует отметить, что на состояние исторической науки оказывают немаловажное влияние и такие факторы, как состояние культуры вообще и общественного сознания, в частности, престижность самих исторических знаний (или отсутствие таковой), наконец, материальные условия для создания фундаментальных исторических исследований.

Есть ли школы или направления в отечественной исторической науке по новейшей истории? С известной долей условности можно назвать одну школу «фактологической», представленную Историческим факультетом МГУ и его питомцами, а другую — «концептуальной», к которой относятся академические институты по общественным наукам. Неписанный закон для исследователей первой школы — архивы, парламентские документы, печать как главные первоисточники и отыскание малоизвестных фактов как цель. Для второй школы на первом месте стоят идеи, новые концепции, рекомендации, политические прогнозы.

Академик П.В.Волобуев (1923—1997), не раз показывавший пример научной смелости и добропорядочности, в интервью журналу «Отечественная история», ставшем по воле судьбы его исповедью и одновременно завещанием, говорил: «Историческое сознание народа усилиями средств массовой информации запутано, и люди часто просто не знают, где ложь, а где правда. Поэтому историки должны дать им прежде всего научно-обоснованные и нравственные ориентиры понимания истории. Каждое большое событие оказывает огромное воздействие на общественное сознание. Поэтому его надо правильно истолковывать и донести до людей, с тем, чтобы они сумели оценить свое историческое прошлое, увидеть в нем плюсы и минусы и понять, что без знания прошлого невозможно никакое будущее»².

¹ Hugo V. Oeuvres complètes. t. 1. Poésie. Paris, 1880. P. V.

² «Отечественная история». 1997. № 6. С. 122.

Научный метод исторического исследования становится все более универсальным: высококачественная научная работа одной страны получает признание и в других странах. Преодолевается обособленность отечественной исторической науки от зарубежной. На русский язык переведены труды по методологии истории М.Блока, Р.Дж.Коллингвуда, А.Тойнби и Л.Февра. Мы наблюдаем в нашей исторической литературе отказ от упрощенных социологических схем, развитие междисциплинарных комплексных исследований, возросший интерес к персонализации истории.

Само историческое исследование, даже самое квалифицированное и добросовестное, никогда нельзя рассматривать как законченное. В истории истина — всегда относительная величина хотя бы потому, что источники практически неисчерпаемы, а исследователь никогда не может преодолеть субъективный подход.

При всем желании историка быть беспристрастным судьей, его отношение к прошлому не может быть совершенно нейтральным, отвлеченным от морали. Ведь ему что-то по человечески нравится, а что-то не нравится, хотя в жизни нет явлений абсолютно положительных или абсолютно отрицательных. Тем не менее добросовестный историк должен быть осторожен в своих выводах. Ему не следует навязывать свои суждения, становиться в позу резонера. Он должен прежде всего разобраться, почему тот или иной деятель поступил так, а не иначе.

Следует внять совету французского историка М.Блока, который ставил задачу «понять» выше задачи «судить». «История, — писал он, — слишком часто отдавая предпочтение наградному списку перед лабораторной тетрадью, приобрела облик самой неточной из всех наук — бездоказательные обвинения мгновенно сменяются бессмысленными реабилитациями. Господа робеспьеристы, антиробеспьеристы, мы просим пощады: скажите нам, бога ради, попросту, каким был Робеспьер?.. К несчастью, привычка судить в конце концов отбивает охоту объяснять»¹.

¹ Блок М. Апология истории (или ремесло историка). М., 1973. С. 77.

Что развивает профессионализм историка? Американский профессор Дж.Гарраген считал, что для компетентного историка необходимы следующие качества: стремление к истине, критический ум, объективность, трудолюбие и сила интеллекта¹. Профессор университета американского штата Небраски Ф.М.Флинг указывал, что знание языка, литературы, искусства, логики и философии прямо связано с работой историка, а изучение экономики, политологии, психологии и социологии имеет косвенное отношение².

Всякое исследование — творческий процесс. Научиться писать историю, так же как и стать литератором по одному учебному пособию нельзя. Подражание лучшим примерам может быть полезным советом. Не мешает заглядывать почаще в труды таких маститых русских историков, как С.М.Соловьев, Н.И.Кареев, В.О.Ключевский, Е.В.Тарле, В.П.Волгин, А.З.Манфред, В.М.Далин, А.С.Ерусалимский, Б.Ф.Поршнев и других.

Ремесло историка — призвание особого рода, удовлетворяющее нравственную жажду к знаниям, к истине. Подобно другим наукам история дифференцируется по направлениям и даже по методам. Есть историки-фактологи, вводящие в научный оборот малоизвестные факты. Есть историки-концептуалисты, выдвигающие интересные новые объяснения. Есть историки-философы, социологи, политологи, экономисты, аграрники, историографы.

Не упрощая положение, следует отметить, что на состояние исторической науки оказывают немаловажное влияние и такие факторы, как состояние культуры вообще и общественного сознания в частности, престижность самих исторических знаний (или отсутствие таковой), наконец, материальные условия для создания фундаментальных исторических исследований.

Любая наука, в том числе и история, требует своих энтузиастов и подвижников, беспредельно преданных своему делу, в особенности творцов и мыслителей. «История — такое же ремесло, как и все осталь-

¹ Garraghan G.J. Guide to Historical Method. Fordham University Press, 1948. P. 43—54.

² Flinn F.M. The Writing of History (An Introduction to Historical Method). New Haven, 1923. P. 30.

ное, — писал Л.Февр. — Она нуждается в добросовестных мастеровых, в опытных подрядчиках, способных выполнять работу по плану, составленному другими. Нуждается она и в хороших инженерах. И они-то должны смотреть на вещи отнюдь не с высоты фундамента. Они должны уметь составлять планы, обширные планы, всеобъемлющие планы, осуществлением которых займутся в дальнейшем добросовестные мастеровые и опытные подрядчики. А чтобы составить обширный и всеобъемлющий план, необходимо обладать широким и ясным умом. Трезво и зорко смотреть на вещи. Работать в согласии с ритмом своего времени. Ненавидеть все мелкое, узкое, пошлое, отжившее. Одним словом, нужно уметь мыслить»¹.

Если история и не точная наука, то вопрос о ее правдивости ставится только в том случае, когда она отрывается от бесспорных данных. В таком случае возникает опасность умышленной фальсификации. Истинность исторического знания подтверждается совпадающими оценками многих исследователей. Одна из высоких гражданских целей исторической науки состоит в развенчании разного рода мифов, которые появляются в особенности в поворотные моменты общественного развития.

Без прошлого нет ни настоящего, ни будущего. Люди хотят знать, чтобы предвидеть, и предвидеть, чтобы действовать. Нельзя пытаться совершенствовать общество, не опираясь на рациональное наследие, накопленное человечеством. Всякий, кто хотел бы игнорировать это наследие, делать «все наоборот», фактически оказывается утопистом, если не реакционером-ретроградом.

¹ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 38.

Библиография

- АН СССР. История и социология. М., 1964.
- АН СССР. Институт истории. Маркс — историк. М., 1968.
- Антипов Г.А. Историческое прошлое и пути его познания. Новосибирск, 1987.
- Барг М.А. Понятие всемирно-исторического как познавательный принцип исторической науки. М., 1973.
- Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.
- Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.
- Бердяев Н. Смысл истории. М., 1990.
- Биск И.Я. Курс лекций по источниковедению новой и новейшей истории. Тамбов, 1971.
- Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага, 1925.
- Блок М. Апология истории (или ремесло историка). М., 1973.
- Брандт М.Ю., Ляшенко Л.М. Введение в историю. М., 1994.
- Быковский С.Н. Методика исторического исследования. Л., 1931.
- Вайнштейн О.Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX--XX веках. Л., 1979.
- Виппер Р. Очерки теории исторического познания. М., 1911.
- Виппер Р. Кризис исторической науки. Казань, 1921.
- Влахопулов Б.А. Методика истории. Киев, 1913.
- Глезерман Г.Е. О законах общественного развития. М., 1960.
- Григорьева И.В. Источниковедение (новой и новейшей истории стран Европы и Америки). М., 1984.
- Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования (Процесс развития и проблемы его научного воспроизведения). М., 1961.

Губман Б.Л. **Смысл истории (Очерки современных западных концепций)**. М., 1991.

Гулыга А.В. **Искусство истории**. М., 1980.

Гуревич А.Я. **О кризисе современной исторической науки // «Вопросы истории», 1991, № 2-3.**

Гуревич А.Я. **Исторический синтез и Школа «Анналов»**. М., 1993.

Гуревич А.Я. **Двойная ответственность историка // Проблемы исторического познания (Материалы международной конференции. Москва, 19-21 мая 1996 г.)**. М., 1999.

Данилевский И.М., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. **Источниковедение (Теория. История. Метод. Источники Российской истории)**. М., 1998.

Дербов Л.А. **Введение в изучение истории**. М., 1981.

Добрянов В.С. **Методологические проблемы теоретического и исторического познания**. М., 1968.

Дорошенко Н.М. **Методология истории как система (Учебное пособие)**. Калинин, 1985.

Дьяков В.А. **Методология истории в прошлом и настоящем**. М., 1974.

Дьяконов И.М. **Пути истории**. М., 1994.

Егоров В.К. **История в нашей жизни**. М., 1990.

Жуков Е.М. **Очерки методологии истории**. 2-е изд. М., 1987.

Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. **Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса**. М., 1979.

Зевелев А.И. **Историографическое исследование: методологические аспекты**. М., 1987.

Зиммель Г. **Проблемы философии истории**. М., 1898.

Иванов В.В. **Соотношение истории и современности как методологическая проблема (Очерки по марксистско-ленинской методологии исторического исследования)**. М., 1973.

Иванов В.В. **Методология исторической науки**. М., 1985.

Иванов В.В. **Методологические основы исторического познания (Учебное пособие по исторической социологии)**. Изд-во Казанского университета, 1991.

Иванов Г.М. **Исторический источник и историческое познание**. Томск, 1973.

Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В. Методологические проблемы исторического познания. М., 1981.

Ирибаджаков Н. Клио перед судом буржуазной философии (К критике современной идеалистической философии истории). М., 1972.

Историческая наука (Вопросы методологии). М., 1986.

Кареев Н. Историко-философские и социологические этюды. СПб., 1895.

Кареев Н. Идея всеобщей истории. СПб., 1885.

Кареев Н. Основные вопросы философии истории. СПб., 1897.

Кареев Н. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. 2-е изд. СПб., 1914.

Кареев Н. Теория исторического знания. СПб., 1913.

Кареев Н. Историка (Теория исторического знания). 2-е изд. Пг., 1916.

Карсавин Л.П. Введение в историю (Теория истории). Петербург, 1920.

Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993.

Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история (проблемы исторического процесса). М., 1981.

Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

Ковальченко И.Д. Сущность и особенности общественно-исторического развития // Исторические записки. Т. 1 (119). М., 1995.

Кожин В.И. Законы марксистско-ленинской социологии. Л., 1969.

Козин Н.Г. Познание и историческая наука (Эмпирический и теоретический уровни знания и познания и историческая наука). Саратов, 1980.

Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

Косолапов В.В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977.

Кукарцева М.А. Современная философия истории США. Иваново, 1998.

Лапто-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. 1. Пг., 1923.

Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 13.

Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. Об историческом опыте и его уроках. М., 1989.

Межуев В.М. Философия истории и историческая наука // «Вопросы философии», 1994, № 4.

Мейер Э. Теоретические и методологические вопросы истории (философско-исторические исследования). М., 1911.

Могильницкий Б.Г. Историческая наука и современность // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983.

Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989.

Мучник В.М. В поисках утраченного смысла истории (Генезис и эволюция исторических взглядов А.Дж.Тойнби). Томск, 1986.

Ойзерман Т.И. Проблемы историко-философской науки. М., 1969.

Петров Ю.В. Практика и историческая наука (Проблема субъекта и объекта в исторической науке). Томск, 1981.

Петряев К.Д. Вопросы методологии исторической науки. 2-е изд. Киев, 1976.

Подкорытов Г.А. О природе научного метода. Л., 1988.

Пособие по методологии истории. Самара, 1918.

Проблемы исторического познания (Материалы международной конференции. Москва, 19-21 мая 1996 г.). М., 1999.

Ракитов А.И. Историческое познание (Системно-гносеологический подход). М., 1982.

Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.

Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий (Логическое введение в исторические науки). СПб., 1997.

Розов Н.С. Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера // «Вопросы философии», 1995, № 12.

Саар Г.П. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930.

Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время (в поисках утраченного). М., 1997.

- Санцевич А.В. Методика исторического исследования. Киев, 1984.
- Сахаров А.М. Методология истории и историографии (Статьи и выступления). М., 1981.
- Сайко С.П. Диалектика эмпирического и теоретического в историческом познании. Алма-Ата, 1975.
- Сафронов Б.Г — Н.И.Кареев о структуре исторического знания. М., 1995.
- Сеньобос Ш. Исторический метод (в применении к социальным наукам). М., 1902.
- Скворцов Л.В. Время и необходимость в истории. М., 1974.
- Скворцов Л.В. Диалектика объективного и субъективного в философии истории. М., 1975.
- Скворцов Л.В. История и анти-история (К критике методологии буржуазной философии истории). М., 1976.
- Современные тенденции в буржуазной философии и методологии истории (Сб. статей под ред. И.С.Кона). Ч. 1-3. М., 1969.
- Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993.
- Стефанов Н. Теория и метод в общественных науках. М., 1967.
- Столяров В.И. Исторический метод познания в современной науке. М., 1973.
- Суркова Н. Методологические проблемы критики в исторической науке. Самара, 1995.
- Тардиф А. Основы исторической критики. Воронеж, 1883.
- Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М.-СПб., 1996.
- Уваров А.И. Логико-гносеологический анализ теории в исторической науке. Автореферат докторской диссертации. Ростов-на-Дону, 1973.
- Унпелов А.Г., Унпелов Г.А. Историографические очерки к проблемам методологии исторической науки. Владивосток, 1983.
- Фарсобин В.В. Источниковедение и его метод (Опыт анализа понятий и терминологии). М., 1983.
- Февр Л. Бой за историю. М., 1991.
- Федосеев П., Францев Ю. О разработке методологических вопросов истории. М., 1963.

Философия и методология истории. (Сб. статей. Общая ред. И.С.Кона). М., 1977.

Философия и ценностные формы сознания. М., 1978.

Философские проблемы исторической науки. М., 1969.

Французова Н.П. Исторический метод в научном познании (Вопросы методологии и логики исторического исследования). М., 1972.

Фриман Э. Методы изучения истории. М., 1893.

Хвостов В.М. Эволюция исторической науки и ее современное состояние. М., 1916.

Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. Казань, 1913.

Черняк В.С. История. Логика. Наука. М., 1986.

Шлет Г. История как проблема логики (Критические и методологические исследования). Ч. 1. Материалы. М., 1916.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

* * *

Aron R. Introduction à la philosophie de l'histoire (Essai sur les limites de l'objectivité historique). Ed. Gallimard, 1986.

Aron R. Dimension de la conscience historique. Paris, 1961.

Atkinson R.F. Knowledge and Explanation in History (An Introduction to the Philosophy of History). London, 1978.

Barker J. The Superhistorians (Makers of our Past). New York, 1982.

Berr H. La synthèse en histoire (Essai critique et théorique). Paris, 1911.

Berr H. L'histoire traditionnelle et la synthèse historique. Paris, 1935.

Bruhat J. Destin de l'histoire (Essai sur l'apport du marxisme aux études historiques). Paris, 1949.

Bunzl M. Real History (Reflections of Historical Practice). London and New York, 1997.

Carr E. What is History? London, 1962.

- Collingwood R.G. *Essays in the Philosophy of History*. Austin, 1965.
- Croce B. *Theorie et histoire de l'historiographie*. Genève, 1968.
- Croce B. *L'histoire comme pensée et comme action*. Genève, 1968.
- Danto A.C. *Analytical Philosophy of History*. London and New York, 1965.
- Dhoquois G. *Pour l'histoire*. Paris, 1971.
- Donagan A., Donagan B. (ed.). *Philosophy of History*. New York-London, 1965.
- Dray W. *Laws and Explanation in History*. London, 1966.
- Droysen J.-G. *Précis de la science de l'histoire*. Paris, 1887.
- Elton G.R. *The Practice of History*. London, 1967.
- Escarpit R. *Théorie de l'information et pratique politique*. Paris, 1981.
- Faire de l'histoire. t. I. Nouveaux problèmes. t. II. Nouvelles approches. t. III. Nouveaux objets. Sous la direction de J. Le Goff et P. Nova. Paris, 1974.
- Fling F.M. *The Writing of History (An Introduction to Historical Method)*. New Haven, 1923.
- Gardiner P. *The Nature of Historical Explanation*. London, 1965.
- Garraghan G.J. *A Guide to Historical Method*. Fordham University Press, 1948.
- Gilbert F. *History (Choice and Commitment)*. Cambridge (Mass.) — London, 1977.
- Historical Studies Today* (ed. By F. Gilbert and S. Graubard). New York, 1972.
- Hours J. *Valeur de l'histoire*. Paris, 1954.
- Karl Popper: *Philosophy and Problems*. Ed. by Anthony O'Hear. Cambridge, 1995.
- Klatzmann J. *Attention, statistiques! (Comment en déjouer les pièges)*. Paris, 1985.
- Langlois Ch.-V., Seignobos Ch. *Introduction aux études historiques*. Paris, 1898.
- Mandelbaum M. *The Problem of Historical Knowledge (An Answer to Relativism)*. New York-London, 1967.
- Mandelbaum M. *History, Man and Reason (A Study in Nineteenth-Century Thought)*. Baltimore and London, 1974.

Mandelbaum M. *The Anatomy of Historical Knowledge*. Baltimore and London, 1977.

Philosophical Analysis and History. Ed. by William H. Dray. New York and London, 1966.

La Philosophie de l'histoire et la pratique historique l'aujourd' hui. Ottawa, 1982.

The Philosophy of History (ed. by P.Gardiner). London, 1974.

The Philosophy of History in our Time (An Anthology selected and edited by Hans Meyerhoff). New York, 1959.

Popper K.R. *The Poverty of Historicism*. London and Henley, 1979.

The Postmodern History Reader. Ed. by K.Jenkins. London-New York, 1998.

Renier G.J. *History: Its Purpose and Method*. Boston, 1950.

Skagestad P. *Making Sense of History* (The Philosophies of Popper and Collingwood). Oslo, 1975.

Teggart F.J. *Theory and Processes of History*. Berkeley and Los Angeles, 1941.

Teggart F.J. *Prolegomena to History*. New York, 1974.

Topolski J. *Methodology of History*. Warsaw, 1976.

Toynbee A. *A Selection from his Works*. Oxford-London-New York, 1978.

Veyne P. *Comment on écrit l'histoire*. Paris, 1971.

Walsh W. *An Introduction to Philosophy of History*. London, 1951.

Wilkins B.T. *Has History any Meaning? (A Critique of Popper's Philosophy of History)*. New York, 1978.

Содержание

Введение	3
Часть I.	
Развитие исторического метода и его основные принципы	6
1. Генезис методологических проблем истории	6
2. Размышления о методе исследования	31
Часть II.	
Элементы критики источников	47
1. Пресса — самый массовый источник	47
2. Политическая публицистика и мемуары	63
3. Документы партий и общественных организаций	72
4. Парламентские документы и законодательные акты	78
5. Дипломатические документы. Некоторые концепции международных отношений	82
6. Статистика, устные источники, литература	105
Часть III.	
«Философия истории»	
Идеи, влияющие на исторические исследования	115
1. Дискуссии по теории исторической науки	115
2. Законы истории или социологические закономерности?	146
3. «Конец истории» не будет (К концепции «цивилизации XXI века»)	160
Заключение	178
Библиография	183

В.Ф. Коломийцев
МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ
(От источника к исследованию)

Художественное оформление *А. Сорокин*
Компьютерная верстка *Н. Мерзляков*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 25.09.2000
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл. печ. л. 10,8. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 2000 экз. Заказ № 2530

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 1. Тел. 181-01-71
Тел. 181-34-57 (отдел реализации)

Отпечатано в ГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14